

**Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан**

КИТАЙ ГЛАЗАМИ КАЗАХСТАНЦЕВ

Алматы 2012

УДК 327
ББК 66.4
К 45

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан*

Под редакцией Б.К. Султанова

Редакционная коллегия:

А.К. Нурша (ответственный редактор),
Р. Ю. Изимов (составитель),
У.М. Нысанбек (ответственный за выпуск)

К 45 Китай глазами казахстанцев. — Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2012. — 280 с.

ISBN 978-601-7242-61-9

Предлагаемая читателям книга представляет собой собрание статей и очерков, объединенных общей темой: развитие взаимовыгодных и добрососедских отношений между Казахстаном и Китаем, нашим восточным соседом. Книга имеет целью ознакомить широкий круг казахстанских читателей с Китаем, с его народом, политикой, культурой, традициями, национальной кухней и другими аспектами его развития, углубить и расширить представления о Поднебесной.

В основу книги легли личные впечатления, путевые заметки и воспоминания казахстанских граждан, побывавших в Китае и окупавшихся в современную жизнь этой удивительной страны и самобытный мир китайской культуры. Своими многолетними наблюдениями делятся авторитетные государственные деятели, политологи, синологи, преподаватели и журналисты.

Книга предназначена для политологов, специалистов-международников, государственных служащих, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также будет доступна и полезна широкому кругу читателей, интересующихся Китаем.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-601-7242-61-9

© КИСИ при Президенте РК, 2012
© Китайский Фонд международных исследований

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ Директор КИСИ при Президенте РК Султанов Б.К.	5
ГЛАВА I. СИНЕРГИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА	11
Султанов К.С. Динамика добрососедства	12
Бурханов К.Н. Уроки китайских реформ социально-политической системы — достояние человечества	28
Хафизова К.Ш. Китай в моей жизни	34
Мансуров З.А. Деловые поездки в Китай.....	71
Шулембаева Р.Д. Близкий сосед дороже дальнего родственника	77
ГЛАВА II. КИТАЙ ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ ИЗ КАЗАХСТАНА	87
Сыроежкин К.Л. Наблюдая за Китаем	88
Лаумулин М.Т. Китай — наш сосед	112
Байназарова Э.Е. Особенности китайской дипломатии	129
Алдабергенова Д.Н. Возрождение Великого Шелкового Пути	137
Дауен Д.Б. Китай — великий и малый.....	157
Асыл М.Б. Китай, каким я его помню.....	181
Арзыкулов А.А. Облик Китая и китайцев.....	200

Ерекешева Л.Г.	
Китайский Новый год (праздник весны)	223
Каукенова Т.В.	
Китайские дети: взгляд со стороны	234
Изимов Р.Ю.	
Традиции китайской кухни	251
Сведения об авторах	271
Информация о КИСИ	273
Information about the KazISS	275
Информация о Китайском Фонде международных исследований	276
Information about China foundation for international studies.....	278

Введение

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается книга «Китай глазами казахстанцев», авторами которой являются видные казахстанские политические и общественные деятели, авторитетные ученые и вузовские преподаватели, известные журналисты. Несмотря на то, что авторы данной книги являются представителями разных профессий, политических взглядов и воззрений, их объединяет одно — дружеские чувства и расположение к братскому китайскому народу.

Мы рассматриваем данную книгу как один из важных элементов народной дипломатии, целью которой является содействие большему узнаванию друг друга, а значит росту взаимного доверия и, соответственно, снижению всякого рода фобий, страхов и нелепых слухов. К большому сожалению, в последнее время некоторыми зарубежными средствами массовой информации усиленно раздуваются алармистские настроения в отношении Китая, в том числе в отношении набирающей силу китайской экономики. Не обошли эти материалы и казахстанскую аудиторию.

Действительно, Китайская Народная Республика, являющаяся нашим территориальным соседом, является сегодня одним из наиболее динамично развивающихся государств. КНР уже вышла на второе место в списке ведущих экономических держав, обойдя Японию и уступив лишь США (по абсолютным показателям).

Казахстанско-китайское сотрудничество приобретает особую актуальность в связи с продолжающимся качественным изменением мира и новыми парадигмами развития XXI века. Фундаментальные проблемы, приведшие к глобальному финансово-экономическому кризису 2007-2009 годов, не получили своего разрешения. Следовательно, мировому сообществу не избежать новой волны глобального экономического кризиса.

Основными субъектами глобализации выступают не национальные государства, а транснациональные корпорации (ТНК), контролирующие значительную часть мировых финансов, экономики и торговли. Из-за эгоизма ТНК в ближайшей и среднесрочной перспективе мир ожидают новые финансово-экономические потрясения и перманентная борьба за перераспределение ресурсов.

Серьезную опасность для мирового сообщества представляет военно-промышленный комплекс развитых стран Запада, навязывающий государствам непосильную гонку вооружений.

Мир является свидетелем уже не эрозии, а самого настоящего кризиса международного права. За примерами далеко ходить не надо, достаточно вспомнить необъявленные войны под надуманными предлогами в бывшей Югославии, Ираке, Ливии, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы. Сегодня провоцируется гражданская война в Сирии. К сожалению, международное право все больше напоминает так называемые бои без правил с лозунгом «Горе побежденному».

В настоящее время кардинально меняется роль энергоресурсов, превратившихся в инструмент стратегического характера и геополитического влияния. Прогнозы развития мировой энергетики до 2030 года показывают, что ведущая роль сохранится за тремя энергоносителями — нефтью, природным газом и углем. Их доля в энергобалансе практически не изменится — около 80%. Основными потребителями энергоресурсов станут Китай и Индия, а также Европейский Союз.

Президент РК Н.А.Назарбаев считает, что в рамках сегодняшнего «переходного» этапа международных отношений параллельно идут несколько системных процессов: 1) вызревает новая технологическая революция на основе технологических инноваций; 2) смещаются центры экономического роста глобальной экономики; 3) усиливается тенденция к изменению парадигмы глобальной валютной системы; 4) стремительно расширяется сфера глобального информационного общества; 5) формируется многополярный мир.*

В связи с вышеизложенным, в условиях «переходного этапа» международных отношений, для Республики Казахстан особое значение приобретает всестороннее сотрудничество с Китайской Народной Республикой, укрепление которого обусловлено следующими факторами:

- 1) довольно протяженная общая граница;
- 2) энергетическая взаимозависимость экономик Казахстана и КНР;
- 3) наличие в Казахстане разнообразных природных ресурсов и возможности для их промышленного освоения;
- 4) заинтересованность обеих стран в развитии перерабатывающих отраслей национальных экономик.

Значимость Казахстана для Китая будет возрастать по мере реализации проектов создания азиатско-европейского транспортного коридо-

* Назарбаев Н.А. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства иностранных дел РК. Астана, 20 апреля 2012 г./ www.akorda.kz

ра и перспективных планов обслуживания энергетических коридоров Китай — Ближний Восток, Китай — Южная Азия.

Для Казахстана немаловажное значение имеет дальнейшее развитие идеи евразийской интеграции (с участием России, ЕС и КНР). В первую очередь Казахстан заинтересован в привлечении ведущих китайских компаний к реализации программы по индустриально-инновационному развитию, созданию совместных предприятий в целях налаживания импортозамещающих производств.*

Создание Таможенного союза в составе Беларуси, Казахстана и России предполагает расширение формата сотрудничества между Китаем, с одной стороны, странами ТС, в том числе Казахстаном, — с другой. Китай в настоящее время является одним из основных торговых партнеров ТС. На долю Китая в 2011 г. приходилось 11,8% товарооборота стран Таможенного союза, что составляет \$107,8 млрд.

За 20 лет казахстанско-китайского сотрудничества создана необходимая юридически-правовая база для дальнейшего развития двусторонних взаимовыгодных отношений. Подписано около 200 двусторонних документов, в том числе Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой, Стратегия сотрудничества Республики Казахстан и Китайской Народной Республики.

В соответствии с международным законодательством, в атмосфере дружбы, доверия и взаимопонимания завершена работа по делимитации и демаркации казахстанско-китайской границы, протяженностью в 1782 километра.

Казахстан сегодня является основным торгово-экономическим партнером Китая в Центральной Азии. В частности, на долю Казахстана приходится 67,9% общего товарооборота Китая со странами ЦА, в том числе 56,4% экспорта и 81,8% импорта. Для сравнения: доля Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в товарообороте КНР со странами ЦА в 2010 г. составила соответственно 13,9%, 4,8%, 5,2% и 8,2%.

В 2011 г. товарооборот РК с КНР достиг \$25 млрд., при этом доля Китая в товарообороте Казахстана в 2011 г. составила 20,9%. Предполагается к 2015 г. увеличить казахстанско-китайский товарооборот до \$49 млрд.

* Казыханов Е.Х. Выступление министра иностранных дел РК на «правительственном часе» в Мажилисе Парламента РК на тему «Внешнеполитические приоритеты Казахстана: задачи и перспективы»/ portal.mfa.kz, 23 апреля 2012 г.

В настоящее время уже можно говорить об успешных двусторонних проектах в различных отраслях экономики: Мойнакская ГЭС в Алмагинской области, Павлодарский алюминиевый завод, завод по производству дорожного битума в г.Актау, нефтепровод «Запад Казахстана — Запад Китая», трансграничный газопровод, казахстанско-китайский международный центр приграничного сотрудничества «Коргас».

Успешно развивается двустороннее сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере. В настоящее время в Китае обучается около 8 тысяч казахстанских, а в Казахстане — более одной тысячи китайских студентов. В Казахстане функционируют два института Конфуция (в Казахском национальном университете им. аль-Фараби и в Евразийском национальном университете им. Гумилева), которые дают уникальную возможность казахстанским гражданам для изучения китайского языка и китайской культуры.

В соответствии с Соглашением о сотрудничестве по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, заключенным между Казахстаном и Китаем, успешно осуществляется борьба против «трех зол» и трансграничной преступностью как на двусторонней основе, так и в рамках ШОС.

Важным элементом углубления отношений между Казахстаном и Китаем является установившаяся атмосфера личной дружбы, доверия и уважения между лидерами наших стран, регулярные официальные и рабочие контакты на высшем уровне, позволяющие оперативно решать возникающие проблемы двустороннего сотрудничества.

В этом году состоится 18-й визит Президента Казахстана Н.А.Назарбаева в КНР, который, несомненно, придаст новый импульс взаимовыгодному двустороннему сотрудничеству.

Надеемся, что лидеры Казахстана и Китая, по устоявшейся традиции, обсудят дальнейшие шаги по наращиванию двустороннего товарооборота, практические меры интенсификации взаимодействия в сфере энергетики, мирного использования атома, нефтехимии, транспорта, сельского хозяйства, развития приграничной торговли, а также в сфере поставок казахстанского зерна и другой сельскохозяйственной продукции в Китай.

При этом необходимо иметь в виду, что добрососедские и дружественные отношения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой не направлены против третьих государств.

Набирающее темпы казахстанско-китайское сотрудничество имеет целью дальнейшее укрепление политического доверия, углубление сотрудничества в области совместного обеспечения безопасности и стабильности в регионе; стимулирование экономического сотрудничества, стремление к совместному развитию и процветанию; расширение сотрудничества в гуманитарной сфере и контактов между людьми, укрепление традиционной дружбы между народами двух стран.

Султанов Б.К.,
Директор КИСИ при Президенте РК,
доктор исторических наук.

ГЛАВА I. СИНЕРГИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА

ДИНАМИКА ДОБРОСОСЕДСТВА

СУЛТАНОВ
Куаныш Султанович

Депутат, член Комитета по международным делам, обороне и безопасности Мажлиса Парламента РК. Чрезвычайный и Полномочный Посол Казахстана в КНР (1995-2001). Доктор политических наук, профессор.

Сегодня о Китае, о китайских реформах, его роли и месте в современных мировых процессах говорит весь мир. Китай, представляя собой одну из величайших цивилизаций человечества, переживает исключительно новую эпоху расцвета экономики, технологий, образования, науки и культуры. Его достижения восхитительны. Современные результаты, особенно в области экономики, вызывают не просто всеобщее признание. Они, поднимая уровень жизни населения, оказывают позитивное воздействие на мировое развитие, а также способствуют качественному повышению условий жизни и деятельности человека. Естественно, это прежде всего касается самих китайцев, которые по численности населения достигнув почти полутора миллиардного рубежа, составляют пятую часть всего населения земного шара.

Всего за несколько десятилетий Китай, преодолев вековую отсталость, смог превратиться из прозябающей, отсталой страны в бурно развивающееся, могучее государство, которое начало оказывать прямое воздействие на мировую экономику. Китай не просто стал оказывать позитивное влияние на развитие мирового сообщества, а начал задавать тон и играть «первую скрипку» во многих направлениях международного сотрудничества.

Когда речь идет о современном Китае, невольно ощущаешь какую-то особенную динамику жизни, представляя себе быстровозводимые уникальные небоскребы, мощно развивающиеся новые технологии, неузнаваемо изменившие старый облик тысяч городов и деревень. На наших глазах идет широкомасштабная индустриализация, использующая самые совершенные, самые продвинутые технологии мировых

стандартов. Ибо всемирно известные компании, вкладывая исчисляющиеся миллиардами долларов США инвестиции, смогли развернуться здесь, именно в Китае. У многих транснациональных машиностроительных, нефтедобывающих, горно-рудных, электронно-вычислительных компаний появился шанс возрождения и приобретения нового наполнения именно здесь, в глубинах Китая. Все самое современное в области мирового маркетинга и технологий испытывается и внедряется в Китае. Это выгодно иностранным инвесторам, это выгодно КНР. Население страны быстро обучается, осваивая новые технологии, и в мир поставляется конкурентоспособная продукция.

Китай, более 30 лет назад начавший экономические реформы, вскоре сам стал примером для мирового сообщества.

Архитектор современных китайских реформ великий Дэн Сяопин в ноябре 1978 года на XI Пленуме ЦК КПК впервые заговорил о необходимости реформ в экономической и политической системе страны. Он практически «без единого выстрела» смог совершить великую революцию в сознании миллиардного населения в то время весьма отсталой страны. «Китай откроется миру, мир откроется Китаю». Эти, на взгляд, простые, но крылатые и поистине пророческие слова стали стимулом для широкомасштабных китайских реформ. Опираясь на природную трудолюбивость, дисциплинированность и организованность, смекалку, предприимчивость и гибкость, рациональность и прагматичность китайцев, лидеры государства за сравнительно короткий период вывели некогда прозябающую страну на самые передовые рубежи мировой экономики. По признанию мировых рейтинговых институтов, сейчас Китай уверенно стал второй экономикой мира.

Мне довелось проработать в Китае Чрезвычайным и Полномочным Послом РК с июля 1995 года по июль 2001 года. В эти годы Казахстан находился в тяжелейшем положении. Моя молодая страна была вынуждена преодолевать глубокой кризис, охвативший все стороны жизни после развала Советского Союза, проводить широкомасштабные реформы в экономической и политической системе, строить независимое государство на развалинах бывшей, некогда могучей, империи СССР. Плановая, жестко централизованная экономическая система единой страны развалилась. Заводы, фабрики, другие производства останавливались. Люди не получали зарплату, пенсии не выплачивались, прилавки магазинов опустели, и невероятными темпами росла инфляция. Одним словом, глубокий, широкомасштабный кризис охватил все стороны жизни нашего общества. Кризисные процессы в Казахстане про-

должались почти до конца 90-х годов прошлого столетия. Естественно, любой кризис всегда бьет по населению, и его последствия преодолеть нелегко. Но воздержусь от подробного анализа, так как задача статьи — говорить больше о Китае. Коснулся кризиса в нашей стране лишь для того, чтобы описать ту ситуацию, во время которой мы устанавливали и укрепляли наше добрососедство и широкомасштабное сотрудничество с Китаем во имя интересов обеих стран.

В начале 90-х годов в самом Советском Союзе и во многих странах мира шли дискуссии о политической системе и ее реформировании. Но никто не ожидал столь скорого краха супердержавы. Многие государства и международные институты не сразу смогли оценить происходящее. Мало кто верил в способность союзных республик стать независимыми и суверенными государствами. В этой ситуации Пекин был более прагматичен.

Стоит отметить и то, что Китай смог быстро преодолеть стереотипы по отношению к развалу Советского Союза и КПСС, несмотря на то, что в среде китайского политического эстеблишмента поговаривали о том, что «Пекин или Центр должен сохранять приоритет с Москвой или только с Россией, для всех бывших союзных республик достаточно уровня Синьцзяна». Конечно, это ошибочное предубеждение вскоре отошло на задний план. Наступало новое время, диктовавшее новые взаимоотношения в мировом порядке. К чести китайского руководства того времени во главе с председателем КНР, Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином, оно с первых же дней новых обстоятельств смогло исключительно точно и весьма продуктивно построить дипломатические отношения со всеми субъектами, возникшими на новом пространстве международных процессов. И Китай уже через две недели после провозглашения Казахстаном государственной независимости, точнее 3 января 1992 года, в числе первых государств, признавших наш суверенитет, подписал с Астаной Коммюнике об установлении дипломатических отношений и вскоре открыл свое Посольство в соответствии с подписанным двусторонним соглашением. Таким образом началась новая эпоха добрососедства между нашими странами, которая никогда ранее в нашей довольно древней и глубокой истории приграничного соседства не имела такого позитивного развития и расцвета, как в современный период.

Следует отметить, что китайское руководство проявляло исключительную активность и заинтересованность на начальном этапе установления двусторонних отношений между Казахстаном и КНР. На про-

тяжении многовековой истории наши народы переживали различные, порой весьма сложные периоды соседства. С чего же надо было начинать строить взаимоотношения в современный период? С углубления в историю либо с установления современных партнерских, равноправных взаимоотношений в интересах наших стран на перспективу?

Конечно, главы государств — Н.Назарбаев и Цзян Цзэминь, — отдавая должное всей истории взаимодействия между нашими народами в прошлом, придали большее значение развитию добрососедства в будущем. Это было требованием нового времени. И значение дружеских, партнерских отношений двух стран возрастает из года в год. Мудрость глав соседних государств проявилась и во взаимном признании территориальной целостности, что, безусловно, нашло широкую поддержку среди населения обеих стран. Нашему поколению выпала возможность извлечь уроки из всех прошлых периодов противоречий и конфронтаций и установить новые отношения дружбы и сотрудничества во имя будущего.

Президент РК Н.Назарбаев и председатель КНР Цзян Цзэминь во время первой же встречи смогли точно определить главные направления двустороннего сотрудничества, оценить ситуацию и создать политическую атмосферу сотрудничества во благо развития и процветания наших стран в будущем. Они понимали величайшую ответственность за судьбы двух соседних народов и, обсудив наиболее актуальные проблемы, договорились о необходимости создания договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества.

Новые взаимоотношения между Казахстаном и Китаем начали строиться на принципах взаимного признания территориальной целостности, суверенитета, партнерства в торгово-экономическом сотрудничестве, что, естественно, легло в основу современного добрососедства.

Следует подчеркнуть, что КНР после развала бывшего СССР и КПСС, сделав весьма серьезные выводы из практики бывшего великого соседа, смогла оперативно и объективно пересмотреть свою внешнюю политику по отношению к молодым государствам в пользу прагматичности и перспективности. Пекин, преодолев все противоречия и конфликты в прошлом, первым протянул руку дружбы новым государствам. Этот шаг способствовал формированию новых, перспективных взаимоотношений между молодыми государствами и древним Китаем.

В этом процессе особо важное значение имеет установление добрососедских взаимоотношений между странами, расположенными на ли-

нии одной границы, в число которых, с одной стороны, входят Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а с другой — Китай. Пограничные вопросы с каждым из этих приграничных государств имеют отдельные истории. Казахстан — также не исключение. Казахстанско-китайская граница имеет протяженность более 1700 километров и является второй после российско-китайской.

Первый официальный визит Президента Казахстана Н.Назарбаева в КНР, по приглашению председателя КНР Цзян Цзэминя, состоялся в 1993 году, во время которого Глава нашего государства в числе приоритетных выдвинул задачу урегулирования пограничных вопросов между нашими странами. Именно решение этой проблемы имело огромное значение для развития сотрудничества в будущем. Ибо события, происходившие на границе в прошлые века, особенно после потери Казахстаном государственного суверенитета и вхождения в состав России во второй половине XIX века, носили весьма драматичный, порой трагический характер.

На советско-китайской границе за 74 года существования Советско-Союза стороны не смогли достичь соглашения. Наоборот, сохранились старые обиды, обострившиеся новыми столкновениями — вплоть до вооруженных конфликтов. Провозглашенная во второй половине 50-х годов дружба на советско-китайской границе переросла в противостояние и вражду в 60-70-е годы, в период «культурной революции» в Китае. Кровопролития происходили на острове Даманском (на Дальнем Востоке) весной и осенью 1969 года, на озере Жаланашколь (в Алмагинской области Казахстана). Причиной раздора и вооруженных конфликтов практически во всех случаях оказывались так называемые «спорные участки» в районе границы. Пограничные переговоры между СССР и КНР, к сожалению, всегда заходили в тупик. Словом, нашим странам досталось тяжелое наследство. Перед новыми государствами стояла важнейшая задача преодоления старых, укоренившихся стереотипов. И для нас урегулирование пограничных вопросов имело принципиальное и первостепенное государственное значение.

Президент Казахстана сумел безошибочно четко определить приоритеты установления двустороннего сотрудничества между Казахстаном и Китаем в современный период, в котором достижение Соглашения о границе было поставлено во главу угла нашего добрососедства. К чести китайского руководства и китайских уполномоченных переговорщиков, они своевременно и чутко смогли уловить требования новой эпохи в межгосударственных отношениях.

Здесь уместно подчеркнуть одну, казалось бы, незначительную деталь, на которую и в прошлом, и в настоящем мало кто обращал внимание. Это — возможно, мировоззренческий фактор. Китай, китайский народ глубоко привержен коренным национальным культурным, мировоззренческим традициям. Это вовсе не означает, что они не приемлют нового. Наоборот, они отличаются восприимчивостью ко всему прогрессивному. Они обладают завидной любознательностью. Но удивительно то, что все это происходит не в ущерб глубоким традициям. Словом, китайцы отличаются способностью осваивать, постигать новое, сохраняя национальные традиции. У большинства китайцев существует убеждение в том, что их государство, названное две с половиной тысячи лет назад «Серединным государством», «Поднебесной империей», «Единственным государством в мире», действительно является таковым. Конечно, современное китайское общество за годы реформ и широких связей с мировым социумом преодолело подобное видение, и они довольно успешно оценивают реальную ситуацию в мире. Я напомнил об этом лишь в связи с вопросом о пограничных конфликтах. В процессе переговоров нелегко было отказаться от сложившихся стереотипов, особенно от проблемы «спорных участков» на границе, которые всегда были предметом разногласий. В конце концов, в ходе длительных, порой изнурительных переговоров мы пришли к выводу о том, что можем отказаться от термина «спорные участки» и должны рассмотреть проблему заново, с учетом интересов обеих сторон. Действительно, новый подход, новый взгляд на старые проблемы дали позитивные результаты. Мы смогли рассмотреть все детали нашей общей границы и прийти к самому важному — Соглашению, если можно так сказать, началу начал установления дружественных отношений между странами.

Впервые в нашей многовековой истории соседства в апреле 1994 года Президент Казахстана Н.Назарбаев и премьер Госсовета КНР Ли Пен подписали Основное Соглашение о границе между Казахстаном и Китаем. Позже, после длительных «многораундовых» переговоров, уже отказавшись от старого термина «спорные участки», который всегда служил предметом конфликта, мы смогли подготовить и подписать дополнительные Соглашения о границе. Первое дополнительное Соглашение было подписано между Н.Назарбаевым и Ли Пенем в сентябре 1997 года в Алматы, второе дополнительное Соглашение, в июле 1998 года, в Алматы подписали Н.Назарбаев и председатель КНР Цзян Цзэминь. Венцом этой важной исторической работы стало подписание

Президентом РК Н.Назарбаевым и председателем КНР Цзян Цзэминем «Коммюнике о полном урегулировании пограничных вопросов между Казахстаном и Китаем» в конце ноября 1999 года в Пекине.

Достижение взаимопонимания и конкретного Соглашения между лидерами двух соседних государств по пограничным вопросам стало залогом, основой дружбы и сотрудничества во всех направлениях нашей жизни, открыло перспективу и личной дружбы между лидерами двух стран.

Таким образом была успешно завершена огромная дипломатическая работа в истории двусторонних отношений между Казахстаном и Китаем и начата новая эпоха — эпоха дружбы, сотрудничества, добрососедства и движения по пути прогресса.

К слову, Казахстан стал первым государством из 15-и стран, имеющих границы с Китаем, достигшим полного Соглашения о границе. Казахстанско-китайская граница в подлинном смысле слова стала границей дружбы и сотрудничества. Надо подчеркнуть, что Соглашения о границе между Казахстаном и Китаем являются исторической заслугой Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Соглашение о границе между нашими странами открыло путь к созданию двусторонней договорно-правовой базы, благодаря чему в течение первых пятилеток после установления дипломатических отношений стороны подписали более 50 договоров и соглашений.

В двусторонних отношениях Китай действительно смог продемонстрировать новое понимание происходящих процессов и оказать позитивное влияние на его развитие.

Правительство Китая первым поддержало предложения нашего лидера на 47-й Генеральной Ассамблее ООН по созыву Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и созданию Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

Китай поддержал практически все инициативы Казахстана по торгово-экономическому сотрудничеству, которое достигло небывалых высот. Сегодня объем торговли между нашими странами ежегодно составляет более 20 миллиардов долларов США, в котором основная доля принадлежит нефтяному сектору. За эти годы построена нефтяная магистраль Казахстан-Китай. КНР активно вливает инвестиции в экономику Казахстана. Современное строительство мегатрассы «Западный Китай — Западная Европа» через территорию Казахстана является крупнейшим проектом международного масштаба, в строительстве которого принимают участие более 50 тысяч рабочих из различных об-

ластей Казахстана. Потенциал перспективы казахстанско-китайского торгово-экономического сотрудничества велик, и эффективная реализация его, безусловно, окажет позитивное воздействие на повышение благосостояния населения наших стран. В этом стороны единодушны.

У Китая есть чему поучиться. Развернув широкомасштабные реформы в начале 80-х годов прошлого века, он смог в кратчайшие сроки преодолеть вековую отсталость и стать одним из важнейших игроков мировой экономики. Реформы охватили все стороны народного хозяйства. Был «сломен» коммунистический стереотип относительно частной собственности. Вопреки жесточайшей критике международных экспертов был введен термин «социализм с китайской спецификой». Позже, по прошествии 10-20 лет, большинство аналитиков, перестав критиковать, начнут внимательно прислушиваться к китайским определениям.

Следует особо остановиться на развитии среднего и малого бизнеса в Китае, которое действительно стало «всенародным делом» и локомотивом реформ. Естественно, государство создало необходимые условия для возрождения и процветания малого и среднего бизнеса. Китайское руководство, поддерживая малый и средний бизнес, исходило прежде всего из необходимости обеспечить население работой. Народные массы смогли воспользоваться созданными условиями в виде льготного режима, системы кредитования и т.п. Со стороны государства не было никаких препятствий в процессе оформления малого и среднего бизнеса. Особо следует отметить, что повсеместно были созданы бизнес-инкубаторы, которые практически без каких-либо бюрократических проволочек помогали населению создать свой бизнес. Это носило массовый характер. Все службы, типа пожарных, санитарных и др., не просто не запрещали работу предприятий, а наоборот — помогали, консультировали, т.е. способствовали их становлению. Вот что важно!

К слову, уместно было бы подчеркнуть некоторые особенности китайского менталитета, которым многие зарубежные аналитики практически не придают значения. Китайцы от природы очень трудолюбивы и законопослушны. Кроме того, между собой они очень дружны и солидарны. Они убеждены в том, что «китаец должен подать руку помощи китайцу». Это способствует их внутренней организованности, собранности и дисциплине. Данные наблюдения и выводы могут показаться весьма банальными. Но это действительно является характерной особенностью всей нации, которая формировалась в течение тысячелетий.

На начальном этапе реформ китайское руководство, сделав упор на инициативу народных масс, приняло существенные меры для массового возрождения малого и среднего бизнеса, о чем уже было сказано выше. К тому же надо иметь в виду, что в самое свирепое время «красных коммунистов» в Китае существовали мелкие торговцы, которые платили государству налоги.

Хочется остановиться еще на одном немаловажном факторе, который характеризует общую культуру этого народа. В период возрождения малого и среднего бизнеса китайцы свои строящиеся объекты могли оставлять без ограждений под открытым небом, без видимой усиленной или вооруженной охраны. Не было и нет воровства. У них не было таких явлений, как «рэкети́рство», массовые ограбления, убийства, которые процветали на территории СНГ в первые годы после развала СССР. Это — не преувеличение и не желание идеализировать менталитет китайского народа, а подлинная действительность, обычный образ жизни, культура китайцев, достойная уважения. Нам не следует бояться говорить правду о преимуществах наших соседей и партнеров. Наоборот, важно знать о них все и учитывать это в нашем добрососедстве и сотрудничестве. И по возможности все лучшее, прогрессивное перенимать.

Китайские реформы эффективно «сработали» в деревне. Крестьянам были «развязаны» руки: введена частная собственность, разрешено предпринимательство, земля была отдана в долгосрочную аренду, были сокращены налоги, предоставлялись беспроцентные долгосрочные кредиты, скотопоголовье передавалось в частную собственность с обязательством в условленные сроки возместить его стоимость, что уже стимулировало на воспроизводство, была разработана система реализации продукции с участием государства. Впервые крестьянин после возмещения госдолгов начал получать живые деньги (юани). Все эти меры позволили народу в течение первых пяти лет реформ увидеть первые результаты, что, естественно, возродило его дух и веру. Китай, сбросив с себя путы нищеты и прозябания, устремился к новым достижениям экономики и благополучию.

Именно малый и средний бизнес, предпринимательство и реформы в аграрном секторе стали стержнем экономических реформ, мобилизовав огромные массы населения, в результате чего в кратчайшие сроки были решены такие социальные проблемы, как занятость населения, обеспечение его продовольствием и товарами широкого потребления, и создан мощный экспортный потенциал на длительную перспективу.

Правомерность этих выводов доказывают реальности сегодняшнего дня. Весь мир сейчас обеспечивается товарами «made in China». И нет надобности кому-либо доказывать преимущества китайского производства.

Реформы в Китае охватили практически все стороны жизни общества и смогли достичь устойчивых позитивных результатов. В одной статье невозможно охарактеризовать все важные процессы, происходящие в стране, поэтому считаю достаточным осветить лишь некоторые тенденции и аспекты, которые оказывают и будут оказывать влияние на будущее сотрудничество и развитие.

Китай твердо и уверенно занял вторую позицию в мире, в сфере экономического развития, после США, потеснив Японию. КНР обладает самым большим объемом золотовалютного резерва, который перешагнул триллионный рубеж, без учета запаса Гонконга. Это говорит о нарастающем влиянии китайского фактора на мировой рынок. Одним из приоритетных направлений китайского участия является разработка и добыча новых месторождений нефти и газа. Источники энергетических ресурсов по-прежнему остаются главным объектом стремления и столкновения интересов мировых держав. Конечно, США не в восторге от появления китайских нефтяников на арабском Востоке и на побережье Латинской Америки. Нельзя сказать о том, что Соединенные Штаты теряют позиции в этих регионах, однако им трудно согласиться с тем, что появился серьезный конкурент в лице Китая. Видимо, еще долго будет продолжаться желание великих держав оказывать единоличное влияние на мировые процессы. Сегодня трудно предсказать какую-то политическую ситуацию, делать прогнозы на будущее. Но то, что Китай при всех глобальных экономических потрясениях будет постепенно, «шаг за шагом», добиваться ощутимого влияния на мировые экономические процессы — очевидно. И с этим фактом когда-нибудь придется согласиться даже Соединенным Штатам Америки.

Хотелось бы подчеркнуть еще один факт уверенного и устойчивого развития экономики Китая.

Некоторые аналитики, описывая экспортный потенциал Китая, не всегда придают значение внутренним возможностям страны. Это — внутренний рынок. Китай обладает уникальным и достаточно платежеспособным рынком у себя в стране. Динамика количества платежеспособного населения, может быть, медленно, но устойчиво растет. Если даже, как указывают некоторые источники, считать около 20% населения Китая весьма состоятельными или богатыми, чей годовой

чистый доход составляет 100 тысяч долларов США и выше, более 50% — обладающими достаточно устойчивой покупательной способностью, 10% — имеющими уровень ниже среднего и менее 10% — бедными, с учетом полутора миллиардного населения уже можно говорить о бесперебойной работе внутреннего рынка по товарам повседневного спроса. Что значит 20% населения Китая? Это около 300 миллионов человек, или две России, весьма зажиточных людей. К тому же добавим 50%, или более 700 миллионов человек, обладающих высокой покупательной способностью. Довольно неплохо. В мире нет другой такой страны, которая обладала бы подобным внутренним рынком. По количеству населения Китай можно сравнить с Индией. Но в Индии состав населения, традиции, природно-климатические условия, потребности, менталитет совершенно иные, чем в Китае, да и покупательная способность населения — ниже.

Бурный рост экономики за годы реформ позволил Китаю весьма успешно решать задачи по повышению качества жизни населения. Возрос жизненный уровень людей по всем показателям. Растет население. В среднем ежегодно прибавляется до 18 миллионов человек. Детская, материнская смертность доведены до минимума. Средняя продолжительность жизни мужчин достигла 80, а женщин — 83 лет. Китай придает огромное значение качеству здравоохранения и образования. Население ведет здоровый образ жизни, большая часть которого регулярно занимается спортом. Все спортивные залы, помещения, открытые площадки, поля по режиму работы, по оплате доступны всем желающим, заняты не только спортсменами высокого класса, но и разновозрастными оздоровительными группами. Большинство спортивных сооружений, водных комплексов детям школьного возраста предоставляются бесплатно. В центральных городах, таких как Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чэнду, подростки становятся акселератами. Во всех этих позитивных тенденциях роста качества населения мир мог убедиться во время Олимпийских игр в Пекине, когда китайская сборная впервые стала победительницей самых престижных спортивных состязаний.

Китайские реформы, поднимая уровень и качество жизни населения, оказывают серьезное влияние на мировоззрение в первую очередь самих китайцев, и особенно подрастающего поколения. Так называемые «дети реформы» уже успели получить образование и активно включаются в жизнь. Это поколение, выросшее в новых экономических условиях, достаточно уверенно чувствует себя в конкурентной

среде не только у себя в стране, но и в региональном, а также в мировом масштабе. Их мировоззрение, с одной стороны, базируется на прочном фундаменте национальных традиций, а с другой — на освоении современных глобальных технологий. Китай меняется «на глазах», удивляя мир уникальными небоскребами, суперсовременными архитектурными комплексами и новыми городами. Главный потенциал страны, как и везде, — это люди, китайское общество, которое чутко реагирует на происходящие процессы, одновременно содействуя позитивным переменам. Китайцы любознательны, у них огромная тяга к знаниям. Они традиционно устремлены к освоению новых технологий, так же как и новых земель.

Хочется отметить еще одну отличительную черту китайцев — неприхотливость в быту. Их устраивают не готовые комфортные условия для работы и быта, а возможность собственноручно создать условия для жизни. Об этом свидетельствуют жизнь и быт преуспевающей китайской диаспоры за рубежом. По некоторым данным, сейчас число «хуацяо» в мире достигло почти 90 миллионов человек. Только в США их около 15 миллионов. Большое количество китайцев проживает в странах Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона. В годы реформ их число увеличилось в Африке, на арабском Востоке и в Латинской Америке — в связи с освоением новых энергетических ресурсов.

Китайцы работают практически во всех странах СНГ, в первую очередь в России и РК. В Казахстане их пребывание обусловлено известными межправительственными соглашениями о нефтяном сотрудничестве. Они работают на нефтяных месторождениях Актюбинска, Кзылорды, Мангыстау, Атырау. Китайцы принимали самое активное участие в строительстве Мойнакской гидроэлектростанции в Алматинской области, нефтепровода из Западного Казахстана в Китай. Необходимо отметить, что китайцы, как правило, в стране пребывания работают весьма плодотворно. Они традиционно организованны и дисциплинированы, с уважением относятся к требованиям законов страны пребывания. (Трагический конфликт, произошедший между работниками и работодателями Жанаозеня Мангистауской области — отдельный вопрос). Освоение новых месторождений энергетических источников и их добыча, безусловно, требует огромных капитальных вложений, новых технологий и, естественно, людских ресурсов. Мы идем на сотрудничество с иностранными компаниями, в том числе с нефтяниками России, США, Англии, Китая, Италии и других стран, в интересах прежде всего нашего народа. Нам нужны современное

оборудование, современные технологии. Благодаря иностранным инвестициям мы впервые в истории нефтяной индустрии начали направлять доходы от добычи сырья на нужды нашего, казахстанского, населения. С тех пор как начали поступать иностранные инвестиции на освоение и добычу энергоресурсов, значительно повысился уровень жизни населения Западно-Казахстанской, Актюбинской, Мангистауской, Атырауской областей. Практически заново отстроились города Атырау и Актау. Новые современные социально-культурные объекты, жилищные комплексы и кварталы возводятся в городах Уральск, Актюбинск, Жанаозень за счет иностранных инвестиций. Огромные инвестиции вкладывает Китай в строительство железной и автодороги через территорию Казахстана по маршруту «Западный Китай — Западная Европа». На строительство этого трансконтинентального проекта, протяженностью 2 700 км, привлечены более 50 тысяч квалифицированных работников из различных областей Казахстана.

Глобальные изменения и динамика развития Китая за годы реформ неоднократно опровергали различные прогнозы относительно реального участия этой страны в мировых экономических и политических процессах. Еще совсем недавно, в 90-х годы прошлого века, международные эксперты, политики, дипломаты говорили о *возможном* региональном лидерстве КНР в двадцатых годах нового столетия. В реальности же Китай уже в начале XXI века стал *беспорным, единоличным* лидером в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе по всем показателям экономики и сумел уверенно закрепиться на второй позиции в мире, обойдя Японию. Этот факт говорит сам за себя.

Сегодня, в связи с происходящим в мире финансово-экономическим кризисом, высказываются различные неутешительные прогнозы. Нередко они касаются и китайской экономики. Но думается, что китайское правительство, чутко реагируя на глобальные процессы, не допустит широкомасштабного обвала в ближайшие 10-20 лет. Оснований для подобного вывода предостаточно, так как главная цель модернизации китайской экономики — это не только повышение уровня жизни, но и занятость населения. Выше мы уже говорили о безграничных возможностях внутреннего рынка страны. Надо сказать, что этот рынок тесно связан с китайской диаспорой, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Америке и Евросоюзе, которая является мощной поддержкой для Китая.

Китайцы в странах пребывания заняты не только в сфере услуг, среди них немало ученых, инженеров, бизнесменов. После начала извест-

ных китайских реформ именно китайские представители бизнес-элиты за рубежом оказали ощутимое содействие притоку иностранного капитала в КНР в качестве инвестиций. Еще одной характерной чертой китайцев является то, что они склонны быстро адаптироваться к условиям страны пребывания.

Хочется сказать еще об одной гигантской программе современного китайского руководства. Центральное правительство Китая в 1999 году рассмотрело и приняло специальную государственную программу по освоению западных районов Китая, куда входили в первую очередь Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), Внутренняя Монголия и Тибет. Эта государственная программа не имела себе равных за всю историю КНР с 1949 года. Она была объявлена после празднования 50-летия КНР и коренным образом отличалась от всех предыдущих общегосударственных планов, как по содержанию, объему и масштабам, так и по финансово-экономической обоснованности. Важно подчеркнуть, что сама идея «освоения Запада» для Центрального правительства не нова. Эта идея была приоритетной и для правителей Цинской династии еще в прошлых веках, из-за частых восстаний проживающих там уйгуров, казахов, дунган. Национальные вспышки не стихали и в XX веке. Известны крупные, широкомасштабные восстания казахов, дунган в 30-40-х годах прошлого столетия. Проблемы стабильности в Синьцзяне беспокоили и Мао Цзэдуна, и современное руководство. Но все прежние мероприятия ограничивались лишь направлением безработных в другие регионы страны. В одном из справочных изданий российских китаеведов в начале 90-х годов этому процессу дана следующая характеристика: «За годы развития по социалистическому пути сложились устойчивые миграционные потоки из густонаселенных провинций, расположенных в междуречье Хуанхэ и Янцзы, а также из крупнейших городов Шанхая, Пекина, Тяньцзина. Эти потоки направлены в провинции Северного, Северо-Восточного, Северо-Западного и частично Юго-Западного Китая. Таким образом, основные направления миграции: восток-запад и юг-север. Самыми крупными были миграции, носившие принудительный характер и осуществлявшиеся в директивном порядке. Это приток 30 млн. крестьян в города, затем перемещение их обратно в сельскую местность в годы «большого скачка», высылка 17 млн. городской «грамотной молодежи» в сельскую местность и в горные районы страны в 1966-1976 гг.» (Е.Н.Самбулова, А.А.Медведева. — Китай-Москва. Мысль. 1991. — с.79-80).

Современная государственная программа освоения Запада, базируясь практически на идеях прошлых лет по содержанию, структуре и финансово-экономическому обеспечению, коренным образом отличается от всех предыдущих лозунгов и призывов.

Во-первых, освоение Запада признано важнейшей стратегической задачей КНР на XXI век. Все его цели и задачи обсуждались на Пленуме ЦК КПК и на очередной сессии ВСНП.

Во-вторых, прежде чем начать эту работу, центральными политическими и государственными органами велась обстоятельная подготовительная работа, просчитаны все проекты. Обобщен весь опыт прошлых лет в этом направлении.

В-третьих, еще до начала общегосударственной кампании во многие западные районы начали прибывать специалисты, технологи, разрабатывались конкретные проекты.

В-четвертых, на основе реальных экономических и финансовых расчетов разработан комплексный план, ставший центральной частью Государственного плана социально-экономического развития на 9-ю пятилетку и следующее десятилетие, в котором учитывается актуальность миграционных процессов.

Сегодня можно говорить о впечатляющих результатах первого этапа, который был разработан до 2010 года. В соответствии с утвержденным государственным планом, из бюджета страны только в социально-экономическое развитие СУАР вложено более 100 млрд. долл. США. Построены новые жилые микрорайоны с развитой инфраструктурой в городах Урумчи, Кульджа, Куйтунь, Хотан, Карамай и др., население которых возросло вдвое за счет мигрантов из внутреннего Китая. Кроме средств из госбюджета правительство сумело привлечь огромные инвестиции с участием бизнес-элиты Гонконга (Сянган), Шанхая, Шэнжэня, Тяньцзиня, Гуанчжоу и других развитых городов. Построены современные железные дороги, автотрассы, новые промышленные предприятия, тысячи людей были обеспечены работой. Население СУАР увеличилось за эти годы почти вдвое и сегодня составляет более 30 миллионов человек, основную долю которых представляют ханьцы. Естественно, огромный приток ханьцев из внутреннего и восточного, а также южного Китая, где традиционно сложилась высокая плотность населения, в целом позитивно влияет на развитие экономики, освоение природных богатств Западного Китая.

Следует подчеркнуть, что китайская сторона всегда относилась и относится с огромным вниманием и уважением ко всем нашим на-

циональным интересам. Яркий пример тому — наши переговоры и Соглашения о совместной границе, поддержка Китаем всех международных инициатив Главы нашего государства Н.Назарбаева, таких как СВМДА, ШОС и др., и результаты наших двусторонних партнерских взаимоотношений, сотрудничества во имя достижения мирного сосуществования и процветания наших соседних народов на длительную перспективу.

УРОКИ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ — ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

БУРХАНОВ
Камал Низамович

Депутат, член Комитета по социально-культурному развитию Мажилиса Парламента РК, директор Института истории и этнологии им.Ч.Валиханова (2006-2007), доктор политических наук, профессор.

К 70-м годам XX века стало очевидным, что в соревновании двух социально-политических систем, сложившихся в мире к тому времени, обозначился перелом. Явно прослеживалась тенденция отставания социалистической системы по всем направлениям — экономическом, политическом, идеологическом и т.д. Наглядным примером тому служили государства и народы, жившие в двух разных системах одновременно: ФРГ и ГДР, КНР и Тайвань, Южная и Северная Корея. Невзирая на то, что Советский Союз и весь Совет Экономической Взаимопомощи (экономическое объединение социалистических стран) делали из ГДР витрину социализма на Западе, отставание было явным. Впервые попытки реформирования сложившейся модели государственного социализма в СССР были предприняты в 1965 году (мартовский и сентябрьский 1965 года Пленумы ЦК КПСС), когда вводились принципы хозяйственного расчета, расширение самостоятельности предприятий, материальная заинтересованность как предприятий, так и рабочих и крестьян, внедрение рыночных механизмов. Восьмая пятилетка (1966-1970 гг.) была самой успешной за всю историю СССР. Однако дальнейшее продолжение реформ в этом направлении требовало творческого подхода к марксистско-ленинской концепции социализма, с чем не смогла справиться политическая элита советской страны во главе с Л.И.Брежневым. Судьба автора этих реформ — Н.Косыгина — оказалась predetermined. На этом достаточно удачно начатые реформы закончились, и СССР вступил в эпоху стагнации и экстенсивного развития, что закончилось в конце концов крахом в 1991 году.

Что касается Китая, то после бурных 50-60-х годов с такими массовыми мероприятиями, как «большой скачок», «культурная революция», сопровождавшимися многочисленными репрессиями, к началу 1970-х страна пришла к пониманию необходимости стабилизации ситуации. Свидетельством всех этих перемен было возвращение товарища Дэн Сяопина в большую политику. Целый ряд столкновений различных течений внутри политической элиты Китая этого периода подтверждали ее силу и ответственность за судьбы страны и народа.

Все эти перипетии внутренних противоречий закончились в 1979 году победой сторонников товарища Дэн Сяопина и его концепции дальнейшего развития социализма в Китае. С этого момента начинается новая эпоха не только в развитии КНР, но и социалистической идеи в мире вообще. Концепция строительства «социализма с китайской спецификой» говорила об очень глубоком творческом подходе к основополагающим принципам социалистической идеи, к особенностям развития различных стран и народов, об отсутствии каких-то универсальных единых стандартов социализма, обязательных для принятия всеми народами и государствами. Компартия Китая вдохнула новую жизнь в саму социалистическую идею, переживавшую, по сути, полную стагнацию и, главное, потерю доверия у народов собственных стран.

К сожалению, другие социалистические страны и правившие в них коммунистические партии проигнорировали эту великолепную идею Дэн Сяопина и его соратников на беду своим народам и странам. Хотя судьба в виде Концепции китайской Компартии дала очередной шанс социалистической идее выжить. И в результате жесточайшие испытания пришлось пройти этим народам — это «бархатные» революции в Восточной Европе и не всегда «бархатные» кровопролития в Румынии, развал Югославии с жестокими этническими войнами и бесчисленными жертвами и, наконец, развал СССР со всеми его социальными, этническими, религиозными конфликтами почти на всем его пространстве.

Это еще раз показывает, насколько важна для страны и ее стабильного развития государственная идеология и ее теоретическая основа. Ведь именно с теоретической основы концепции социализма начаты грандиозные реформы товарища Дэн Сяопина (великого реформатора XX века). История распорядилась так, что в 1990-х годах произошла встреча между этим великим реформатором — лидером Китая — и последним Генеральным секретарем ЦК КПСС, первым и последним Президентом СССР М.С.Горбачевым. Даже этим последним шансом

руководство СССР не воспользовалось, хотя товарищ Дэн Сяопин дал мудрые советы Горбачеву. Но непомерные амбиции Генерального секретаря ЦК КПСС, являющегося просто серой и бездарной личностью, не дали ими воспользоваться. В результате СССР и восточноевропейские страны пришли к тому, к чему пришли, — полному искоренению завоеваний социализма в этих странах, которые были признаны как самими народами этих социалистических государств, так и Западом.

Экономические реформы, проведенные Дэн Сяопином, опираясь на теоретическую базу Концепции «социализма с китайской спецификой», были проведены блестяще. Хотя были и трудности. Реформы были начаты с сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, с легкой и пищевой промышленности.

Очень мудрая экономическая политика позволила привлечь в страну огромные инвестиции, подняв экономический потенциал до невиданных высот. КНР сегодня — вторая экономическая держава мира после США, а также страна, превратившаяся во всемирную фабрику. Теперь Китай обеспечил продовольствием не только свое громадное население, но и стал крупнейшим экспортером продовольственных товаров. Промышленность страны является сегодня одной из самых развитых в мире. Китай производит не только самую современную технику, но и запускает в космос спутники, что делает его одной из ведущих космических держав. Успехи, которые потрясли мир, стали возможны благодаря мудрой политике Коммунистической партии Китая, которая не пошла на поводу у различных международных сил, все время пытающихся экспортировать в другие страны свою модель общества, считая ее универсальной. Роль Компартии в китайском обществе — это как становой хребет, на котором держится вся политическая, экономическая и идеологическая системы государства. Потому что ни одна реформа, даже самая умная и продуманная, не может быть осуществлена в отсутствие сильной, жесткой, централизованной власти. Что, в общем-то, и было осуществлено в КНР. На наш взгляд, Китай, как и целый ряд азиатских стран, успешно подтверждает правильность концепции доктора Сунь Ятсена. Он считал, что народы азиатских государств, и не только, не обладающие глубокими демократическими традициями, имеющие свой исторически сложившийся менталитет, в своем развитии должны пройти три этапа: первый — период военного правления, второй — период политической опеки, третий — период народовластия, или демократии. К тому же длительность периодов великий философ не обозначил, что очень немаловажно, ибо он считал,

что сама жизнь в свое время даст знать, где заканчивается один период и начинается другой. И что примечательно, переходить общества от одного этапа к другому должны эволюционным путем, без революционных потрясений.

КНР привлекает внимание всего мира, на наш взгляд, своей продуманной демографической политикой. Это единственная страна в мире, которая проводит не только четкую и ясную внутреннюю и внешнюю политику, но и демонстрирует всему миру, как нужно решать демографическую проблему, очень сложную для всей планеты (население Земли в 1961 году составляло 3 млрд. человек, в 2011 году — через 50 лет — родился 7-миллиардный житель, т.е. население возросло в 2 раза, а к 2050 году, по мнению экспертов, в мире будет проживать более 9 млрд. человек). И это в условиях сокращения энергоресурсов, продовольствия, питьевой воды, ухудшения экологии. И когда мы смотрим на мир в глобальном масштабе, то начинаем понимать всю своевременность, актуальность и, если хотите, мудрость проводимой КП Китая политики в области демографии. Дело в том, что рано или поздно весь мир столкнется с этой проблемой, так как существуют страны перенаселенные (Бангладеш, Индия, Пакистан) и малонаселенные (Россия, Канада, Австралия, Казахстан и др.), и одним придется решать задачи по увеличению, другим — по сдерживанию роста населения, в чем Китай сегодня показывает пример ответственного и перспективного подхода к решению этого вопроса.

После развала СССР в мире осталась только одна супердержава — США. Подавляющее большинство ученых — историков, политологов — сходятся во мнении, что понятие «супердержава» может быть применено к государствам, обладающим четырьмя наиважнейшими признаками. Это — самая мощная экономика, самые мощные вооруженные силы, глобальное влияние на мировые процессы и международную политику, самая сильная идеология (или сила примера). Этими четырьмя признаками до конца XX столетия обладали два государства — СССР и США. И, естественно, они были признаны супердержавами XX века. С исчезновением Советского Союза на сегодняшний день этим критериям отвечают только Соединенные Штаты Америки. Такие государства, как Япония и Германия, обладая мощной экономикой, по всем другим параметрам не соответствуют понятию супердержавы. Россия, обладая мощными вооруженными силами (учитывая и ядерное оружие, доставшееся в наследство от СССР), по другим трем отстает и поэтому не соответствует статусу супердержавы. И только Китай-

ская Народная Республика по сегодняшним геополитическим реалиям является по существу второй супердержавой мира. Это мощная, стабильная, развитая экономика, являющаяся второй экономикой мира, мощные вооруженные силы (включая ядерное оружие и потенциал его доставки в любую точку мира), огромное влияние в мире (ни одна глобальная проблема на планете сегодня не может быть решена без КНР). И последнее — китайская государственная идеология сегодня является притягательной, понятной, причем результативной, и находит все большее количество поддерживающих ее людей в мире. Поэтому мы считаем, что КНР на сегодня состоялась как супердержава, отвечающая всем главным ее критериям.

Что касается Республики Казахстан, то она находится в сложном геополитическом регионе — между двумя крупными государствами, несколькими соседями с юга с не очень стабильной ситуацией и явно не дружескими отношениями между собой. Далее к этому региону примыкает Афганистан, перспектива которого, по существу, непредсказуема. Поэтому Казахстан, имея с Китаем границу почти в две тысячи километров, должен максимально воспользоваться этим. Огромный китайский рынок — мощный экономический потенциал. Он может стать хорошей основой для развития казахстанской экономики. Казахстанско-китайские отношения зафиксированы в целом ряде двусторонних и международных договоров, где Китай для Казахстана обозначен вторым экономическим партнером после России. Это большая прерогатива Казахстана — находиться по соседству с таким огромным и емким рынком, как китайский. Предстоящее вхождение Казахстана в ВТО даст новый импульс дальнейшему углублению взаимовыгодного сотрудничества. Уже сейчас подписаны договоренности, переводящие экономические взаимосвязи от сырьевой направленности. Выстраивающиеся в данное время нефтепроводы и газопроводы из Казахстана в Китай, а также из стран Центральной Азии в Китай через Казахстан значительно укрепляют эти взаимоотношения на длительную перспективу. В политическом плане сотрудничество Республики Казахстан с Китаем осуществляется в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. Это — организация, прочно ставшая на ноги, признанная в мире, и сегодня само ее существование значительно укрепляет региональную безопасность в ЦА. Договоренности в рамках Шанхайского форума позволяют Казахстану весьма эффективно противостоять проявлению «трех зол» — религиозному экстремизму, международному терроризму и этническому сепаратизму. Страны ШОС, по существу,

являются главным стимулирующим фактором в регионе. Для этого форум и входящие в него государства обладают необходимым потенциалом. Весьма перспективно выглядят взаимоотношения между странами-членами ШОС в экономической сфере. Соответствующие договоренности и решения есть, растет гуманитарное сотрудничество между государствами. В целом ШОС имеет большой потенциал для своего дальнейшего развития и укрепления, тем более в условиях целенаправленной дестабилизации в ряде государств Северной Африки и Ближнего Востока. Ответом на современные вызовы нам видятся дополнительные соглашения между государствами-членами ШОС.

Взаимоотношения Казахстана и Китая проходят через пограничный Синьцзян-Уйгурский Автономный район (СУАР). По обеим сторонам границы проживают как казахи, так и уйгуры, и любая дестабилизация в этом очень важном районе отрицательно влияет как на Китай, так и на Казахстан. Поэтому в стабильности и процветании СУАР Казахстан кровно заинтересован, и это наше искреннее видение.

В то же время нас беспокоят огромные людские ресурсы Китая и возможная ползучая демографическая экспансия в будущем.

КИТАЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ

ХАФИЗОВА
Клара Шайсултановна

Доктор исторических наук. Заведующая кафедрой китайской филологии КазНУ им. аль-Фараби (1990–1994), ведущий научный сотрудник, заведующая отделом внешней и оборонной политики КИСИ при Президенте РК (1995–1998), профессор Университета «Кайнар» (1998–2011). Автор нескольких монографий и более 100 научных публикаций по истории, культуре и политике Китая в Центральной Азии.

Это короткое, завораживающее слово «Китай»... Безграничный мир самобытной культуры, в котором гармонично сплелись и древность и современность. Чего стоят одни иероглифы, дошедшие до нас через столетия, обладающие пленительным очарованием, дающие интеллектуальный и неиссякаемый эмоциональный заряд...

Китай занимает большое место в моей судьбе. Все самое значительное, произошедшее в моей жизни, так или иначе, связано с Китаем. Почти половину столетия посвятила я изучению Китая, тем не менее не могу сказать, что и сегодня хорошо знаю Китай и китайцев. Тем более что постоянно менялся и Китай, и я сама, и весь мир, окружающий нас. Но думаю, мало кто из китаистов Казахстана может похвастать тем, что его всесторонняя деятельность в связи с перипетиями судьбы такое продолжительное время была связана с Китаем: преподавал в школе и в университетах, причем язык, литературу и историю, а также специальные предметы; стоял у истоков зарождения китаеведения в Казахстане, изучал китайские источники о своем народе и своей родине, первым открыл двери китайских архивов, имел самые широкие контакты с китайцами и представителями других народов Китая. Причем на официальном и приватном уровнях.

Для меня самой удивительно то, что я не только не устала от познания Китая, мой интерес к нему не только с годами не иссяк, а, напротив, растет. И сегодня, если меня поставить перед выбором — фешенебельный курорт в другой стране или какая-нибудь провинция Китая, я выберу провинцию. Самой моей любимой провинцией остается Ганьсу. Будучи студенткой Ташкентского университета, свою первую практику я проходила в Государственной библиотеке им. Алишера Навои, где мы писали аннотации к литературе из Дуньхуана и о Дуньхуане. Мне много раз приходилось от руки выписывать иероглифы, которыми пишется слово «Ганьсу». Как тут не поверишь в мистическую предопределенность судьбы!

Как будто бы в благодарность за этот мой скромный студенческий труд, мне первой из историков Советского Союза довелось участвовать в научной конференции, проводившейся Обществом дуньхуано-турфановедения 敦煌吐鲁番学会 Китая в Лояне и Пекине, познакомиться с прекрасными людьми, среди которых: Чай Цзяньхун (из издательства 中华书局, Пекин), Дун Сицзю (автор замечательной книги с изумительными иллюстрациями по истории китайского танца 中国舞蹈艺术史图鉴. 湖南教育出版社出版 1997), Сюй Цзыцян (сотрудник Пекинской библиотеки).

В Вестнике Лоянского университета впервые в Китае опубликовано первое сообщение ученых независимого Казахстана Байпакова К. и Хафизовой К. о буддийских памятниках Семиречья 七河区.

Трижды я была приглашена на преподавательскую работу в Китай в Ланьчжоуский торговый институт и Ланьчжоуский университет. За это время я проехала провинцию Ганьсу с запада на восток, от Дуньхуана до Тяньшуй... Перед моими глазами возникают виды Хуанхэ, с мелкой и прозрачной водой зимой и осенью и с желтыми бурными неукротимыми потоками весной. Так же незабываемы виды мечетей над рекой Хуанхэ, в одной из которых я просила помянуть отца, о смерти которого мне сообщили, когда я находилась в Ланьчжоу. Ровно через год в этот же день мне в Алматы позвонил ахун, он просто справился о моем житье-бытье, пожелал всего доброго. И лишь подумав после окончания разговора, я поняла, что он помнил эту для меня скорбную дату и, скорее всего, читал положенную молитву на годовщину кончины отца. Отец был одним из выпускников старейшего вуза Казахстана — Алма-Атинского учительского института (ныне Алмагинский педагогический университет им. Абая).

У предгорий Циляншаня в Ганьсу ханьские источники локализуют древний народ «усунь» 乌孙, от которого произошло название нашего

рода, и повествуют его легенды. А через крепости Цзяюйгуань и Юйгуань проезжали посольства и торговцы из стран Центральной Азии и проходили здесь таможенный досмотр. В их числе были посольства и торговцы казахских ханств. На мусульманском кладбище Ланьчжоу был похоронен один из сыновей хана Аблая, установившего политические и торговые связи с Цинской империей. Именно на берегах Хуанхэ обнаружили бронзовую фигурку «коня, попирающего ласточку» 飞马踏燕, поэтический символ «Шелкового пути», воспевающий благородное животное. Тема роли коня в диалоге цивилизаций всегда волнует меня.

Наша семья жила в одном из поселков на юге Казахстана, очень близко от древнего города Тараз, что на «Шелковом пути». Мои школьные годы пришлось на период строительства нового Китая. В то время в детских газетах и журналах регулярно публиковались небольшие материалы о событиях в Китае, о революционных китайских деятелях, о китайских детях. Но с этническими китайцами я встретилась гораздо позже. Когда я поступила на китайское отделение восточного факультета Среднеазиатского Государственного университета (ныне Ташкентский Государственный университет), в вузах СССР обучались студенты из КНР. В Ташкент больше присылали студентов из Синьцзяна, девушки и парни внешне мало отличались от нас в своих обычаях, языке, одежде и пище. Гораздо меньше было этнических китайцев. Первое, что бросалось всем в глаза, это — необыкновенная дисциплинированность китайских студентов, их настойчивость и упорство в овладении знаниями. Помню также, что меня поразила одна факт. Студентка — этническая хань 汉 — отказалась пойти с нами на новый американский фильм, снятый по книге Льва Толстого «Война и мир» с замечательной актрисой Одри Хепберн в роли Наташи Ростовской. Она сказала, что китайские студенты бойкотируют все американское. Тогда проблема Тайваня была одной из самых чувствительных в отношениях между США и КНР. Этот незначительный случай позволил мне понять, больше любых пропагандистских материалов, через какие испытания прошел китайский народ и настрой китайской молодежи. Нелегко досталась им возможность получить высшее образование у себя дома и за рубежом. Правда и то, что многим из них пришлось расплачиваться за то, что они обучались в СССР. Времена, когда мы вместе распевали песню «Москва — Пекин», где были строки со словами «русский с китайцем братья навек», прошли достаточно быстро. Скоро нам пришлось понять, что в реальной жизни все было гораздо сложнее. Между идеологами наших стран пошла бесконечная споры о том, кто более верен марксиз-

му. Поразительно все же, что молодые люди, по существу, воспитанные на произведениях А.Островского «Как закалялась сталь» и А.Фадеева «Молодая гвардия», в 1969 г. направили на советско-китайской границе дула автоматов друг против друга... Не место вспоминать здесь об этом, но, во-первых, факты из истории не вычеркнешь. Во-вторых, эти события напрямую повлияли на личные судьбы китаеведов, многим пришлось переквалифицироваться, чтобы зарабатывать на жизнь, отказаться от своих первоначальных планов. Меня сия чаша миновала, возможно, потому, что в свое время посчастливилось учиться в знаменитом вузе Китая — в Пекинском университете.

Ташкент в советское время был центром востоковедения и единственным центром китаеведения в нашем регионе. Здесь проводились первые Конференции писателей, международные кинофестивали стран Азии и Африки. Нас привлекали к ним как слушателей и зрителей, мы также оказывали посильную помощь в их проведении. Помню конференцию писателей стран Азии и Африки осенью 1958 г., на которой присутствовали китайские писатели. В делегацию была включена вдова писателя Мао Дуня, творчество которого мы должны были изучать на втором курсе. К началу фестиваля мы только получили первые уроки китайского языка и, кроме приветствия «Нинь хао!» и других общеупотребительных слов, мало что знали. Нам больше запомнился турецкий писатель Назым Хикмет, вероятно потому, что было понятно на слух общее содержание его речи.

Большинство моих преподавателей были русскими реэмигрантами из Китая, которые хорошо знали и с глубоким уважением относились к китайскому народу и китайской культуре, и старались привить эти чувства нам. По разным историческим и политическим причинам они долгое время прожили в Китае, были весьма просвещенными людьми своего времени. Все они уже ушли из этой жизни, но мне нет-нет, да приходят в голову их слова о жизни в Китае и о китайцах Севера и Юга (большей частью Харбина и Шанхая), а также отдельные реплики на злобу дня. Кроме того, в наших группах учились парни и девушки, родившиеся в Китае (хань, узбеки, уйгуры, дунгане). Мы регулярно проводили тематические вечера, посвященные Китаю, китайской философии, истории, литературе, искусству, кухне. Мои сокурсники и сегодня помнят мой первый научный доклад о китайской живописи «го хуа» 国画, так как благодаря коллекции одного из наших преподавателей я могла демонстрировать все его жанры: «горы-воды» 山水 и «цветы-птицы» 花. Они были цветными и монохромными, написаны

способами изображения: «прилежная кисть» 工笔 и «передача идеи» 写意. Я советую всем, кто работает за рубежом (в посольстве или на фирме), обязательно заняться и увлечься чем-либо: личными печатками, живописью, экслибрисом, веерами, бронзой, каллиграфией, киноискусством, национальной одеждой, гимнастикой ушу и цигун или изучением деятельности и творчества отдельных персон. Желательно увлечься чем-то сугубо национальным, чтобы разнообразить и обогатить свою духовную жизнь и пополнить знания о стране пребывания и культуре его народов.

Министерством образования СССР студентам Ташкентского университета периодически выделялись места для продолжения учебы в крупных вузах страны: в МГУ, ЛГУ (Санкт-Петербургский университет), а также в китайских вузах. Мне повезло, я была направлена в октябре 1962 г. в Пекинский университет. Трудно передать словами чувство радости и гордости, охватившее меня и моих родных. Мой дед часто поощрял меня словами: «Я горжусь тобой!». И вот, наконец, я сижу в вагоне поезда «Москва-Пекин». Всю долгую неделю я ехала в радостном ожидании от предстоящей встречи с Китаем, на которую возлагала большие надежды. В поезде до самой границы мы слушали передачи о Сибири и сибирских ссыльных — от декабристов до революционеров-большевиков.

К тому времени в советско-китайских отношениях начали возникать трения, о чем наше правительство предпочитало не распространяться. Поэтому для меня стали полной неожиданностью ежедневные передачи по радио Пекинского университета о «разоблачении советского ревизионизма и неустанной борьбе с ним». Однако мои китайские преподаватели языка (Го-лаоши и Ван-лаоши) и общих предметов оказались достаточно сдержанными людьми и ни словом, ни намеком не касались современных проблем. Они оставались прежде всего педагогами и от всей души старались раскрыть перед нами все богатство и красоту китайского языка, привить любовь к шедеврам национальной литературы. Если кто-либо из нас заболел, они не жалели своего времени, приходили к нам в общежитие и дополнительно занимались с нами. Образы этих гуманных преподавателей часто возникают перед моими глазами. Я бы сразу узнала их по фотографиям тех лет, хотя никогда впоследствии с ними не встречалась и ничего не знаю об их судьбах. Что касается лекций по другим предметам, мы посещали их совместно с нашими китайскими сокурсниками. Однако китайские студенты вынуждены были держаться от нас подальше, мало общались с нами и

не вели с нами никаких разговоров. Это напрямую отражалось на овладении нами бытовой лексикой. И все же у меня сохранились черно-белые фотографии, на которых мы весело и дружно идем вместе по территории университета. В память мне врезался один случай. Помню, я отправилась на свою первую экскурсию на Великую Стену. Я заранее купила разные продукты, но, совершенно неожиданно для меня, китайские студенты (их было 4-5 человек) решительно отказались разделить эту пищу со мной. Их отношение меня сильно огорчило. Я возвращалась в общежитие грустная, но в поезде рядом со мной оказался старый китаец. Он приветливо заговорил со мной и, узнав из какой я страны, с большой теплотой отозвался о советских людях и об их интернациональной помощи Китаю. Аналогичный случай произошел и в Казахстане. Меня послали читать лекцию шахтерам Караганды на тему маоизма. После лекции ко мне подошел пожилой русский шахтер — оказалось, что он воевал вместе с китайцами на Северо-Востоке. У него до сих пор остались прекрасные воспоминания о своих китайских однополчанах. Не забывайте, что это был период разнузданной антисоветской и антикитайской пропаганды, что бы ни говорили сейчас, инициированной китайской стороной. Простые люди, будь то китайцы или русские, глубоко переживали трагедию ухудшения добрососедских отношений, и здравый смысл подсказывал им нецелесообразность, неразумность, а потому и недолговечность этого явления. Китайцы оценили деятельность Мао Цзэдуна как положительную на 70% и отрицательную на 30%. Я работала в Ланьчжоу, когда отмечалось сто лет со дня его рождения. К мавзолею Мао Цзэдуна в Пекине всегда стоят большие очереди китайцев. И такое отношение к бывшему вождю по-человечески мне больше нравится, чем необузданное бичевание старых кумиров, когда «храбро пинают мертвого льва».

В университетском клубе в Пекине нам регулярно показывали хронику новостей, а затем художественные фильмы. До сих пор не забуду, как я на минуту отвлеклась от экрана, и вдруг надо мной будто пронесся ураган, который чуть не свалил меня со стула. Оказалось, это студенты, увидев на экране Мао Цзэдуна, бешено зааплодировали ему. Вот тогда я действительно осознала, что китайцев много, очень много. Помнится, как 1 мая 1963 года в Парке Ихэюань перед портретом Мао Цзэдуна уйгурские артисты на мелодии народных песен воспевали Председателя. В тот момент перед моими глазами возникла другая картина, когда перед портретом генералиссимуса Сталина на зажигательную мелодию «Лезгинки» по праздникам карачаевцы и чеченцы

пели: «Да здравствует наша партия! Да здравствует наш Сталин! Да здравствует наша Красная армия!».

В Пекинском университете меня не устраивало то, что иностранцы жили отдельно от китайских студентов. А в Ташкенте студенты из Китая жили в одном здании с нами. Я несколько раз безуспешно просилась в китайское общежитие, чтобы мы могли общаться на китайском языке. А поскольку все иностранные студенты жили вместе, нам, естественно, приходилось больше говорить на русском языке. Сегодня картина иная. Современные студенты овладевают разговорным языком и свободно говорят на бытовые темы, так как они разъезжают по всей стране. Выехав в Китай на один семестр, наши студенты стараются задержаться там на год и продлить свое пребывание еще на какое-то время. Сегодня я, конечно, понимаю, что в 60-е годы свободное общение и передвижение по стране было совершенно невозможно. Гражданам СССР не могли выехать за пределы страны на учебу за свой счет. Как в СССР, так и в Китае администрация Университета создавала для иностранных студентов особые условия. В Пекинском университете мы питались в отдельной столовой, отоваривались частично в специальных магазинах. Китайские студенты испытывали огромные материальные трудности, они одевались очень просто и однообразно. И я заметила, что некоторые парни поверх новых носков надевали на ноги старые дырявые носки. В гораздо лучшем положении были дети зарубежных китайцев — хуацяо. В 9 вечера во всех общежитиях, кроме нашего, гасили электрический свет. Иногда мы видели студентов, которые стояли под фонарями во дворе Университета и читали свои учебники и конспекты лекций.

Как говорилось выше, мы были сильно ограничены в общении. Со мной регулярно встречалась официально прикрепленная от кафедры и отдела внешних связей Университета фудао — 輔導 Лю. Она была, если я не ошибаюсь, по национальности маньчжуркой. Я и не предполагала тогда, что в будущем вся моя научная деятельность будет посвящена Цинской империи — 清朝 и ее дипломатии в Центральной Азии и отношениям с казахскими ханствами. Во время моей краткосрочной учебы в Пекине было трудно с продуктами, промышленными товарами — они распределялись по карточкам, которые выдавались и нам на определенный срок и в ограниченном количестве. Также достаточно тяжело обстояло дело с учебниками и другими учебными материалами. Однажды моя фудао принесла мне тетрадь, в которую старательно переписала от руки почти целый учебник. Я была необыкновенно

тронута ее самоотверженным поступком. Такое невозможно забыть. К сожалению, за долгие годы я растеряла всех своих китайских и других иностранных однокурсников. А мне хотелось бы узнать, где сейчас проживает моя подруга Лю. Возможно, ей попадет на глаза наша совместная фотография, и она вспомнит меня. Есть маленькая надежда на то, что, возможно, кто-нибудь, снятый на общей фотографии, откликнется. Приблизительно в одно время со мной учился на факультете китайской филологии профессор Ли Минвэй, в 90-е годы преподававший в Ланьчжоуском и Гуанчжоуском торговых институтах. Я смогла навестить его в Гуанчжоу, а затем — в Пекине, куда он переехал с семьей. Ли Минвэй является известным ученым своей страны, он изучает историю «Шелкового пути», а его дочь уже в пять лет читала наизусть стихи танских поэтов 唐诗. Но в 60-х годах мы не были знакомы друг с другом. Кроме того, мы никогда ни с кем из многочисленных знакомых ученых не обсуждали времена «культурной революции». И сейчас даже не упоминаем о ней, как о чем-то постыдном в своей жизни.

Я бережно храню редкие фотографии у Безымянного озера — 无名湖 и водонапорной башни — 水塔 на территории Пекинского университета. Через много лет я заново сфотографировалась возле этих значимых мест. Мне помог доктор Чэн Цзундэ, директор Института цинских исследований 清史研究所 Народного университета. В память об этом посещении он подарил мне майку с надписью «Бэйцзин да-сюэ». (К моему великому сожалению, я потеряла оба нагрудных знака студента и выпускника Пекинского университета.) Охваченная воспоминаниями, я прошла и к 26 корпусу 宅, где жила с октября 1962 г. по май 1963 г. Теперь там разместилось общежитие магистрантов Бэйда 北大. Для иностранных студентов уже выстроен новый современный корпус. Магистранты приветливо встретили меня, а один молодой человек предложил: «Может быть, нам выйти на время, вы посидите одна, вспомните свои молодые годы?». Да, такое мог сказать лишь китаец... Еще более обнадеживает то обстоятельство, что он был представителем молодого поколения.

В каждый свой приезд в Пекин я стараюсь нанести визит моим коллегам: Чэн Цзундэ и Ма Дачжэну из Центра географии и истории пограничных районов Китая, а также навестить мою любимую подругу Дун Сицзю, бывшую преподавательницу Института китайского танца. Этот Институт находится в р-не Хайдянь, неподалеку от Института (Академии) международных отношений, где расположены главные корпуса Пекинского, Народного университетов и Универ-

ситет народов Китая. Один из выпускников Чжунго миньцзу дасюэ — казах — стал моим первым аспирантом из Китая. Профессор Чэн Цзундэ — специалист по истории монголов цинского периода, а профессор Ма Дачжэн — по истории джунгар и калмыков. Их ученик из рода чахар 察哈尔 Алтан-Очир также является моим коллегой, хорошо владеет русским языком и известен своими трудами по истории казахско-китайских отношений. Профессора получили прекрасные квартиры, где устроили себе большие кабинеты с полками до потолка, заполненными книгами. Профессор Чэн Цзундэ обычно угощает меня монгольскими молочными блюдами. А в последний мой приезд он предложил выбрать для себя любые книги. Я пошутила, сказав, что вывезла бы в Казахстан, если бы могла, всю его библиотеку. Конечно, я выбрала энциклопедию «Маньчжуры» и еще 2-3 книги о северных и северо-западных народах Китая: киданях, каракиданях, чжурчжэнях, маньчжурах. В один из приездов профессора Чэн Цзундэ в Алматы мы участвовали в передаче, организованной известным журналистом, заслуженным деятелем культуры Республики Казахстан Гульжихан Касымжановой на телестудии «Казахстан 1», по истории казахско-китайских отношений XVIII века и о роли хана Аблая в установлении этих отношений. Возможно, когда-нибудь осуществляются и наши планы с Гульжихан снять серию фильмов для недавно открытого канала казахского телевидения «Культура» на тему: «Исторические места в Китае, связанные с казахами».

Профессор Ма Дачжэн также щедро дарит мне свои труды и издания Центра истории и географии пограничных районов Китая Академии общественных наук КНР. По его предложению в журнале возглавляемого тогда им Центра 中国边疆史地研究中心 была опубликована моя статья о международных китайско-российских съездах 司牙孜会 в XIX веке. Она была написана на основе материалов казахстанского Центрального государственного архива. В конце 80-х годов мне хотелось обратить внимание коллег не на вопросы, по которым мы не могли согласиться друг с другом, а искать те исторические примеры, которые способствовали бы стабильности на границах. Китайские исследователи — Бай Цуйцин (из Китайского университета народов Китая) и Ли Шэн (профессор Синьцзянского университета, а теперь директор Центра истории и географии пограничных районов Китая) — также писали на эту тему, но преимущественно по китайским материалам. Таким образом, новое поколение ученых могут, опираясь на наши работы, продолжить и углубить исследования по истории между-

народных отношений, когда споры между подданными двух держав на участке границы стран Центральной Азии и Синьцзяна решались на основе казахского обычного права. Разве это не великолепно!

Мы осознаем, что по некоторым важным вопросам у нас разные мнения, иногда наши взгляды прямо противоположны, но мы всегда держимся толерантно и можем внимательно выслушивать друг друга. Мне было интересно и полезно общаться с китайскими коллегами после долгих лет изоляции. Инициативу проявили китайские исследовательские институты, по любезному приглашению которых я первая из казахских ученых, из стран СНГ, участвовала в нескольких конференциях по истории цинского периода. Моя судьба сложилась столь удачно, что я также первая держала в своих руках документы Первого исторического архива КНР (Пекин), а также постучалась в двери Второго исторического архива КНР (Нанкин). Это было конкретным результатом установления дипломатических отношений Республики Казахстан и КНР, актом дружелюбия со стороны китайских властей и действенной поддержкой китайских ученых кругов. Для осуществления командировки в Архив немаловажное значение имели моральная и финансовая поддержка МИД РК во главе с дипломатом, китаеведом-международником Токаевым К.К. и посольства РК в КНР. Во время трехмесячного пребывания в Пекине я познакомилась с заведующим Маньчжурским фондом Первого архива этническим сибоян 锡伯族 Юаньфэном 吴元丰 и его женой Го Мэйлань 郭美兰, со многими другими исследователями истории цинского периода. В царское время Россия славилась своими маньчжуроведами, а сейчас здесь работают лишь 2 специалиста маньчжурского языка из Санкт-Петербурга. А маньчжурские документы являются более полными и подробными. Профессор Чэн Цзундэ предложил подготовить в своем Институте специалиста маньчжурского языка из числа моих студентов. Но я в то время не нашла среди них желающих.

Памятным осталось знакомство с писательницей Лин Ли 凌力, которая работала в Архиве с материалами цинского периода начиная с открытия зала до самого его закрытия. В 1993 г. вышел из печати ее роман о юных годах императора Канси 暮鼓晨钟, и г-жа Лин Ли работала над новым произведением. Во время прогулок по территории императорского дворца я слышала сама, как она разговаривала с дворцовыми ворами и они отвечали ей!

Китайские ученые по другую сторону пролива также помогли мне поработать в Хранилище архивных материалов Тайбэйского музея Гу-

гун. Я выражаю свою искреннюю благодарность директору Института России Университета Чжэнчжи Ван Динши 王定书, а также сотрудникам Музея — г-же Фэн Минчжу 冯明珠 и профессору Чэнь Вэйсиню 陈维新. Оргкомитеты международных конференций Пекина и Тайбэя, проводившихся в честь 80-летия Музея Гугун, прислали свои приглашения. В Тайбэйском музее отцифрованы многие материалы, и имеется прекрасный Справочно-библиографический отдел, где можно найти ответ практически на любой вопрос. Многие мои знакомые историки из Пекина, Нанкина, Урумчи также посетили Тайбэй и его музей.

В Первом историческом архиве работа начиналась в 8:30 утра и заканчивалась к 17 часам. Здесь была комната отдыха, в которой каждый читатель мог иметь полку для принесенных с собой продуктов: чая, кофе, печенья и т.п. Термосы с кипятком, как правило, всегда были наготове. Работница комнаты отдыха через несколько дней заметила, что я не выхожу за ворота обедать. Она предложила привозить по моему заказу обед на своем велосипеде из ближайшего ресторана. Тогда я стала приносить овсянку, сухофрукты (курагу, изюм) и, заливая их кипятком, съедала. Служащая одобритительно отметила, что это калорийный обед. Вскоре она добилась от своего начальства приобретения для комнаты отдыха более современных термосов.

Проводилось немало конференций, на которых я выступала с докладами. При этом тематика конференций касалась как вопросов истории, так и современных актуальных проблем, отношений республик Центральной Азии с Китаем с древности до наших дней. Все поездки имели огромное значение для понимания Китая, китайской культуры, менталитета китайцев и малочисленных народов КНР. Установились научные контакты с университетами, научно-исследовательскими центрами. В Урумчи это были Институт археологии, Институт истории и Институт Центральной Азии Академии общественных наук СУАР, исторический факультет Синьцзянского университета и др. Перечисляю их в порядке установления контактов. Незабываемы посещения музеев Урумчи, Кульджи (Или), Турфана, Кашгара, памятников на Великом Шелковом пути.

Но вернусь к студенческим годам. Вскоре я записалась в кружок танцев, мне выделили в партнеры самого красивого и лучшего танцора. Мы разучивали монгольский танец «Стрельба из лука». Репетиции проходили на спортивной площадке под окнами общежитий, на нас глазели из окон иностранные студенты (из мусульманских стран) и при этом громко отпускали комментарии, поэтому я прекратила ходить на

репетиции, не смогла преодолеть свою застенчивость. Мне было неудобно, что многие видят, как у меня не все получается красиво. В Китае сегодня иностранцев восхищает то, что здесь никто откровенно не пялится на тех, кто учится танцевать или делает упражнения, в том числе экзотических ушу и цигун в публичных местах. И уж тем более никому не приходит в голову откровенно высказываться об этом вслух. Точно знаю, что китайцы очень внимательны, но они и очень деликатны. В Лояне участники конференции были размещены в гостинице напротив парка, около 6-7 часов утра на танцплощадке разучивали европейские танцы — вальс, танго, причем это были немолодые люди. В Сиане у древней городской стены кто-то пикировал на китайской скрипке — эрху, кто-то пел арии из опер, а упражнения исполнялись как у стены, так и на самой стене, почти у самого ее края. Я любовалась древней старухой, выполнявшей упражнение с большим мечом в руке, наслаждалась искусством гимнастов монастыря Шаолинь и их гостей из других стран во время их репетиции прямо на его открытых площадках. Мне очень понравилась кухня, которой потчевали гимнастов перед соревнованиями в столовой монастыря.

Больше всего мне понравились представления Пекинской оперы, особенно студентов театрального училища. Сейчас на центральном китайском телевидении действует специальный канал, посвященный Пекинской опере, продается множество дисков старых и новых представлений этого своеобразного искусства. Мы много слышали о выдающемся актере Мэй Ланьфане, который гастролировал за рубежом и в том числе в СССР. Мне было интересно в Доме-музее Мэй Ланьфана и художника Ци Байши. Район полностью перестраивается, но дома этих выдающихся деятелей китайского традиционного искусства не тронуты. Они расположены в типичном пекинском квартале 北京胡同 и построены по всем правилам китайской архитектуры «сыхэ» 四合. Интерес к Пекинской опере «подогрел» прекрасный фильм режиссера Чэнь Кайгэ 陈凯歌 «Баван бе цзи» (霸王别姬 «Властитель расстается с наложницей»). В нем повествуется о тяжелой судьбе артистов Пекинской оперы в годы японской оккупации Китая и гражданской войны, а также в печальные времена так называемой «культурной революции». Этот фильм мы смотрели вместе с моими ланьчжоускими студентами и вышли из кинотеатра просто потрясенные. На лекциях по культуре Китая в Казахстане я непременно стараюсь показать студентам оперу о «Синей и Белой змее» 白蛇, о народной героине Ху Мулань 胡木兰, где нам особенно нравится сцена с черным скакуном, которого вирту-

озно изображает артист. Студентам даю прослушать также китайскую музыку: традиционную, религиозную, современную, рассказываю о композиторе Си Синхае 洗星海, который жил в Алма-Ате в 40-е годы, собирал и записывал казахские народные песни. Это — самый знатный китаец, прописанный в нашей южной столице, здесь установлен его бюст. Студенты обычно с удовольствием участвуют в семинарах на темы китайской культуры, в свою очередь сами демонстрируют отрывки из разных спектаклей, которые теперь можно свободно скачать в Интернете, и воодушевленно рассказывают о своих впечатлениях.

Во время зимних каникул 1963 года мы посетили Шанхай, Нанкин, Ханчжоу. Приятно удивила стеганая одежда южанок, сшитая из ткани в цветочек — в приморских районах меньше встречалось людей в синей униформе, которую обычно носили молодые и старые пекинцы. Посещали мы образцовую крестьянскую коммуну, но бедность крестьян было трудно скрыть. А потом я, как и многие китаеведы, была на долгие годы оторвана от Китая.

Период советско-китайского противоборства продлился почти до конца 80-х годов. За это время я окончила аспирантуру Института востоковедения АН СССР, где древнекитайский язык мне преподавал Ду-лаоши (Ду Исин). Он имел огромный авторитет, и многие крупные ученые обращались за помощью к нему и дорожили его дружбой. По отношению ко мне, как к человеку, на три года оторванному от семьи, он проявлял отеческую заботу, иногда приглашал к себе домой, вкусно кормил изысканными блюдами, да еще передавал что-нибудь моим друзьям в общежитие. Портрет Учителя и сегодня висит в Отделе Китая Института востоковедения Российской Академии Наук (РАН). Таким образом, в моем становлении как ученого-китаеведа большую роль сыграли замечательные люди — ученые с большой буквы! Я навсегда сохранила в своем сердце их светлый облик и огромную благодарность к ним.

Однако регулярные поездки в Китай стали возможны для меня лишь после образования Республики Казахстан. Это были выезды с делегациями сельских работников, промышленных предприятий, представителей образования, научных работников, а также индивидуальные научные командировки. Вновь подчеркиваю, что никому в Казахстане так не повезло, как мне, с разнообразными по целям и задачам поездками в Китай и обширными связями с самыми разными слоями китайского общества. Это были вузовские преподаватели и академические работники, студенты и журналисты, чиновники и бизнесмены. Безу-

ловно, у китайцев чувство семьи, семейных устоев все еще является очень сильным. А нормальная семья всегда старается демонстрировать дома все лучшее, ее члены не любят «выносить сор из избы». Китайцы несколько подтягиваются при виде иностранцев, стараются быть подчеркнута вежливыми и предупредительными. Такими были когда-то и советские люди. Как уже говорилось выше, я училась и преподавала в Китае, работала в архивах и читала доклады на международных конференциях, посещала разные исторические места и, как мне кажется, имею много друзей в Китае среди людей разных поколений. Я жила в ведомственных гостиницах, современных отелях, общежитиях и ночевала в частных домах. И у меня сложилось собственное впечатление о Китае и китайцах. Но мне интересно знать также, что думают о них наши люди. Я собрала достаточный материал по публикациям газет и журналов, записывала устные высказывания о Китае наших политиков, журналистов, ученых, туристов, учащейся молодежи, спортсменов и т.п. Это помогло мне сделать два главных вывода:

1. Образованный человек более подготовлен к встрече с иной культурой и объективен в своих оценках;
2. Мнение о соседней стране и его жителях сегодня в большей степени положительное.

А для понимания положения в китайском образовании большое значение для меня имели два года, проведенные в качестве приглашенного профессора в провинции Ганьсу, мои встречи с преподавателями и учеными, лекции и семинары для студентов и магистров в других вузах и академических институтах КНР. В Ланьчжоу работали известные в Китае историки Ма Маньли, Ван Силун, политологи Ян Шу, Ван Цзиньго и их молодые коллеги. Профессор Ма Маньли перевела на китайский язык книгу И.Я. Златкина «История Джунгарского ханства», в котором впервые были использованы уникальные русские архивные материалы о международных связях Джунгарского ханства с царской Россией, цинским Китаем, Казахским и среднеазиатскими ханствами. Корень многих проблем, обострившихся в 60-е годы двадцатого столетия, скрывался именно в «слое почвы» нашего региона. Илья Яковлевич также обнаружил рукописный перевод с маньчжурского варианта многотомного сборника китайских документов о джунгарах 平定准格尔方略. Надо сказать, что русское и советское китаеведение стояло в первых рядах мировой науки по исследованию истории народов северных, восточных и западных районов КНР. Профессор Ван Силун был одним из авторов коллективного труда «Сиюй тунши» 西域通史

под редакцией известного ученого Юй Тайшаня. В Ланьчжоу я познакомилась с профессорами Синьцзянского университета: известным исследователем древних народов Северо-Западного Китая Вэй Лянтао, русско-китайских торговых связей — профессором Ли Шэном; исследователем отношений Кокандского ханства с Цинской империей Пань Чжипином; переводчиком моей монографии, исследователем истории «Шелкового пути» Ван Шанда. Стараюсь поддерживать связи с ними и их учениками в других городах Китая.

Так сложилось, что вторая моя поездка в Китай состоялась через 25 лет, в 1988 г., в составе делегации комитета Аграрной промышленности (Агропрома) Министерства сельского хозяйства КазССР. В то время меня перевели из Института истории и этнографии АН КазССР в Институт уйгуроведения. Я начала собирать материалы и издавать небольшие статьи о казахах Китая, о движениях уйгурских ходжей против цинского господства. В воздухе ощущались перемены в советско-китайских отношениях к лучшему, которые нормализовались после визита Президента СССР М.Горбачева в Китай в 1989 году и подписания соответствующего Соглашения между нашими государствами. Но до этого события оставалось еще около полугода. Казахстан стал нащупывать точки соприкосновения для восстановления экономических и гуманитарных связей с соседней провинцией — СУАР. Интерес в Казахстане к соотечественникам в Синьцзяне также никогда не угасал. Все ожидали восстановления родственных связей уйгуров, казахов, дунган, киргизов, узбеков Казахстана и других республик Средней Азии с сородичами в Синьцзяне.

Китай находился в преддверии коренных экономических реформ и «открытых дверей», в то время как СССР взял старт с политических реформ. Думаю, Советский Союз раньше созрел для экономических реформ, но тогда китайские коммунисты не были готовы воспринять этот поворот, они обвинили КПСС в ревизионизме устоев марксизма-ленинизма. Комплекс внутренних причин и внешнеполитические факторы привели советскую державу к экономическому кризису, а затем и к ее распаду. Судя по китайским публикациям тех лет, китайцы испытывали двойственное чувство к этому факту, но сделали для себя правильный вывод.

Поездка в СУАР, в города Урумчи, Кульджу и их окрестности, знакомство с работой крупных предприятий аграрного сектора и промышленности разных уездов этой провинции способствовали пониманию перемен, происходящих после официального подведения итогов пе-

чально известной «культурной революции». В Китае отошли от организации коммун в деревнях и проведения массовых идеологических кампаний и искали новые пути развития народного хозяйства.

Мы ехали на нескольких машинах до Хоргоса, где нас встретили ответственные работники Департамента животноводства и привезли в Кульджу. Хоргос, по замечательному выражению коллеги Ма Дачжэна, является бесценной жемчужной застежкой, соединяющей наши страны, подобно тому, как она застегивает две полы одежды. Потом я повторила путь до Хоргоса, проехала по перевалу Талки 果子沟 в Урумчи в компании нашего археолога Байпакова К.М., где после Хоргоса к нам присоединился китайский археолог Лю Эньго с женой — сотрудницей Синьцзянского провинциального музея. Впечатления от деловой и научной поездки создали более полную картину жизни Синьцзяна, идущего по пути перемен. Археологам было о чем поговорить, у них обнаружилось много общих профессиональных интересов. Проезжая по берегу озера Сайрам, вспомнила, что по некоторым документам, возможно, здесь посланцы казахских предводителей ополчений встречались и вели переговоры с представителями цинского командования. А археологи по пути обращали внимание на сакские курганы, обсуждали последние обнаруженные ими артефакты.

Такой уж страной является Китай, в которой прошлое гармонично сочетается с сегодняшним днем, а внешняя политика неразрывно связана с национальной политикой внутри государства. В Синьцзяне и республиках Центральной Азии проживают одни и те же этносы. Как известно, они имеют автономию разного уровня, их территории начинаются сразу от границ наших стран. Трансграничные народы имеют схожий язык, одну веру и обычаи, также много общего имеется в их истории. Эти обстоятельства отражаются на характере наших двусторонних и региональных связей. Синьцзян старались представить «образцом советско-китайской дружбы», был он и «передним фронтом борьбы» идеологий. Ухудшение и улучшение государственных связей непосредственно влияют на судьбы целых поколений народов Синьцзяна и Центральной Азии. Ханьцы ощущают специфику Синьцзяна и его населения. Не случайно в простонародье любого темноволосого и темноглазого европеоидного человека называют «Синьцзян жэнь» 新疆人.

Китай является крупнейшей сельскохозяйственной страной мира. Первые реформы дали значительные результаты и проявились именно в этой отрасли. Или-Казахский автономный округ (ИКАО) СУАР преимущественно ориентирован на животноводство и земледелие. Округ

образован 27 января 1954 г. из 24 уездов, три его уезда традиционно имели самые тесные контакты с Казахстаном. Населяли округ преимущественно казахи, всего 3 млн. 47 тыс. человек. Читатель может сам сравнить приведенные цифры с последними статистическими данными и ощутить величину и темпы роста населения. К 1987 г. под скотоводство было отведено лишь 10% территории округа. Общее поголовье скота, по официальным данным, составляло 9 млн. 27 тыс. голов, из них овец — 6 млн. 44 тыс., крупного рогатого скота — 1 млн. 23 тыс., лошадей — 550 тыс., коз — 760 тыс. голов.

Мы познакомились с работой Кунгеской племенной фермы, находящейся приблизительно в 180 км от Кульджи. Она была основана в 1939 г. и является одной из крупнейших не только в Синьцзяне, но и в стране. Земля у истоков реки Или — Кунгес и Текес — издревле славилась своими пастбищами, здесь пасли скот джунгары и казахи. В 1988 г. Племенная ферма имела право производить торговые операции и обмен племенным скотом с другими государствами. Она уже вывозила скот в далекую Албанию. Руководители фермы хотели бы иметь устойчивые деловые связи с нашей Агрофирмой «40 лет Октября», получить помощь в обводнении пастбищ и других ирригационных работах. Население фермы составляло 7235 человек, площадь пастбищ — около 27 тыс. га, пахотных земель — 1800 га. Племенной скот, по словам директора фирмы, держался на уровне 80% от общего поголовья скота. Местный скот породы «едильбай» составлял 20%. Овцы разбивались на отары по 350-400 голов, но во время окота число голов в одной отаре не должно было превышать 100. Семья из двух человек получала до 300 долларов в год, в то время это была большая сумма, так как прежде в коммунах у людей не было «живых» денег. Кроме того, пастухи имели право держать вместе с общественным стадом свой личный скот, но обязательно той же породы, чтобы не испортить его качества. Это правило особенно строго соблюдалось в отношении тонкорунных пород овец. Семья имела до 100 голов овец, 10 кобыл, 30 голов крупного рогатого скота. Настриг шерсти с каждой овцы доходил до 7-8,5 кг. Мы видели великолепных овец и кошкаргов (породистых самцов).

А в холмистых горах Ирен-Кабирги нам показывали хорошо откормленных верблюдов (это видно по торчащим горбам, в которых накапливается жир, и по прегустой шерсти). Любовались бегом верблюдов и коней по степи. Реформа уже давала свои положительные результаты. На рынках наблюдалось изобилие продуктов, так как чаба-

ны и крестьянине часть своей продукции сдавали государству, а оставшуюся реализовывали сами по рыночной цене. На продажу скота и продуктов животноводства отправлялись члены семьи либо несколько человек из разных семей. Постепенно некоторые семьи приобретали упряжные телеги, гужевой скот, а также грузовики и другой транспорт и начинали заниматься торговлей сельхозпродуктами. Округ производил 81 тонну мяса, более 170 тонн молока. Цифры, конечно, поразительные, если вспомнить голод и карточную систему периода авантюристических экспериментов 60-70-х гг.

Мы также посетили крупную птицеферму, рыбное хозяйство. Цены на рыбу были гораздо выше, чем в то время у нас.

В округе все еще актуальной оставалась проблема перевода скотоводов на оседлый образ жизни. Примечательно, что тогда на отгонные пастбища уходило старшее поколение, а младшее — сыновья, снохи, зятья и невестки с детьми — оставались в селе.

Мы также встречались с работниками легкой промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственные продукты. На Второй текстильной фабрике Кульджи были цеха, оснащенные японским оборудованием. Согласно договору ее продукция в течение 10 лет должна была поставляться в Японию, после истечения этого срока оборудование переходило в собственность фабрики, и она продолжала изготавливать высококачественную продукцию на экспорт, а также для реализации в своей стране. Для этого открывались филиалы магазинов в других городах Китая.

На обувной фабрике в Кульдже директором был в то время монгол Санжар. Здесь изготавливалась добротная обувь, но на наш взгляд, она была старомодной и приблизительно такого же качества, как и продукция Алма-атинской обувной фабрики им. Шаумяна. Фабрика вела полный цикл работы от приема шкур и ее выделки до изготовления кожи и пошива обуви. Текстильные фабрики были озабочены бесперебойной поставкой шерсти, а обувные — кожи.

Вскоре в Алма-Ату зачастили представители синьцзянских предприятий, изготовлявших ковры и ткани, керамику и фарфор, одежду и обувь, кондитерские и водочные изделия, термосы и пластмассовые изделия. К сожалению, Казахстан постепенно перешел на импорт готовых китайских товаров. Тенденция ввоза продукции других стран в ущерб собственным производителям у нас не преодолена и сегодня. Нам не мешало бы вспомнить, как Китай защищал интересы своей текстильной промышленности в Европе и поучиться у него кое-чему.

Конечно, историк по-своему видит окружающий его мир. Меня вдохновляло то, что мы жили на территории бывшего консульства Российской империи, а затем — СССР, в Кульдже. Я представляла себе, что здесь долгое время жил консул Иван Захаров, будущий профессор Петербургского университета, останавливались другие консулы, оставившие нам свои замечательные справки о состоянии Синьцзяна второй половины XIX — начала XX веков. Что здесь, в одном из домов, среди книг И.Захарова подолгу находился Чокан Валиханов. Что сюда приезжал чугучакский консул К.А.Скачков, собравший уникальные рукописи по истории Синьцзяна, находящиеся теперь в Отделе рукописей и редких книг Государственной библиотеки РФ в Москве. Я когда-то занималась в Фонде Скачкова и успела кое-что опубликовать из своих переводов некоторых его материалов. Также выступала в Китае с сообщением о его сокровищах.

Китайские коллеги проявляют живейший интерес к архивным материалам о Синьцзяне, а нам необходимы китайские архивные документы о казахах. Налаживается сотрудничество между Архивными управлениями двух стран, следует лишь подготовить в Казахстане специалистов со знанием старо-китайского и маньчжурского языков.

В КНР подготовлены к изданию новая редакция «Истории династии Цин» (на основе до сих пор официально непризнанной «Черновой истории династии Цин» — «Цин ши гао» 清史稿) и 16-томная «История Синьцзяна». Об этом я неоднократно устно и письменно информировала казахстанцев. Некоторые из выступлений опубликованы в Материалах Алматинской конференции, проводившейся в Казахском Институте стратегических исследований при Президенте РК.

Вскоре после поездки в Синьцзян мне пришлось побывать с делегацией казахстанских промышленников на Северо-Западе Китая — в провинции Хэйлуунцзян, в Харбине. Границу переходили в жестокие морозы через Благовещенск на советской стороне и Хэйхэ — на китайской. Уже при переходе по льду реки Амур на китайской стороне автогенном вырезали крупные плиты льда, о назначении которых мы узнали позже. Всем известно, что в облике Харбина отразились черты русских городов, они чувствуются по зданиям, сохранившейся церкви, торговым центрам русского купца Чурина. Нас называли там «леба» — от слова «хлеб», выпечке которого местные китайцы научились у русских. Поездка была совершена перед Новым годом, и мы посетили ледяной городок, разбитый в одном из парков города. Строения и фигуры изображали сюжеты из китайской мифологии, богатой историей

китайского народа, литературы. Такое яркое и веселое зрелище мы видели впервые. Удивляло, что молодые женщины и девушки при морозе в 40 градусов ходили в шелковых платочках. На рынках продавали новогодние картинки и продолговатые листы красной бумаги с замысловатыми благопожеланиями и шарадами. Потом мне не раз приходилось встречать Новый год в Пекине, Ланьчжоу, Урумчи, Гуаньчжоу. Каждый город встречает его по-своему. В Гуанчжоу к этому времени созревают в кадках мандарины, олицетворяющие богатство и изобилие, а также чистоту помыслов. (Теперь все видят на наших базарах мелкие мандарины, выращенные в Китае.) При разгадке шарад большую помощь оказывает глубокое исследование первого русского академика, китайоведа В.Алексеева «Китайская народная картина», а также вспоминаются другие произведения из жизни китайцев.

В конце 90-х годов посольство КНР в Казахстане организовало телевизионный показ фильмов, снятых по сценариям шедевров китайской литературы: «Сон в Красном тереме» 红楼梦, «Троецарствие» 三国演义, «Путешествие на Запад» 西游记. (Как тут не вспомнить, что при императоре Цяньлуэне乾隆 во время приезда посольств из Западного края西域 показывали отрывки из «Си ю цзи»!) Мне предложили знакомить с этими произведениями и писать рецензии на фильмы в «Казахстанскую правду», что я делала с большим удовольствием. Фильмы шли в прокат на казахском языке. Один русский парень самостоятельно начал изучать китайский язык, чтобы понять содержание этих фильмов и читать надписи на титрах. Казахская интеллигенция также заинтересованно обсуждала многосерийный китайский фильм о Чингисхане, продемонстрированный по местному телевидению. По всему чувствуется, что режиссеры консультировались со специалистами — филологами, историками, искусствоведами, чтобы как можно точно передать колорит тех времен, не отходить далеко от исторической правды.

В начале 90-х годов состоялась моя поездка в Пекин с делегацией Министерства образования КазССР, во главе с заместителем министра, в Северный политехнический университет в Пекине北方工业大学. В этом университете действовал факультет китайского языка для иностранцев. После подписания договора на факультет востоковедения КазГУ (ныне КазНУ им. аль-Фараби) приезжали для преподавания китайского языка декан факультета профессор Ли Цзинь, Ма Шудин и другие учителя, уроки которых навсегда запечатлелись в памяти казахских студентов.

Особенно долгосрочным и эффективным является договор о сотрудничестве КазНУ и Ланьчжоуского университета по обмену студентами и преподавателями. Договор действовал в течение 10 лет, ежегодно в этот университет отправлялись от пяти до десяти студентов и по одному преподавателю с китайской кафедры факультета востоковедения КазНУ. В Ланьчжоуском университете открылся Институт Центральной Азии, директором которого стал инициатор его создания, проректор по внешним связям Ян Шу. В последующие годы отношения казахстанских востоковедов, филологов, историков, политологов с этим Университетом еще более расширились и углубились. Здесь продолжают переводить научные труды казахстанских ученых, переведена и опубликована в 2003 г. и моя монография. Ланьчжоуский университет также курирует Институт Конфуция в КазНУ с момента его создания.

В 90-х годах жизнь простых людей в Китае начала изменяться к лучшему. В связи с проведением «политики реформ и открытых дверей» в КНР возобновились межгосударственные и региональные отношения. В Казахстане многие обратились к изучению китайского языка, установились связи с китайскими университетами и научными центрами. Как я уже отмечала выше, особенно большие возможности открылись после образования РК. Почти через 30 лет я вновь прожила какое-то время в Китае — была приглашена преподавать в Ланьчжоуский торговый институт — 兰州商学院 и Ланьчжоуский университет — 兰州大学. Я могла сопоставить жизнь и положение китайских студентов 60-х и 90-х годов. Впечатление об огромном количестве населения Китая осталось прежним.

Визуально это подкрепилось в моей памяти, когда я в 90-х годах увидела толпы людей на привокзальной площади города Гуанчжоу перед праздником Весны. Люди стояли в очереди в кассы вокзала, при этом каждый, не важно — мужчина или женщина, держал предыдущего очередника за талию, чтобы не потерять свое место в очереди и не допустить вклинивания в нее ловкачей. Это было незабываемым зрелищем, как и запуск на платформу людей строим. Сейчас любой может заказать билеты в КНР через Интернет.

В Китае я ездила в разных вагонах: в мягких, где диваны обиты шелком, а также в плацкартных и сидячих вагонах. В пути не хочется ни на минуту отрывать глаз от окна. Хотя и в вагоне мне никогда не бывает скучно. Раньше пассажиры курили, ели и тут же бросали пакеты, обертки, окурки и пластиковые бутылки на пол, а проводни-

ки безропотно выметали мусор. Удивляло, что зрители ели и курили на представлениях Пекинской оперы и концертах. Теперь в Китае не разрешается курить в общественных местах, а также сорить в вагонах и автобусах. И в отличие от 80-х годов теперь больше летают самолетами. Обслуживание прекрасное, объявления Южной авиакомпании 南方航空公司 даются иногда на четырех языках: китайском, английском, русском и уйгурском. Пища в салоне самолета подается мусульманская.

Перемены в Китае происходят прямо на глазах. Студенты меньше изучают русский язык, больше стремятся овладеть английским и японским языками. Они стали более раскованными, уверенными в себе, большинство хорошо материально обеспечено. Повсеместно строятся учебные корпуса, общежития, библиотеки, целые студенческие города. Идет сплошная компьютеризация учебных процессов, а ксероксы здесь стали использовать на несколько лет раньше, чем в Казахстане. Профессора получают новые благоустроенные квартиры в рамках осуществления «Программы сто квартир для ста профессоров», а также путем приватизации старых некрасивых квартир в ведомственных домах и их последующей продажи. Эти деньги, а также сбережения и льготные кредиты пошли на приобретение новых квартир. Старые квартиры были с бетонными полами, одна из комнат предназначалась для велосипедов, если их обладатели не хотели ставить их на платную стоянку. Ведь у каждого взрослого члена семьи был свой велосипед. Новые квартиры профессоров имеют площадь до 100 кв. м, некоторые из них двухуровневые. А надо сказать, что семьи их, как правило, небольшие. Я знала лишь одного ученого-ханьца из Лояна — Чжан Найчжи, который имел троих детей. Молодые специалисты получают квартиры в ведомственных домах своих учреждений, а также комнаты в общежитиях. Но жилищная проблема в стране и сегодня остается весьма острой. Это вызвано огромным количеством населения, а также дороговизной жилья. В последнее десятилетие многие высотные дома в городах Китая остаются полупустыми в связи с их недоступной ценой для рядовых граждан.

Раньше все студенты обязаны были жить в общежитиях своих вузов, несмотря на то, что у некоторых родители проживали в этом же городе. В субботу вечером вереницы студентов-местных жителей отправлялись на велосипедах домой, а в воскресенье вечером или рано утром в понедельник возвращались в университет. Число китайских студентов в одном среднем вузе намного превышает число студентов

любого нашего университета. Тем не менее, все они могут получить место в общежитии своего вуза. А проблема общежития в Казахстане и сегодня является узким местом как раньше, так и сегодня.

В начале 90-х в Китае повсеместно пользовались мобильными телефонами. Компьютеры и сотовые телефоны стали предметами первой необходимости в Китае лет на 7-8 раньше, чем у нас. Как известно, они, как и продукты питания, большей частью к нам стали поступать из Китая. Всемирно известные японские компании и шведская компания Эрикссон налаживали совместное производство и открывали свои филиалы в КНР. Произошли разительные перемены в науке. В Китае с конца 80-х годов стали массово выпускаться памятники письменной культуры народов Китая, реставрировались старые и возводились новые материальные памятники. Состоялся возврат к традиционной культуре, и восстановилось чувство уважения к нему. Центральные и провинциальные правительства Китая, в том числе и национальные районы, уделяют большое внимание туризму и извлекают из этого солидную прибыль. Все, посещавшие Китай, могли своими глазами видеть уверенный ход реформ во всех областях хозяйства, а также в сфере образования и науки. Одновременно ощущимо растут цены на книги. Благоустраиваются города, разбиваются новые парки, строятся современные здания, новые аэропорты и вокзалы, высокоскоростные дороги, запускаются скоростные поезда. За 20 лет аэропорт в Урумчи, к примеру, перестраивался и модернизировался дважды. В 1993-95 гг. на моих глазах возводились общежития, учебные корпуса, огромная библиотека, административные здания на территории Ланьчжоуского университета. Был построен целый студенческий городок на расстоянии 45 км от города на территории бывшего Ланьчжоуского военного округа в уезде Юйчжун 榆中县. Здесь выделяются дополнительные комнаты-квартиры тем преподавателям, у которых много уроков, и просторные комнаты отдыха для них в самом учебном корпусе. Бесплатное автобусное сообщение налажено между всеми тремя городками университета.

Стройка в Ланьчжоу велась днем и ночью, студенты жаловались на то, что шум мешает им заниматься и спать. Мне же это никогда не мешало, я не понимала их жалоб, говорила им, что следует радоваться новостройкам. В КазНУ за это время был построен лишь Дворец студентов, а за ним на его же территории возвели высотные дома, не имеющие никакого отношения к университету. Представляется невозможным, чтобы на территории Пекинского или, скажем, Кембридж-

ского и Оксфордского университетов земля была отдана посторонним лицам. В Китае, напротив, частные лица строят общежития и учебные корпуса, что было и в Ланьчжоуском университете. А один из бывших выпускников этого вуза, помня об опасном переходе напротив главных ворот, вложил средства в строительство нового современного перехода с таймером. В Казахстане редки случаи материальной помощи вузам разбогатевших людей. Наука и образование все больше приобретают рыночные черты, но не в плане конкуренции предоставления, как теперь цинично говорят, «образовательных услуг». Или, скажем, конкуренции между авторами учебников и научных работ. Все чаще слышатся мнения о понижении у нас качества образования и сетования на то, что книжный рынок заполнился «научной продукцией» сомнительного характера. В Китае также видны огрехи в деле образования и организации издания научных трудов, однако государство продолжает своевременно финансировать академические институты.

Возьмем, к примеру, бензозаправочную станцию, которую цинично возвели у ворот уникального, единственного в Казахстане Ботанического сада вблизи Казгуграда и прежней выставки Народного хозяйства (ныне Выставка Атакент). Между тем во всех цивилизованных государствах даже автобусная остановка строится на расстоянии минимум трех километров от таких искусственных и природных объектов, как Ботанический сад. Вспоминаю огромный парк в Гуанчжоу, где я видела все те растения в натуральную величину, которые выращиваются моей матерью как комнатные цветы. В Китае, конечно, также немало своих экологических проблем. В Пекине большая их часть была решена в период подготовки 29 Олимпийских игр 2008 г. Здесь все меньше видишь велосипедистов, что раньше поражало и восхищало всех приезжих. Автомшины идут нескончаемым потоком. В Пекине соблюдается запрет на выезд частных машин по определенным дням в зависимости от четных и нечетных последних цифр в их номерах.

На склонах холмов Ланьчжоу многие вузы высадили деревья и ухаживают за ними. Мы тоже занимаемся лесонасаждениями, но не назначаем организаций, ответственных за то, чтобы они выросли. В Ганьсу проведены эффективные меры по озеленению аридных зон, против опустынивания некоторых его районов. Здесь все больше выращивается фруктов и овощей, правда, как мне кажется, с чрезмерным использованием химических удобрений. В то же время китайцы очень бережно относятся к «поющим пескам» на западе провинции. И мне понравилось, что группы людей специально выезжают за город, чтобы

полюбоваться цветением персиков, как в Японии любят цветением сакуры. В университетах работают садоводы, которые в зависимости от сезона цветения пересаживают из питомников цветы на аллеях университета. Также они устраивают целые пирамиды из горшков со специально подобранными цветами у ворот вуза или на площадях. Горшки никто не разбивает, цветы не рвет.

В китайских вузах примечательным является и то, что преподаватели, ушедшие на заслуженный отдых, продолжают жить на территории своего родного вуза. Они приходят в столовые, где готовят простую и вкусную еду, завтракают, заказывают и берут с собой какие-нибудь блюда домой. Старые преподаватели встречаются с коллегами, своими учениками в столовой, на спортивных площадках, на вечерних и утренних прогулках по зеленым аллеям. К ним обращаются за консультацией, их навещают, поздравляют по праздникам, приглашают на встречи и лекции. Главное, они не теряют связи с родным университетом. Такое же положение и в академических городках. Конечно, пенсионеры имеют какие-то человеческие обиды, разочарования. Не без этого. Возможно также, что некоторым хотелось бы больше внимания. Но им, как мне кажется, не грозит полное забвение, они не оторваны от интересов вуза, которому отдали свою жизнь. У современной китайской молодежи сохраняется чувство уважения к своему Учителю, хотя, по мнению некоторых пенсионеров, их поколение относилось к Учителям, и вообще к старшим, с большим уважением. Но я думаю, что дело обстоит не так плохо. У меня был ученик в Ланьчжоуском университете, который часто огорчал меня своей нерадивостью. Иногда он не приходил на урок, что вообще было немислимо для китайских студентов моего поколения. Когда я собиралась возвращаться на родину, многие приходили ко мне прощаться. Пришел однажды и он, подарил мне фотографию, на которой он сидел таким фертом, положив одну согнутую ногу на колени другой. У нас состоялся незабываемый диалог:

- Почему ты даришь мне свою фотографию? Чтобы я показывала ее моим казахстанским студентам и говорила: «Вот мой ланьчжоуский студент, который не очень старался в учебе?».

Он отвечал:

- Да, вы можете так говорить. Но вы для меня навсегда останетесь учителем, как Конфуций является Первоучителем всех китайцев. В знак этого я вам дарю на память изображение Конфуция.

Слова юного друга являются типичными для китайского менталитета. А портрет Конфуция, вырезанный на металле и прикрепленный к

деревянной дощечке, и сегодня висит на стене моего домашнего кабинета. В Китае говорят, что нет плохого ученика, есть ученик, который не любит познавать новое. Нет плохого учителя, бывает лишь ленивый учитель. Конфуций же говорил, что «из трех прохожих, по меньшей мере, один может быть моим учителем». Китай — это огромный океан, а то, что ты знаешь о нем, является лишь каплей в океане. И все же главным качеством человека в любом возрасте, является постоянное стремление к знаниям. В молодости оно помогает добиться более высокой квалификации, а в старости — освежает душу.

Мне не хочется уподобляться тем, а среди них был и великий французский энциклопедист Вольтер, кто идеалистически искал в загадочном Китае то, чего не мог найти у себя на родине. Мои китайские впечатления являются, вероятно, яркими в сравнении с тем, что происходило в это же время с нашей страной.

Построенные при помощи Советского Союза заводы сельхозмашин в Китае достаточно быстро модернизировались, перестроились на производство мини-техники, в то время как наши заводы и фабрики в 90-х годах стали приходить в упадок. Я не буду оригинальна, заметив, что начался также необычайный расцвет приморских районов и городов Китая. Все это, естественно, производило огромное впечатление на фоне переживаемого нами распада СССР, происходившего одновременно с позитивными явлениями в соседнем государстве.

Отношения стран Центральной Азии и КНР развиваются успешно в двустороннем и региональном форматах. Значительно продвинулось вперед сотрудничество в политической, экономической и культурной сферах, в рамках международных организаций, в том числе ШОС. Казахстанцы разделяют с китайцами их радость и праздники. С большим удовлетворением у нас восприняли то, что факел Олимпийских игр впервые пронесли в Алматы, а первым олимпийским факелоносцем стал Президент нашего государства.

Для меня, как китаеведа, как историка, с провозглашением независимости нашего государства открылись новые возможности для углубления творческой работы. Если раньше я общалась преимущественно с коллегами из республик СССР, то теперь мне представилась возможность встречаться с китайскими учеными, а также с зарубежными исследователями Китая и стран Востока, чаще посещать объект своего исследования. Научное сотрудничество, работа в книгохранилищах и архивах Китая для нас перестали быть чем-то недостижимым. К тому же для историка важным является увидеть во-

очию исторические места, связанные с теми событиями, которые он изучает и описывает. Еще в древности китайский историк Сыма Цянь не только работал в дворцовых архивах, но и посетил многие исторические места. Он первым систематизировал материалы о наших древних предках. Поэтому для меня очень важным было посещение памятных мест, связанных с его жизнью, его могилы. Я знала, что надгробие над общепризнанной могилой Сыма Цяня является куполообразным, напоминающим форму юрты. Мне это казалось знаменательным. Надо заметить, что в Китае не обязательно в официально назначенном захоронении покоятся останки указанного на таблице человека. Чаще место назначенного упокоения является символом нетленности народной памяти, уважения к деятельности человека и его вкладу в развитие своего народа. Китайцы могут возвести храм выдающемуся деятелю и объявить это место его захоронением. Они также могут похоронить там якобы принадлежащие ему одежду, головной убор и пояс, если в свое время не были найдены останки этого человека (Чингисхан, поэт Ли Бо李白). Китайцы ежегодно могут по-своему проводить поминовение и в текучей воде (например, в реке 汨罗江), в которой утонул патриот (Цюй Юань屈原). Они поклоняются древнему лекарю как богу медицины, хорошему воину — как богу войны и т.п. Выпускники школ и их родители перед вступительными экзаменами приходят на могилу Сыма Цяня, чтобы выразить ему уважение и попросить у его духа поддержки при вступлении на тернистый путь знаний. У первых историков Китая была трагическая судьба: Сыма Цяня, автора «Исторических записок», этого китайского Полибия (по выражению русского ученого И. Конрада), оскопили; Бань Гу — автора «Хань шу» — посадили в тюрьму, не дав завершить труд; Фань Е — автора «Хоу Хань шу» — казнили. Такова была цена познания исторических фактов и оценка деятельности сильных мира сего в Китае в древности. И все же историческая наука развивалась, а историческое мышление присуще китайцам как никакому другому народу. Перечисленные историки были основателями уникальнейшей и ценнейшей серии династийных историй, внесшими неопределимый вклад в мировую историю. Они также впервые системно и достоверно для своего времени поведали нам о нашем регионе и региональной политике Китая в Центральной Азии, о наших далеких предках. Мы должны знать, что на наследии китайской феодальной историографии в Китае воспитывались поколение за поколением на протяжении столетий и вне зависимости от политического строя,

установившегося в стране. Китайцы не могут и не хотят выйти из-под пресса этого груза и сегодня...

Продолжая разговор о судьбах выдающихся китайцев, замечу, что самые известные за пределами Китая и почитаемые веками великие философы Лао-Цзы и Конфуций не нашли при жизни признания в своих княжествах и в своей стране. По преданию, Лао-Цзы покинул страну, а Конфуций, к советам которого не прислушивались правители, перебивался частными уроками. Конфуция бичевали еще совсем недавно, в годы «культурной революции». Получается, что и для Китая остается верной поговорка: «Нет пророка в своем отечестве». И тем не менее китайская философия была и остается неотъемлемой частью китайской души и китайской духовности. Хотя, возможно, не все китайцы это осознают сами. У китаеведов невольно мысленно возникают культурные ассоциации. Надеюсь, что читатель поймет это. В 1988 г. на встрече с делегацией из Казахстана один синьцзянский чиновник заметил: «Мы слышали лишь шум ваших тракторов и лай собак, и только сейчас удостоились свидеться с вами», я тотчас вспомнила замечание Лао-Цзы о том, что хорошими отношениями с соседями могут быть лишь в том случае, если «слышишь крик их петухов и лай их собак, но не нуждаешься в общении с ними». Культурный диалог вести всегда намного труднее, так как это требует толерантности, взаимопонимания, в чем-то и взаимной уступчивости. Здесь необходимы терпение, время, нравственные и интеллектуальные усилия с обеих сторон. А неприятие чужих обычаев, чувство ненависти к чужому народу присущи, как мне кажется, нравственно ущербным и недалеким людям.

Сегодня изучать китайский язык в Казахстане становится престижным. С каждым годом растет число желающих приобщиться к прекрасной китайской письменности, из глубины веков донесшей до нас ценную информацию о древних народах и государствах на нашей территории.

Китайский язык во все исторические времена имел в Казахстане большое политическое и практическое значение. Но его систематическое изучение развернулось в стране лишь в конце XX столетия, после образования Республики Казахстан. Нельзя сказать, что раньше казахи и казахстанцы вовсе не изучали язык нашего великого соседа. В средние века, в VIII-XIII веках, многие представители местных племен изучали китайский язык, конфуцианство, служили переводчиками буддийских каноников на китайский язык. Изучался он также в период казахской государственности в XVIII веке. Российские переводчи-

ки доносили в Коллегию иностранных дел Российской империи, что китайский язык был знаком хану Аблаю (годы правления 1771-1780). Хан Аблай впервые от имени казахских ханств установил посольские, торговые и культурные связи с Цинской империей. Его тайная дипломатия требовала регулярных сношений с Китаем, а также верных переводчиков. Но, скорее всего, хан владел основами чагатайского письма, который был одним из языков дипломатической переписки Цинской империи с государствами Центральной Азии. Грамоты цинских императоров, адресованные казахским правителям, оформлялись на нескольких языках: маньчжурском, китайском, монгольском и арабской графикой на одном из тюркских языков. Возможно, в связи с этим вкралась ошибка в донесениях русских эмиссаров о том, что хан владел китайским языком. Однако, поскольку хан придавал большое значение своим разносторонним связям с цинским Китаем, кто-то из его сыновей, внуков и приближенных мог изучать китайскую грамоту. Это могло происходить и в родовом стойбище и во время их достаточно продолжительных визитов в Китай. Записи с упражнениями и словарем остались лишь в письменном наследии знаменитого внука Аблая — Чокана Валиханова. В XIX веке центр обучения китайскому языку открылся в Восточной Сибири, но местная администрация еще долго использовала проводников и переводчиков (толмачей) китайского языка тюркского и монгольского происхождения. (Само слово «толмач» тюркского происхождения.) Лишь с усилением колониального гнета она стала обходиться своими служащими и чиновниками.

В советское время центры как научного, так и учебного востоковедения находились в Ташкенте. Впервые кафедра китайского языка в Ташкентском Государственном университете (до 1960 г. Среднеазиатский государственный университет) была основана в 1957 г. Правда, архивные документы показывают, что в 40-е годы, в связи с практической необходимостью, при Институте иностранных языков в Алма-Ате открывались краткосрочные курсы китайского языка. После образования КНР этот язык изучали также в специальной школе-интернате. Эта школа закрылась в связи с возникшей в конце 60-х годов конфронтацией между СССР и КНР. Лишь в 1989 г. при факультете казахской филологии в КазГУ им. С.М.Кирова (сегодня — КазНУ им. аль-Фараби) была создана кафедра востоковедения. Вначале на кафедре востоковедения преподавали три языка: арабский, китайский и персидский. Для открытия кафедры и преобразования ее в самостоятельный факультет много усилий приложил доктор филологических наук А.Дербисалиев — педа-

гог, дипломат и крупный религиозный деятель. В июне 2000 г. впервые в Центральной Азии он, будучи еще светским лицом, был избран главой Духовного управления мусульман Казахстана. Кафедра китайской филологии была открыта в 1991 г., а возглавить ее была приглашена автор этих строк. Первый набор студентов на китайское отделение был очень сильным. Он состоял из выпускников казахских школ. На кафедре не хватало учебных пособий, не были разработаны программы по специальным предметам, катастрофически не хватало преподавателей. Было совершено несколько командировок в Институт стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В.Ломоносова, в Ленинградский (Санкт-Петербургский) университет, ТашГУ им. Ленина. Большую помощь в получении программ, методических и учебных пособий, копий экзаменационных билетов, требований к изучению китайского языка оказала кафедра китайской филологии Института стран Азии и Африки (ИСАА МГУ). В то время кафедру возглавлял известный лингвист профессор Румянцев М.К. Существенной для того времени была также помощь Ассоциации китаеведов СССР (Председатель — директор Института Дальнего Востока академик Титаренко М.Л., секретарь — доктор филологических наук Боровская Н.М.), которая любезно взяла на себя почтовые расходы по доставке книг в Алматы.

Большинство китаеведов в Казахстане лишь периодически занимались преподавательской деятельностью, большая их часть работала в научно-исследовательских институтах и вела плановую научную работу. Но и их были единицы. Многие китаеведы-филологи в свое время переквалифицировались в историков, преподавателей английского и русского языков. К тому же мы обучались по другим учебникам, многие из которых уже устарели. Трудность заключалась также в том, что в КазГУ на факультете востоковедения были открыты лишь казахоязычные группы, а в СССР никогда не издавались учебники китайского языка на тюркских языках. Такие учебники имелись лишь в КНР, но они были написаны арабской графикой, которую мы не знали. По этой причине нам было сложно пользоваться учебниками, созданными для национальных меньшинств Китая. Лексико-грамматическая часть была недоступна, а многие тексты не подходили нам или морально устарели. Но выход был все же найден.

В первые годы суверенитета между РК и КНР установился безвизовый режим. В Казахстан с целью изучения русского языка, а также по делам бизнеса и родственным связям стала приезжать молодежь из СУАР и других провинций Китая. Среди них были люди с высшим

педагогическим образованием. Законы о миграции в стране только начали разрабатываться. Поэтому людей с соответствующим образованием кафедра отбирала самостоятельно и рекомендовала для преподавательской работы. Я обращалась с заявлениями в Отдел внешних связей университета с просьбой продлить визы этим гражданам КНР, обучающимся у нас дополнительным профессиям. Представители казахской молодежи из КНР, Узбекистана со своей стороны выражали желание внести свой вклад в дело обучения китайскому языку в Казахстане. Некоторые казахи оставались здесь на постоянное жительство. В итоге в 1993 г. из 16 преподавателей кафедры лишь трое были местными, остальные тринадцать — гражданами КНР. Среди преподавателей уважение и признание студентов и руководства кафедры завоевали выпускники Синьцзянского университета и Синьцзянского педагогического университета, выходцы из известных там интеллигентных семей: Аманжолова (в девичестве Шахиди) Ильдана, Батюшкова Альфия, Фарида Оразакын (ныне преподаватель Алматинского педагогического университета), Халида Мутий. Были представители и других провинций. Министерство образования РК и Университет не имели тогда финансовой возможности официально приглашать большое количество преподавателей. Впервые договор о сотрудничестве был заключен с Китайским Северо-западным техническим университетом (Пекин), откуда вскоре на один год или семестр стали приезжать высококвалифицированные специалисты: профессора Ли Цзинь, Ма Шучинь. Затем к нам приезжали преподаватели из Синьцзянского университета: Ху Айхуа и др., а также несколько лет подряд приезжали педагоги Ланьчжоуского университета. Осенью 2011 г. вторично прибыл молодой выпускник факультета русского языка Гуй Лян 桂亮, мой давний знакомый. Я иногда обращаюсь к нему «Учитель-лаоши», так как он преподавал на курсах повышения уровня китайского языка для преподавателей из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, организованных в 2004 г. в Ланьчжоуском университете. Старшими среди этих курсантов оказались русская женщина, обучавшаяся четыре года в Пекине еще в 50-х годах, и я.

А на свою первую стажировку в Китай для повышения уровня китайского языка выехали в начале 90-х годов единственный наш казахский преподаватель (выпускник ТашГУ) и три лучших студента кафедры.

Большое значение для развития кафедры имел договор 1992 г., заключенный между КазГУ и Ланьчжоуским университетом по обмену

преподавателями, стажерами и студентами. Этот договор действует и в настоящее время. Благодаря ему второй набор студентов почти в полном составе прошел годичное обучение в Ланьчжоуском университете. С этим университетом (проректор по внешним связям — профессор Ян Шу) нас и сегодня связывает крепкое сотрудничество. Там прошли стажировку и обучались на курсах совершенствования несколько преподавателей КазГУ. Кроме того, переводятся и издаются на китайском языке научные труды казахстанских ученых. Была переведена на китайский язык и издана в Ланьчжоуском университете и моя монография.

В Китае накопился опыт преподавания китайского языка для иностранцев, в 80-е годы были изданы учебники с набором кассет, множество двуязычных словарей, другие пособия. В основном это были прекрасно зарекомендовавшие себя учебники, подготовленные и изданные Институтом иностранного языка (Университет иностранных языков и культуры в Пекине). Мы также изучали тайваньские учебники мандаринского языка для иностранцев. Качество их было достаточно высоким, однако в то время латинская транскрипция этих учебников не отвечала требованиям общепринятой в КНР транскрипции нормативного китайского языка.

Среди выданных мне московскими коллегами книг было большое количество методических пособий; учебников, подготовленных кафедрами ИСАА, а также Военным Институтом иностранных языков. Ценность представляли «Требования к изучению китайского языка» для всех пяти курсов, «Требования к курсовым и дипломным работам», образцы экзаменационных билетов, а также методические пособия для овладения навыками китайского языка на продвинутом этапе и систематизации знаний по китайской грамматике. Все учебники были в одном экземпляре, а в КазГУ не хватало копировальных аппаратов. Это очень затрудняло учебный процесс, приходилось многое переписывать от руки. Но, с другой стороны, это полезно для запоминания иероглифов. Для домашнего чтения мы также стали все чаще использовать китайские подборки и извлечения из классической литературы. Что касается учебников по общественно-политической тематике, то параллельно с учебниками МГУ для старших курсов давались выборки из газет, преимущественно из «Жэньминь жибао» 人民日报, свежие номера которой также нелегко было достать.

После установления дипломатических отношений между РК и КНР, открытия посольства КНР в Алматы мы получили в дар в большом

количестве необходимую специальную литературу, учебные и методические пособия, словари. Китайская сторона щедро отблагодарила за помощь Советского Казахстана науку и образованию СУАР в 50-60-е. Таким образом, становлению кафедры китайской филологии в Казахстане способствовали и Москва и Пекин.

Мы — преподаватели — учились и росли вместе с нашими студентами. На первоначальном этапе преподаватели учили основам и практическому курсу китайского языка по московским учебникам. Однако постепенно, в связи с увеличением контингента китайских преподавателей на кафедре и в связи с большей доступностью, кафедра перешла на китайские учебники. Кафедра имела количественно больше учебников, подготовленных китайскими коллегами, которые были снабжены аудиокассетами.

Китайская сторона открыла в КазГУ центр изучения китайского языка, предоставив полностью технически и методически оборудованные лингвистические кабинеты и аудитории. Этому способствовало, конечно, расширение и укрепление с каждым годом культурных и гуманитарных связей Казахстана и Китая. Использование китайских учебников привело к переработке учебных программ по многим Китаеведческим дисциплинам. Затем Центр изучения китайского языка был преобразован в Институт Конфуция, эти институты действуют также в Астане, Караганде, Актобе.

Однако вернемся к начальному этапу кафедры китайской филологии. Большинство китайских учебников для иностранцев были англоязычными, также мы полностью перешли на разработанную в Китае латинскую транслитерацию — пиньинь. Использование учебников китайского языка на английском языке практикуется во многих странах Европы, к примеру в Швеции и др.

Главной нашей целью была организация учебы студентов в китайских вузах и обеспечение местных студентов китайскими преподавателями — «носителями языка». Только при таких условиях можно воспитать высококвалифицированного специалиста иностранного языка. Что касается теоретических курсов: фонетики, морфологии, синтаксиса, а также китайской литературы, то их на младших курсах преподавали по московским учебникам, а на старших курсах стали постепенно передавать эти нагрузки китайским преподавателям. Педагогическая нагрузка во многом зависела от наличия преподавателей.

В 1993 г. преподавание китайского языка как иностранного было введено на других факультетах: экономическом (по специальности

международная экономика), юридическом (международное право), филологическом (журналистика) и т.д. — по желанию студентов этих факультетов. Естественно, требования к изучению языка для этих специальностей были другими, они также велись по специальным китайским учебникам.

На самой китайской кафедре в качестве второго восточного языка преподавались японский и корейский языки, пока не образовались специальные кафедры.

Одновременно преподаватели кафедры вели индивидуальные курсы китайского языка на Дипломатических курсах, открытых в МИД РК в 1992 г. Молодые специалисты занимались на курсах без отрыва от основной работы, успешная сдача экзаменов влияла на их квалификационную характеристику.

Ежегодно на кафедре проводились Вечера китайского языка и студенческие научные конференции. Вечера пользовались большим успехом, студенты выступали с докладами и скетчами, пели песни на китайском языке, разыгрывали юмористические сценки. Такие вечера и конференции способствовали усвоению китайского языка, знакомили с жизнью и бытом китайского народа, с его культурой. Зачастую на них присутствовали сотрудники Посольства КНР в Республике Казахстан, которые со своей стороны премировали лучших исполнителей.

В 1994 г. состоялся первый выпуск отечественных Китаеведов: филологов и историков. Первый выпуск был тотчас разобран государственными учреждениями. Второй и третий выпуски, в основном, пополнили педагогические коллективы КазНУ, а также других вузов Алматы и всего Казахстана. Впервые были защищены диссертации на ученые степени кандидатов филологических, исторических наук. Выпускники факультета востоковедения успешно ведут преподавательскую и научную работу. (Меня все же удивляет, что заведующими кафедрой китайской филологии или кафедрой истории, а то и деканом на факультете востоковедения КазНУ становятся чаще те, кто никогда не изучал китайский язык и другие восточные языки зарубежных стран.

Большие трудности нас ожидали при подготовке аспирантов кафедры, так как в Казахстане не было диссертационных советов по восточным дисциплинам. Работы писались на казахском языке, поэтому аспирантам было сложно защищать свои диссертации в Узбекистане и России. Пришлось выбирать темы по специальностям «сопоставительная грамматика» либо, «взаимодействие литератур», «международные

отношения» и защищать их на советах по специальностям русской и казахской филологии, истории Казахстана. При этом в Диссертационный Совет временно вводились известные специалисты из Москвы и Ташкента.

В настоящее время к научному руководству одновременно с местными учеными непременно привлекаются профессора из КНР и китаеведы из многих стран мира. Они вносят весомый вклад в дело подготовки в Казахстане магистров и докторов PhD. Одновременно они читают для них ускоренный курс своих лекций по истории и филологии, культуре и политологии.

Итак, в подготовку китаеведов и других специалистов со знанием китайского языка существенный вклад внесли китайские преподаватели, китайские учебники, учеба и стажировка в Китае. В Казахстане изучение китайского языка все еще остается весьма престижным делом, он уверенно пробирается на второе место после английского языка. Преподавание китайского языка сегодня ведется во всех государственных и крупных частных вузах Казахстана. Произведено 19 выпусков преподавателей китайского языка только в одном КазНУ им. аль-Фараби. С каждым годом растет число молодых людей, желающих учиться в Китае за свой счет.

Китай продолжает прилагать усилия по подготовке преподавателей китайского языка. По приказу Министерства высшего образования КНР Ланьчжоуский университет в 2005-2008 годах проводил курсы повышения китайского языка для преподавателей государств Центральной Азии. Многие университеты КНР производят набор студентов, магистров и докторантов по грантам Института Конфуция и фонда «Шелковый путь». Молодым преподавателям предоставляется прекрасная и, наверное, уникальная возможность для их будущей карьеры. Мы должны выразить огромную благодарность китайскому правительству, Министерству образования и университетам КНР за то, что, невзирая на мировой кризис, они предоставляют учебные программы для молодежи из Центральной Азии. Эта программа очень своевременна для нас. Мы по-прежнему испытываем недостаток в высококвалифицированных преподавателях китайского языка, в методических и учебных пособиях. Обмен опытом с преподавателями китайского языка из Китая и других стран Европы и Азии будет способствовать развитию китайской филологии и лингвистики. Знание языков, культуры других народов является необходимым качеством современного человека и одним из важнейших компонентов диалога цивилизаций.

В связи с ограниченностью во времени мне больше приходится разезжать в городском такси. Как и все таксисты крупных городов, китайские являются интересными собеседниками, они любят поговорить на злобу дня. Конечно, у некоторых работников сервиса есть свои маленькие хитрости, но эти люди наделены житейским здравым умом, знанием своей выгоды и отменно обслуживают клиента. В ресторанах, лишь уловив отдельные русские слова, тотчас включают русскую музыку. Китайские студенты моего поколения последний раз участвовали во Всемирном фестивале молодежи в Москве в 1957 году, они привезли в Китай песни «Катюша», «Тонкая рябина», «Подмосковные вечера» и др. Мои ланьчжоуские студенты необычайно выразительно пели русские народные песни. Я отворачивалась к окну, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы. Многие мои знакомые ученые и преподаватели также проникновенно исполняют русские песни, некоторые — просто на профессиональном уровне.

У китайцев отличный слух, по-видимому, это связано с музыкальностью их речи, наличием в ней тонов. Если задать себе риторический вопрос о том, кто больше знает: китайские студенты — русские песни и русских писателей или наши студенты — китайские песни и китайских писателей? Ответ, по-моему, ясен.

Не могу я также забыть свою единственную группу уйгурских студентов. Надеюсь, что в жизни им пригодились знания, полученные за годы учебы в Ланьчжоуском университете. Мы обожали слушать узбекский ансамбль «Ялла» и уйгурские песни, сопровождавшиеся танцами с их выразительной пластикой.

Творческий потенциал, жизнерадостность китайцев ощущаются во всем. Мы больше всего воспринимаем страну через ее население, через тех людей, с которыми приходится общаться. Еще в 60-е годы меня удивляло, что в Пекинском университете существовали мусульманские столовые и рестораны. Я уже не говорю об Институте народов Китая 中国民族大学. «Чистая» (халяльная) пища распространена в Китае повсеместно. Даже на пакетах молока вы можете обнаружить зеленого цвета знаки. Китай стремится играть лидирующую роль в Азии и Африке, поэтому правительство еще в 50-е годы уделяло внимание открытию мусульманских столовых и первоклассных ресторанов в центре Пекина и его мусульманском квартале Нюцзе 牛街. Некоторые из мусульманских ресторанов имеют столетнюю историю. Наиболее вкусные и разнообразные блюда, по-моему, готовятся в одной из древних столиц Китая — городе Сиань, откуда начинался «Шелковый путь». Ре-

стораны расположены в районе старой мечети и мусульманского базара в центре города. Даже случайные попутчики в поезде, и уж тем более — китайские коллеги, всегда чутко относятся к тому, что у мусульман есть запреты на некоторые продукты питания. Помню, во время одной поездки в Пекин мои соседи по купе из-за меня воздержались есть свиные консервы. Принимаясь за еду, они громогласно заявляли мне, что едят куриную или говяжью колбасу и сосиски. Не выходит из памяти маленький, 5-6 летнего возраста, китайчонок и его слова. Он самостоятельно надел ботинки, но надел правый башмак на левую, а левый башмак — на правую ногу. Я похвалила его за самостоятельность, за то, что он справился со шнурками ботинок, но осторожно указала на его ошибку. Малыш мне важно ответил: «Тетя, ты видишь недостатки людей, но не видишь их достоинств». С тех пор я прежде всего ищу в Китае все хорошее. Все остальное мне кажется второстепенным, временным и преодолимым. Китай имеет большие человеческие и материальные ресурсы, китайский народ воспитан на мощной многовековой цивилизационной основе, у него огромный творческий потенциал. Возникновение различных проблем, прогнозируемых и неожиданных трудностей является естественным элементом жизненного процесса. Китай стремится их преодолеть и преодолевает, результатом чего является то, что его экономика делает поразительные успехи.

За 60 лет развития КНР случались политические перегибы и экономические ошибки, однако в целом китайский народ успешно справляется с ними и смело идет по пути прогресса и процветания. Китай стал авторитетным членом мирового сообщества, голос которого, равно как и его молчание, слышны всем.

ДЕЛОВЫЕ ПОЕЗДКИ В КИТАЙ

МАНСУРОВ

Зулхайр Аймухаметович

Директор Института проблем горения при КазНУ им. аль-Фараби, доктор химических наук, профессор, академик Высшей Школы, лауреат Государственной премии РК в области науки, техники и образования. Автор 5 монографий и более 400 научных работ и учебных пособий, более 30 авторских свидетельств и патентов РК.

В мае 1992 года я был назначен проректором по научной работе КазНУ им. аль-Фараби. Делегация КазНУ была приглашена на празднование 40-летия Цилинского университета (г. Чаньчунь). В августе я вместе с директором Института новых технологий и материалов академиком Жубановым К.А., проф. Шаяхметовой К.Ш. и Долговязовой Н.А. летели в Пекин через Москву. Это была моя первая поездка в Китай.

В Пекине нас встретили сотрудник МИД КНР и переводчица Юлия. Устроились в гостинице «Янь-Шань» («Ласточкина гора»). За два дня, проведенных в Пекине, ознакомились с достопримечательностями столицы КНР. Посетили мавзолей Мао-Цзэдуна. На площади Тяньаньмэнь стояли в очереди около часа: нескончаемая толпа по четыре человека в шеренге. Осмотрели запретный город Китая. Я впервые поднялся на Китайскую стену. Вечером в гостиницу пришла знакомая Шаяхметовой — балерина Китайского театра оперы и балета. После ужина она показывала китайские и классические танцы, а Кайр Ахметович — представитель известной музыкальной династии — спел арию Абая из одноименной оперы.

В г. Чаньчунь прибыли на самолете (2,5 часа). 18 августа состоялась встреча с ректором университета профессором Лю, внесшим большой вклад в развитие высшего технического образования и промышленности Китая.

Одной из причин приглашения в Китай было сотрудничество в области катализа. Лиин Бин До из Цилинского университета три года была аспирантом КазНУ им. аль-Фараби и защитила кандидатскую диссертацию под руководством академика Жубанова К.А. В это же время в г. Чаньчуне учились два наших аспиранта, и работала профессор КазНУ Ибрашева Р.Х.

Декан химического факультета профессор Ли Гуан и другие преподаватели ознакомили с учебным процессом и научными разработками. Академик Жубанов К.А. и я рассказали о КазНУ, о работах в области катализа и горения. Их заинтересовали разработки по каталитической переработке угля в жидкие топлива, технологии получения огнеупоров методом самораспространяющегося высокотемпературного синтеза. Обсудили вопросы сотрудничества.

Один день был посвящен ознакомлению с достижениями уезда (150 км). Начальник уезда господин Цан встретил нас перед офисом. Посетили 4 предприятия: стекольный завод, где изготавливают, в том числе, кварцевые трубки, ковровую фабрику, фармацевтический завод и предприятие по производству пуховиков. Везде чистота, хорошая занятость, хотя много ручного труда.

Мы осмотрели научные лаборатории, библиотеку, а на следующий день ректор пригласил нас на «праздник фонарей» в центральном парке. Когда мы ехали по центральной улице, он спросил: «Профессор Мансуров, как по-Вашему называется эта центральная улица?». Я ответил: «Наверное, это проспект Мао Цзэдуна». «Это проспект Сталина», — ответил ректор. Нас всех удивило, что в отличие от Советского Союза в Китае сохраняются исторические названия, имена.

Тогда же я впервые понял, что значит огромное население. При входе в парк ректор предупредил: «Если вы потеряетесь, мы должны встретиться у центральной клумбы». И это предупреждение было не случайным, т.к. там люди ходят шеренгами по 7-10 человек в одну и в другую сторону. И в самом деле, если отстанешь, то потеряться — нет проблем. Действительно, было прекрасное праздничное представление с яркими разнообразными фейерверками, китайские народные танцы и песни. Естественно, был и ответный визит руководства Цилинского университета в Алматы.

В 2000 году в сентябре (15-22) в городе Сиань состоялся миллениум симпозиум по термо- и гидронаукам. Предварительно я послал расширенные тезисы по холоднопламенному сажеобразованию и неизотермическим холодным пламенам пентана. Оргкомитет предложил мне

сделать первый доклад пленарным, освободив от оргвзноса. Конференция прошла очень плодотворно, к докладу был проявлен большой интерес. Презентация была подготовлена и сделана на «прозрачках», и две статьи были опубликованы в международном журнале по термохимии. Помню, что среди докладов самыми интересными были выступления профессора J.Ziereg и профессора N.X.Chen. Последний закончил в 1958 году МВТУ им. Баумана.

Про город Сиань можно сказать, что здесь гармонично уживаются современные отели и мелкие старинные мастерские по ремонту велосипедов и др. Здесь чувствуется разница между столицей и средним городом Китая (население г. Сиань — 3 млн. человек). Вечером улицы не освещаются, в отличие от Пекина, велосипедисты едут с установленными на руле фонарями. На улицах можно увидеть как новые, так и старые, ржавые велосипеды. Для участников конференции была организована экскурсия в знаменитый музей терракотовых фигур, которую в Китае открыли незадолго до этого. Это огромный музей, где выставлены несколько тысяч статуй воинов, фигур лошадей и т.д. Открытие мирового значения было случайным. Крестьяне, проводя земляные раскопки, наткнулись на терракотовых воинов. К настоящему времени археологи нашли более 5 тысяч статуй. И что отрадно, вместе с раскопками проводится и музификация памятника. Сооружен огромный саркофаг из стекла, что предохраняет объект от разрушения.

Следует отметить, что надо учиться у китайцев — они сделали на огромной территории музей под крышей, это спасает экспонаты от разрушений. В 1998 году музей посетил Б.Клинтон. Его визит хорошо освещался в печати и музей стал известен всему миру. Участники конференции мечтали посетить его. Конечно, мастерство скульпторов и масштабность экспозиций ошеломляет. В Казахстане также проводятся археологические раскопки, но сохранность находок под открытым небом (из-за погодных условий) низкая. Музей терракотовых фигур — хороший пример для казахстанских археологов и правительства, которое должно выделить средства для сохранения памятников археологии. Справедливости ради, следует отметить, что благодаря госпрограмме «Культурное наследие» в последние годы в Казахстане намечаются сдвиги в положительную сторону. Строится музей под открытым небом на месте сакских курганов в Боралдае, Иссике и Береле.

В октябре 2002 года я вновь посетил Китай. Теперь уже Пекин, где состоялась конференция по термическим наукам. Среди участников встретил профессоров, которые делали доклады в Сиане два года на-

зад. Впрочем, конференция была представительная — приехали делегации из Японии, Южной Кореи, Израиля, Малайзии, Румынии и других стран. Выступил с двумя докладами, уложившись в 30 минут. Задавались вопросы, развернулась дискуссия.

В этот раз я еще раз побывал на Великой китайской стене (ВКС) и в музее захоронения представителей династии Мин, которую обнаружили во время археологических раскопок в 1958 году. Впечатления огромные. Начавшись со строительства в 7 веке до н.э. небольшим государством для защиты от гуннов, во времена династии Мин (1368 — 1644 гг.), Китайская стена достигла своего расцвета, превратившись в грандиозное фортификационное сооружение протяженностью в 6 700 км. Вблизи Пекина есть секция ВКС — Бадалинг, высотой 8,5 метра и шириной 5,7 метра. Интересны наблюдательные посты с большой разновекторностью обзора. Конечно, стена впечатляет своим величием и размахом, как будто уже тогда думали о великом будущем Китая.

В 2004 году я был в Синьцзянском университете в г. Урумчи, где с ректором университета мы обсуждали развитие сотрудничества в области обучения китайскому языку и в области химии. Проректор по учебной работе показал библиотеку, где студенты готовились к занятиям. На стенах были вывешены фотографии великих ученых и общественных деятелей: Аристотеля, Сократа, Конфуция. На одной из стен я увидел фотографию В.И. Ленина и его цитату на китайском языке. Цитата означала «Любое большое дело начинается с малого». Но я не обнаружил фотографию Мао-Цзэдуна. Вечером на банкете, который давал ректор университета, я сказал об этом. Ректор тоже был удивлен и дал поручение проректору по учебной работе на следующий же день повесить фотографию с цитатой. Если не будет исполнено, написать заявление об отстранении от должности.

Впоследствии я еще несколько раз был в Китае, посещая конференции, проводившиеся в Шанхае, Харбине, Хайнэне, Гонконге (2011 — 2012 гг.). Уровень организации конференций разный. Сами конференции можно разделить на два вида. Первые — это известные, традиционные (такие как Carbon, Горение), с действительно международным комитетом (в основном представителями США, Европейских стран), которые проводятся поочередно в Европе, США, Азии. Это как Олимпийские игры. Право участия надо завоевать в своеобразном конкурсе. Но это того стоит. Насыщенная программа, публикации, экскурсии, оргкомитет четко работает, своевременно отвечает на письма. Хотя оргвзнос и повышается с каждым годом, но разумно, и можно понять, на что тратится.

Второй вид — это малоизвестные конференции. В последнее время в Китае объявляются многочисленные конференции, организация которых проходит, можно сказать, на среднем или даже низком уровне. В 2011 году в Шанхае состоялась международная конференция «Carbon» — все было прекрасно! Устные доклады, публикации, постерные доклады, экскурсии, банкет с организационным взносом в 450 долларов США. Следом — конференция по нанотехнологиям на Хайнэне. Заявил два новых доклада. По условиям при оплате оргвзноса должна быть публикация в журнале — не опубликовали. По программе на одной из дневных секций заявлено было 40 докладов. Половина докладчиков не присутствовала, т.е. доклады не состоялись. Не было заключительного заседания с подведением итогов. То же повторилось в апреле 2012 года в Гонконге. Было много представителей из разных стран с хорошими докладами. Фактически же конференция прошла в один день. График докладов не просто плотный — жесткий. Более того, некоторые доклады вообще не соответствовали тематике конференции. Цель таких конференций, по-моему, — заработать на оргвзносах.

Следует отметить, что, несмотря на всю кажущуюся открытость и готовность к сотрудничеству, некоторые китайские фирмы и ученые преследуют корыстные цели. Из моей личной практики были случаи, когда мы заключали соглашения о сотрудничестве на 3-5 лет, в течение 2-3 лет работали, а после — контракт неожиданно разрывался. Причина одна: изучив интересующую их технологию, наши так называемые партнеры, попросту начинали внедрять ее у себя без нашего ведома и участия, отказываясь от дальнейшего сотрудничества. Но, может быть, это и к лучшему, т.к. мы, как разработчики, знаем все сильные и слабые стороны, постоянно совершенствуем и развиваем эти технологии.

В целом, впечатления за 20 лет о Китае: много работают, много строят. Огромное количество людей. Потребление алкоголя резко снизилось по сравнению с 92-м годом. Только пиво и белое вино — почти сухой закон. (Хотя, может быть, мне и показалось.) Правительство уделяет большое внимание развитию науки и наукоемких технологий, высшему образованию, увеличивая из года в год объемы финансирования.

Из своего 15-летнего опыта работы проректором по науке и первым проректором КазНУ имени аль-Фараби и директора Института проблем горения отмечу, что с каждым годом расширяется сотрудничество с китайскими университетами и научно-исследовательскими институтами.

В 2003 г. под моим руководством защитил кандидатскую диссертацию гражданин КНР Ережеп Нурзай — «Зауглероживание природных глин – сорбентов — катализаторов и их взаимодействие с диоксидом серы». В настоящее время он успешно работает профессором в Синьцзянском университете в области нефтехимии и нанотехнологий. Приезжал читать лекции на химический факультет КазНУ. В настоящее время готовим совместный научный проект.

С 1992 года при КазНУ успешно работает Институт Конфуция, созданный совместно с Ланьчжоуским университетом. С 1999 года я, как главный редактор, издаю Eurasian Chemico-Technological Journal. С 2006 года мы обмениваемся материалами с журналом Natural Gas Chemistry (г. Далян), где главный редактор — профессор Xinhe Bao, которому я хотел бы выразить благодарность за плодотворное сотрудничество.

Замечаешь, что с каждым годом меняется наш восточный сосед, растет мощь и благосостояние этой огромной страны.

БЛИЗКИЙ СОСЕД ДОРОЖЕ ДАЛЬНЕГО РОДСТВЕННИКА

ШУЛЕМБАЕВА
Раушан Даутовна

Выпускница Казахского Государственного университета им. С.М.Кирова. С 1989 г. по настоящее время является сотрудником республиканской общенациональной газеты «Казахстанская правда».

Тысячи километров и тысячи лет связывают Китай и Казахстан

Казахстану, расположенному в самом сердце Евразии, с соседями повезло. И примером этому могут служить дружеские отношения с Китаем — Китайская Народная Республика одной из первых признала суверенитет Казахстана и установила дипломатические отношения с нашей страной. Тысячи километров и тысячи лет связывают Китай и Казахстан. Поэтому неудивительно, что в нашей стране Китай неизменно вызывает огромный интерес.

За многовековую историю взаимоотношения между двумя государствами складывались по-разному. К счастью, в новейшей истории не осталось места никаким междоусобицам и недопониманию. Сегодня политики говорят, что Китай и Казахстан имеют общие горы и реки, а двусторонняя дружба — глубокие корни. Огромный импульс развитию сотрудничества неизменно придают официальные визиты глав двух государств, а также многочисленные делегации ученых, преподавателей, музейных работников, артистов цирка и многих других. Например, надолго запомнились казахстанцам «Дни культуры Шанхая в Казахстане», которые прошли с огромным успехом. Не менее интересную программу представили «Дни культуры Алматы» в Шанхае. Казахстан и Китай совместно работали над подготовкой первого фестиваля, состоявшегося в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

Кстати, в минувшем 2011 году Казахстан председательствовал в ШОС, и китайские эксперты положительно оценили итоги деятельности нашей страны на этом посту. После окончания председательства в

Институте мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде первого Президента Казахстана состоялось третье заседание Казахстанско-китайского экспертного совета. В его работе принимали участие высший руководящий состав Академии общественных наук КНР во главе с ее генеральным секретарем Хуан Хаотао, ведущие эксперты двух стран.

– В нынешний 20-й юбилейный для вас год обретения суверенитета, подводя итоги, можно утверждать, что успехи Казахстана являются результатом неоспоримого лидерства Президента и сплоченности народа вашей страны, — сказал на открытии заседания Хуан Хаотао.

На заседании были определены планы дальнейшего сотрудничества между аналитическими структурами Казахстана и Китая, включающие обмен научными кадрами, организацию совместных проектов и стажировок. Например, в 2012 году планируется проведение исследования многосторонних проектов в рамках ШОС, поскольку многие его государства-члены выражают стремление присоединиться к двусторонним программам, в том числе к реализации транспортного коридора Западная Европа — Западный Китай, взаимодействию Казахстана и Китая в урегулировании водно-энергетических вопросов. По мнению экспертов двух стран, перевод двустороннего сотрудничества в многосторонний формат поможет значительно активизировать деятельность ШОС.

Следует отметить, что между Казахстаном и Китаем сегодня нет ни одной неразрешенной проблемы, в том числе решены все приграничные вопросы (между странами граница протянулась на 1700 километров). Высокий уровень политического доверия между правительствами позитивно сказывается и на торгово-экономическом сотрудничестве. Сегодня среди торговых партнеров Казахстана КНР занимает лидирующие позиции.

Эти удивительные синьцзянцы

Плодотворно сотрудничают вузы, музеи, научно-исследовательские и культурные центры двух стран. Казахстан и Китай постоянно обмениваются десятками делегаций, в том числе и научными. Ежегодно проводятся совместные культурные, художественные и спортивные мероприятия, которые помогают ближе познакомиться с нашим могучим полуторамиллиардным соседом.

В прошлом году в честь 20-летия установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан, а также 20-летия независимости Казахстана в Алматы прошла Неделя культуры Синьцзяна.

Началась она с дружеской встречи ученых в Институте Конфуция при КазНУ им. аль-Фараби, который готовит специалистов по китайскому языку. Ежегодно из Китая приезжают учиться в КазНУ несколько сот юношей и девушек. Они вместе с местными студентами исполнили для гостей китайские танцы и песни.

Затем китайская делегация во главе с председателем Народного политического консультативного совета Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая Асхатом Керимбай посетила Национальную библиотеку РК и передала в дар книги, рассказывающие о древней истории Китая, быте, традициях и ремеслах народов, его населяющих. Среди них такие книги, как «Эти удивительные синьцзянцы», «Познаем Синьцзян» и другие.

Гости ознакомились с Отделом редких книг и рукописей и с Центром Китая, который был открыт в Национальной библиотеке в 2005 году с целью сделать ближе и понятнее загадочную для многих казахстанцев страну с 5-тысячелетней культурой. Здесь помимо китайских энциклопедий, различной литературы, журналов организована специальная электронная читальня, через которую можно соединиться с китайским сайтом и почерпнуть много интересных сведений о буднях, мечтах, верованиях и чаяниях современных китайцев, о древних городах и храмах. За эти годы в Центре Китая сформировалась своя библиотека из нескольких тысяч книг и своя категория читателей, которые с удовольствием приходят на встречу с китайской культурой.

– Каждый раз приезжая в гости в Национальную библиотеку, я всегда узнаю что-то новое из истории и культуры не только казахского народа, но и России, Узбекистана и других народов, — сказал Асхат Керимбай. — Поистине фонды Национальной библиотеки богаты, интересны и бесценны. Радует, что между нашими странами сложились крепкие дружественные отношения в культурной, научной и других сферах.

В рамках Недели культуры Синьцзяна также состоялись встречи с читателями популярного китайского журнала «Корші», фотовыставка, рассказывающая о СУАР, и гала-концерт.

Цирковое шоу поднебесной

Алматинский цирк давно не видывал такого ажиотажа, которое вызвало цирковое шоу артистов из Поднебесной. Синтез акробатики и иллюзионизма, невероятная гибкость тела и поразительная легкость исполнения сложнейших трюков, очарование китайской музыки и красочность костюмов — это и есть знаменитый китайский цирк! Всего

два дня длились выступления Пекинского государственного народного цирка в Алматы. Эти два дня, давшие старт мировому турне китайских артистов, не смогли вместить всех алматинцев, желавших попасть на их представления.

В мире давно утвердилось мнение, что существуют всего два цирка — просто цирк и китайский, окутанный ореолом тайн и легенд. Истоки китайского циркового мастерства уходят в глубокое прошлое — к знаменитым боевым искусствам и древней китайской философии. Может, в этом секрет популярности акробатов из Поднебесной? Полтора часа их выступлений на арене Алматинского цирка вместили в себя отчаянную феерию ловкости и удивительного циркового мастерства, которые надолго останутся в памяти зрителей.

Номеров было много, и пейзажи на цирковой арене сменялись быстро. Девушек-акробатов с зонтиками сменил хрупкий юноша, ловко жонглировавший огромным количеством шаров, при этом умудряясь выбивать ногами чечетку. Далее шел номер с канатом, по которому на одном колесе ездил молодой человек. Причем ездил на голове, затем, раскачав канат, прыгал по нему без страховки. Вслед за катанием на «цирковом велике» акробаты стали запрыгивать в кольцо, установленное в два раза выше их роста (а, может, и более). Делали это они артистично и красиво. Иногда даже казалось, что выступают роботы — настолько точны их движения. Были и вертящиеся, словно приклеенные к тонким спицам фарфоровые тарелочки, номер со знаменитыми китайскими соломенными шляпами, летавшие по арене гантели и многое другое.

Глядя на китайских акробатов, начинаешь сомневаться в реальности физических законов и ограниченности человеческого тела. Именно торжество человеческого духа и абсолютная самодисциплина, позволяющие выполнять невероятные трюки, привлекают к китайским артистам огромное количество зрителей во всем мире.

Калейдоскоп современной жизни Китая

Увлекательным путешествием в историю Китая можно было назвать фотовыставку, которая с огромным успехом прошла в Центральном Государственном музее Казахстана. Экспозиция, организованная Генеральным консульством КНР в Алматы, являла собой попытку охватить многоликость Поднебесной — на фотографиях, предоставленных архивом Китая и частными коллекциями, были запечатлены лица людей, творивших историю этой огромной страны, их эмоциональное

восприятие уникальных событий, а также прошлый и современный облик китайских городов и провинций.

Внимание посетителей выставки неизменно привлекала черно-белая фотография главы народного китайского правительства Мао Цзэдуна. С этого главного снимка, который был сделан 1 октября 1949 года, когда на пекинской площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдун провозгласил КНР, и начиналась музейная экспозиция. Следует отметить, что буквально на следующий день — 2 октября 1949 года — КНР была признана СССР, а несколько месяцев спустя страны заключили договор о дружбе и взаимопомощи.

В Китае в те годы началось интенсивное восстановление экономики, разрушенной войнами и интервенциями, а с 1953 года пошел отсчет китайским пятилеткам. С того времени средняя продолжительность жизни в Китае увеличилась с 35 лет, какой она была до образования КНР, до 73-х.

Самая большая по численности населения страна невероятным образом вырвалась в мировые лидеры. При руководящей роли Коммунистической партии Китая и необходимости иметь на своих предприятиях парторга Китай стал первым практически во всем — он первым построил крупнейшую в мире ГЭС и самый дорогой, фантастической архитектуры, Олимпийский комплекс к Пекинской олимпиаде.

По числу пользователей Интернета Китай также занимает первое место в мире. Число обладателей мобильных телефонов в этой стране также больше, чем в любом другом государстве и составляет свыше 600 миллионов человек! Неудивительно, что китайцы каждый год побивают рекорд во время китайского Нового года, отправляя за эти дни почти 20 миллиардов поздравительных СМС!

И еще несколько интересных цифр. Китай, где находятся лишь 7 процентов от всех мировых площадей обрабатываемых земель, обеспечивает продуктами питания не только свое население, численность которого составляет 22 процента от населения Земли, но и экспортирует продукты во многие страны!

Между синологами до сих пор идет спор: одни утверждают, что Китай переживает трансформацию не только экономической жизни, но и традиционного жизненного уклада. Другие говорят, что разговоры о китайском ренессансе лишь обманчивый мираж китаеведов, которые, приезжая в Китай, живут только в быстро европеизирующихся городах, ничем не напоминающих внутренний, подлинный Китай, остающийся неизменным. Правы, наверное, и те и другие, ведь Китай чрезвычайно

многогранен. Живя современной жизнью, китайцы не собираются отказываться от своей древней истории.

Застывший китайский туман

Для всех, кто интересуется историей и культурой Востока, замечательным подарком неизменно становятся выставки, посвященные искусству Поднебесной, которые проходят в Алматы — в Государственном музее искусств имени Абылхана Кастеева. Здесь два года назад впервые за последние несколько десятилетий из музейных хранилищ были извлечены и представлены зрителю уникальные живописные работы китайских мастеров древности, произведения из керамики, фарфора, дерева и нефрита, который в Китае еще называют «застывшим туманом». В запасниках музея хранится самая богатая в Казахстане коллекция произведений искусства Китая (почти тысяча единиц), а потому экспозиция получилась интересной. В ярких красках предстали перед посетителями жизнь и нравы средневекового Китая, мир богов и мифических героев. Выставка помогла взглянуть на нашего соседа и его искусство с новой, неизведанной стороны.

Среди графических работ особое внимание привлекала оригинальная картина XVI века неизвестного художника «Императорская наложница и ее служанка». Создавалось впечатление, будто мастер на «одном дыхании», не отрывая кисти от полотна, единой линией изображает двух женщин с утонченными лицами и великолепным богатым нарядом.

С двух сторон этого художественного полотна (интересно, что картина хранится не в привычной для нас рамке, а в виде свитка) разместились современные копии произведений древнего китайского живописца Чжоу Фана. Одну из этих копий в музее назвали «Дамой с собачкой». Сам Чжоу Фан своему творению дал, оказывается, иное имя — «Дама с головным украшением» (оригинал находится в Ляонинском музее). Известно, что китайские искусствоведы высоко оценивают мастерство Чжоу Фана, считая, что по части женского портрета ему нет равных, хотя он превосходно писал и мужские портреты. Точная дата рождения и смерти мастера неизвестны. Предположительно, он жил в конце VIII и начале XIX веков.

К слову, в Китае к копиям отношение такое же трепетное, как и к самому оригиналу, ведь делать копии доверяется лишь известным художникам. Причем они никогда не пишут своего имени на копиях, считая недостойным ставить его рядом с именем гениального мастера, чье вдохновение породило шедевр. Поэтому фамилии авторов, создав-

ших копии работ Чжоу Фана, искусствоведам неизвестны. Но от этого картины не потеряли обаяния и сияющей красоты, которые отличают произведения древних мастеров.

Среди бронзовых изделий интерес представляет курильница с печатью, надпись на которой была прочитана относительно недавно. Оказалось, что курильница «родилась» в эпоху Мин — в честь десятилетнего правления тогдашнего императора, который правил с 1425 по 1435 годы. Кроме того, надпись гласила, что этот предмет предназначен для воскурения благовоний. Судя по небольшим размерам, курильница, скорее всего, употреблялась для домашнего алтаря. Удивительно, но запах благовоний сохранился в ней до сих пор!

О китайских женских туфельках 30-32 размера стоит сказать особо. На выставке музейные работники выставили сразу несколько пар обуви, изготовленных в XIX веке. Скорее всего, они принадлежали женщинам из богатых семей, поскольку у них даже подошва вышита шелковыми нитями, и они нисколько не были изношены (видимо, их хозяйки мало передвигались самостоятельно). В древнем Китае женщина с крупной ногой считалась несчастьем для семьи, ведь она не могла рассчитывать на удачное замужество с таким физическим «недостатком»! Поэтому ножки девочек-китайнок с трехлетнего возраста стягивали бинтами, притягивая пальцы ноги к пятке так, что потом девушка просто не могла передвигаться без посторонней помощи или вынуждена была семенить мелкими шажками, рискуя упасть в любой момент. Все эти жертвы совершались ради того, чтобы ножка женщины соответствовала тогдашнему «эталону красоты»...

Не менее интересна судьба уникальной фарфоровой тарели диаметром более метра (назвать ее тарелкой язык не поворачивается), изготовленной в фарфоровой столице Китая — Цзиньдэжень. В этом городе керамику начали производить еще 1800 лет назад (не случайно Китай считается родиной фарфора). Сегодня в Цзиньдэжене работает керамический научно-исследовательский институт и более десятка фабрик фарфора. Так вот, на одном из таких заводов и была изготовлена тарель, представленная на выставке в Алматы. Специалисты считают ее уникальной, несмотря на то, что подарили ее Казахстану относительно недавно, в 2004 году. Дело в том, что технологию, благодаря которой была изготовлена тарель, с того времени на заводе больше не используют. Тамошние специалисты перешли на современные линии по изготовлению фарфора, а потому повторить старое уже не смогут.

Хранится в музейных запасниках и оригинальная китайская вышивка из тончайшей золотой проволоки, которая в виде рисунка пришита к ткани тончайшей шелковой нитью. Вышивка сделана на императорском халате конца 18 века и изображает пятикогтистых драконов, устремляющихся ввысь и играющих с огненными жемчужинами. Такие драконы в Китае всегда почитались как императорские. Но этот халат удивителен тем, что был без рукавов, хотя халаты для императоров, как правило, шили с длинными рукавами, закрывающими кончики пальцев (и даже ниже). Это изделие музей приобрел у потомка семьи, которая раньше жила в Синьцзян-Уйгурском автономном округе и в 18 веке эмигрировала в Казахстан. Специалисты считают, что халат принадлежал, скорее всего, князю Синьцзян-Уйгурского княжества. А поскольку князя почитали так же, как и императора Поднебесной, поэтому, видимо, посчитали возможным вышить на его халате драконов из настоящей золотой нити с пятью когтями, то есть с императорскими символами. Княжеский халат сегодня считается одним из лучших произведений в музейной коллекции.

Огромный интерес представляют и императорские фарфоровые вазы, предназначенные для императорских пик. Такие вазы, как правило, синего кобальтового цвета всегда стояли перед императорскими покоями и их покрывали девять императорских драконов. Хотя вазы являются современным изделием, но выполнены они в точном соответствии со стилем и технологией эпохи Тан. На одной из ваз изображен старик на фоне сосны, рядом с ним олень, на спине которого ветка персика. Согласно даосизму, старый человек олицетворяет бога долголетия. Олень, персик и вечно зеленая сосна также являются символами и пожеланиями долгой жизни.

Новые грани дружбы

Выход в свет каждой новой книги, рассказывающей о Китае, специалисты считают заметным явлением в отечественном китаеведении, несмотря на то, что о Китае написаны горы литературы и об этой стране известно, казалось бы, все. Автор информационно-справочного издания о КНР — научный сотрудник Центра китаеведения Института востоковедения им.Р.Б.Сулейменова Министерства образования и науки Казахстана Ауезхан Орман утверждает, что за последние десятилетия коренным образом изменился сам предмет изучения — Китай, а также изменились мы сами и наше представление об истории. Во многом это и подтолкнуло его к написанию информационно-справочного из-

дания о КНР. Этот труд представляет собой добротное историко-просветительское исследование. В нем живо и доходчиво рассказывается о наиболее значимых событиях многовековой истории Китая. И в этой книге, как в обширном энциклопедическом справочнике, востоковеды, политологи, экономисты и другие специалисты, а также студенты и школьники смогут найти ответы на различные вопросы, связанные с Китаем и жизнью народов, его населяющих.

Несомненным достоинством книги является та целостная картина истории Китая со всеми ее успехами и неудачами, начиная с древнейших времен и до начала XXI столетия. Другой важной особенностью является то, что в издании отведено много места для рассказа о культуре Китая, его духовной жизни на протяжении нескольких тысячелетий. Без этого знания понять историю и менталитет китайского народа просто нельзя.

Китай сегодня все больше утверждается как индустриальный центр мира. Именно здесь сосредоточились производственные мощности многих транснациональных корпораций, быстрыми темпами растет национальный сектор экономики (по величине он занимает шестое место в мире), а товары с маркой «Сделано в КНР» стабильно доминируют на прилавках магазинов многих стран. Для Казахстана активное сотрудничество с таким крупным соседом, особенно в энергетической сфере, отвечает национальным интересам. Наша страна заинтересована в поисках альтернативных маршрутов транспортировки нефти. Причем, кроме экономического характера, этот вопрос приобретает еще и политическую окраску, так как связан с обеспечением нашей независимой внешней энергетической политики.

Древняя китайская мудрость гласит: «Близкий сосед дороже дальнего родственника». Тем более такой сосед, как Китай, который в последние четверть века демонстрирует экономическое чудо. Оно стало возможным в результате упорного труда китайского народа, успешного решения многих сложных хозяйственных и социальных проблем. Понять эту страну с 5-тысячелетней историей, сделать ее ближе и понятнее для казахстанцев, безусловно, важно.

ГЛАВА II. КИТАЙ ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ ИЗ КАЗАХСТАНА

НАБЛЮДАЯ ЗА КИТАЕМ

СЫРОЕЖКИН
Константин Львович

Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор. Академик Казахской Академии социальных наук. Почетный профессор Синьцзянского университета. Автор нескольких монографий и более 300 статей по вопросам политического развития и внешней политики КНР, безопасности стран Центральной Азии.

Мое знакомство с Китаем началось довольно давно. Волею Судьбы после службы в Советской Армии в 1976 году я оказался на восточном факультете одного из московских ВУЗов. В это время китайско-советские отношения оставляли желать лучшего, мягко говоря, а потому основную массу слушателей восточного факультета составляли будущие китаисты. Нашим мнением особенно не интересовались, но нам повезло с преподавателями, да и вообще с уровнем подготовки. Нас учили не только языку и истории, но и другим премудростям, связанным с Китаем. Учили, надо сказать, на совесть. А главное — наши преподаватели научили нас не только понимать, но и любить Китай и его великолепную и древнюю культуру.

В отличие от сегодняшнего дня, когда границы практически открыты, а Интернет сделал открытым любой уголок мира, в конце 1970-х о посещении Китая (как и многих других стран мира) можно было лишь мечтать. А потому мое (как и большинства китаистов моего поколения) постижение Китая проходило в основном в библиотеках. Мы не пропускали ни одной книжки, посвященной Китаю. И хотя в те времена в СССР шла идеологическая борьба с «маоизмом», тем не менее, издавалось много довольно качественной (непропагандистской) литературы по китайской истории, культуре и философии. Причем

написаны эти книги были людьми, чьи имена составляют «Золотой фонд» советской китаистики. Им повезло больше, чем моему поколению, поскольку их становление как китаистов пришлось на годы советско-китайской дружбы, а потому все они подолгу отработали в Китае и знали предмет, что называется, «изнутри». А потому у них было, чему поучиться.

Позднее была аспирантура Института Дальнего Востока АН СССР, соответственно — более глубинное погружение в историю, философию и культуру Китая. Летом 1986 года мне посчастливилось поработать переводчиком, сопровождая первую официальную китайскую делегацию, посетившую СССР после довольно продолжительного периода «идеологической борьбы». Это была делегация Федерации китайских женщин во главе с тогдашним ее председателем. Общение с членами делегации и сравнение особенностей их поведения с бюрократией позднего СССР (а принимали делегацию на довольно высоком уровне) еще больше укрепило мои симпатии к Китаю.

Потом были Институт уйгуроведения АН КазССР, Институт востоковедения АН КазССР, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. Во всех этих структурах мне, так или иначе, приходилось заниматься изучением Китая. И чем глубже я вникал в его проблемы, тем большей симпатией проникался к стране, китайскому народу и некоторым политическим руководителям.

В 1988 году состоялась моя первая поездка в Китай. Опять в качестве переводчика казахстанской делегации. Посетили мы Урумчи и Санджи-Хуэйский автономный округ СУАР КНР. Впечатления незабываемые, но главное — полезные с точки зрения сравнения и оценки пройденного Китая за эти годы пути.

В те годы Урумчи представлял собой небольшой город, чем-то напоминающий Алма-Ату начала 1970-х годов, административный же центр Санджт-Хуэйского автономного округа — Чанцzie (Санджи) — вообще относился к категории поселков городского типа. Казахскую делегацию (по принятым в те годы правилам) поселили в *чжаодайсо* — резиденции местного руководства. Развитие инфраструктуры туризма тогда только начиналось, а потому гостиницы только строились, а до Турфана, который находится всего в 180 км от Урумчи, мы добирались 3 часа. Сейчас этот маршрут вы преодолеете за час с небольшим, а *чжаодайсо* — только для особых гостей.

В 1989-1990 годах я год провел в Пекинском университете в качестве стажера. Для меня это было время истинного открытия Китая. По-

сколько учебным процессом иностранных стажеров не особо утомляли, большую часть времени мы посвящали путешествиям по Пекину и Китаю. Благо, что на посещение музеев и парков, а также на проезд поездом для студентов была 50-процентная скидка.

Зимой 1989 года университет организовал для иностранных стажеров поездку в провинцию Гуандун — родину СЭЗ и самый динамично развивающийся регион Китая. В поездке нас сопровождали наши преподаватели. Причем не только в качестве организаторов встреч, обедов и т.д., но и в качестве переводчиков с местного диалекта на *путунхуа* (нормативный китайский язык). Понять, о чем вам хотели сказать местные крестьяне, весьма затруднительно — это совершенно другой язык. И именно здесь (как, впрочем, в Шанхае и ряде других регионов Китая) ты начинаешь понимать всю важность иероглифического письма — именно иероглифика объединяет Китай.

С середины 1990-х я регулярно бываю в Китае и могу, что называется, вживую наблюдать, как меняется сам Китай и меняется менталитет населяющих его народов. А поскольку я все-таки историк и политолог, делать сравнения и сопоставления с тем, что происходит на постсоветском пространстве.

Чем для меня интересен Китай? Практически всем. Я неплохо знаю его историю, особенно новейший период, и она учит многому. Не могу сказать, что я большой знаток китайской культуры, но не восторгаться ею просто нельзя, особенно, когда стремишься понять превратности сегодняшнего бытия. Нельзя не оценить наблюдаемый в Китае синтез традиционного и современного. Здесь как-то сумели найти золотую середину, и традиции прошлого неплохо уживаются с новейшими достижениями науки и техники. Я уже не говорю о классической китайской философии. Конфуций, Лао Цзы, Мын Цзы, Сунь Цзы учат не только мыслить, но и жить по совершенно иным законам.

В этом материале мне хотелось бы поделиться своими наблюдениями и некоторыми размышлениями по поводу развития Китая и отдельных его регионов. Я не ставлю перед собой задачи написания аналитического материала, это просто заметки о том, что оставило след в памяти и заставило по-другому взглянуть на Китай и китайцев. Ибо, как утверждает китайская мудрость, «лучше один раз увидеть, нежели сто раз услышать». Но, предваряя эти заметки, мне бы хотелось высказать свою точку зрения на сакраментальный для граждан бывшего СССР вопрос: почему Китаю удалось сделать то, что никак не удается на постсоветском пространстве?

Уроки китайских реформ

Сегодня в мире к Китаю отношение неоднозначное. Некоторые аналитики предсказывают, что он будет одним из мировых лидеров в грядущем тысячелетии. Другие, напротив, убеждают, что его ожидает неизбежный экономический хаос и политический крах. Строить прогнозы в наше нестабильное время — дело неблагодарное. Лучше оперировать фактами. А факты говорят о том, что проводимая в КНР политика реформ дала конкретные результаты: Китай продемонстрировал всему миру возможность осуществления рыночных преобразований без радикального слома существующей политической системы и «шоковой терапии».

Конечно, как и в любом обществе, в Китае имеют место проблемы, и достаточно серьезные, но китайское руководство видит эти проблемы, а главное — пытается их решать. И уже только это требует изучения китайского опыта и «китайской модели», безусловно, имея в виду, что слепое копирование чужого опыта, как правило, приводит к негативному результату. Есть несколько принципиальных различий в процессе осуществления модернизации на постсоветском пространстве и в Китае.

Во-первых, для того чтобы выбрать верное направление движения, необходимо определить, где ты находишься, что ты имеешь и каких результатов ты хочешь добиться. Другими словами, двигаясь в будущее, нужно адекватно оценивать прошлое. В Китае это сделали еще в начале реформ — в 1981 году.

Тридцать лет понадобилось КНР, чтобы понять простые истины: невозможно перескакивать через исторические этапы; нельзя строить новое общество, полагаясь лишь на субъективные воззрения пусть даже гениального руководителя; для перехода от одной исторической стадии к другой необходимо созревание соответствующих социально-экономических и политических предпосылок; бесперспективным является путь той страны, которая живет не логикой законов, а волей отдельных лиц.

Приступая к модернизации, китайские реформаторы, признав допущенные ошибки и разработав учитывающий менталитет китайского социума и реальные возможности страны план реформ, ответили на главные вопросы: на каком историческом этапе развития находится китайское общество, в каком направлении оно планирует развиваться, насколько быстро могут и должны осуществляться реформы, что нужно сделать на каждом этапе реформ и какими средствами следует решать эту задачу.

Это гарантировало как от шараханий из стороны в сторону или топтания на одном месте, так и от волонтаризма, а следовательно — предоставляло китайскому руководству временной карт-бланш и обеспечивало относительную политическую стабильность.

Во-вторых, было принято принципиальное решение о поэтапном проведении реформ. Как определил это Дэн Сяопин, «переходя реку, нащупывать камни». Суть «китайской модели» достаточно проста. Коротко говоря, она сводится к попытке внедрения элементов рыночной экономики в условиях неизменной политической системы.

Однако эта простота кажущаяся. При более внимательном рассмотрении становится очевидно, что программа осуществления реформ базировалась не на абстракте «необходимости перехода к рынку в одно прекрасное утро», а, предлагая поэтапное их осуществление, учитывала реалии Китая, его традиционную культуру, формы организации труда и особенности привлечения к планируемым преобразованиям всех составляющих элементов китайского социума. Другими словами, в Китае поступили так, как поступают рачительные хозяева: не стали ломать старый дом, пока не построили новый. Китай выходил из пике государственного социализма постепенно, сверяя каждый следующий шаг в углублении реформ с практикой их осуществления и социальными ожиданиями народа.

И хотя не все получалось так, как было задумано, а некоторые из возникших в процессе модернизации проблем не имеют решения до настоящего времени, нельзя не признать факта динамичного развития Китая и повышения уровня благосостояния его населения. Не менее значимо и то, что когда реформы начинают «буксовать» или дают обратный эффект, руководство Китая пытается дать адекватный ответ на актуальные вызовы, ставящие под вопрос жизненно важные интересы страны. В умении вовремя увидеть проблему и адекватно отреагировать на нее заключается третья составляющая успеха китайской модернизации.

Ответ на вопрос, почему это получается в Китае и не получается у нас, по-видимому, нужно искать в особой роли государства в китайской модернизации и преобладании среди политического класса людей, для которых государственные интересы выше личных. Безусловно, в Китае есть свои «олигархи», коррупционеры, казнокрады и компрадоры. Однако, во-первых, они не доминируют в среде политического класса, а во-вторых, наказания за коррупционные преступления не столь символичны, как у нас, и в Китае не бояться «поджарить большую рыбу».

Кроме того, политологами давно подмечено, что успешные авторитарные режимы отличаются двумя ключевыми чертами регулярной ротацией руководителей и меритократией (системой, поощряющей карьерный рост по заслугам, а не в силу лояльности или коррупции). Именно так устроена система власти в Китае и, к сожалению, не так — на постсоветском пространстве.

Грамотность власти, четкость в постановке задач позволили китайскому государству в полной мере использовать стартовые преимущества Китая: дешевую рабочую силу при наличии огромного внешнего рынка, невысокий уровень социальных притязаний населения, привлекательные для инвесторов потенциальные масштабы внутреннего рынка. Эффективно были использованы и «внешние» преимущества: наличие огромной китайской диаспоры пойдя на сближение с нею в соответствии с принципами политики открытости, Китай получил возможность использовать в целях модернизации ее инвестиции и предпринимательский опыт; заинтересованность развитых стран в сотрудничестве с Китаем, следовательно — возможность получения технологий и инвестиций; развал СССР, обогативший Китай военной техникой и сырьем.

В-четвертых, ориентация модернизации на отечественное предприятие и повышение благосостояния народа. Смысл мероприятий, которые осуществлялись в процессе модернизации, диктовался самой жизнью: отказ от чрезмерной централизации управления со стороны государства и расширение хозяйственных прав предприятий; сочетание плановых начал с механизмом рыночного регулирования, усиление дееспособности рыночных рычагов (цены, налоги, кредиты); переход от управления главным образом через административные органы и с помощью административных мер к управлению через хозяйственные органы с помощью экономических рычагов с установлением четкой юридической ответственности должностных лиц.

Главное в этих преобразованиях заключалось в развитии многоукладности и конкуренции, предоставлении предприятиям статуса юридического лица и расширении их оперативной самостоятельности, введении системы хозяйственных договоров, повышении инициативы и ответственности производственных и хозяйственных единиц.

Успех Китая на пути рыночных преобразований связан с тем, что сначала там создавали товарную экономику, единственным «институтом» которой является национальное предприятие, способное наращивать выпуск продукции и повышать ее качество. Лишь спустя дли-

тельное время — после нахождения способов балансирования между спросом, ценами и предложением, интересами предприятия и общества — в Китае заговорили о рыночном хозяйстве.

Именно ориентация на отечественного производителя и отечественное производство, при попутном решении задач привлечения иностранных капиталов, товаров и инвесторов, заложили основу не только экономического роста, но и, что наиболее важно, привели к одобрению политики реформ большинством населения.

В Китае с самого начала осуществления преобразований поняли главное: стратегическая цель реформирования любого общества — не реформы ради самих реформ, а реформы, преследующие целью повышение уровня благосостояния населения. Причем не какой-то одной малочисленной его части, а большинства. Поняли и другое: в том случае, когда во главу угла ставится принцип «цель оправдывает средства» и не учитывается количество летящих при рубке леса щепок, за спиной реформатора остаются моря крови и слез, общество поляризуется, и возможность для социальной интеграции исчезает. Чтобы избежать такого результата, необходимо заранее договориться о границах допускаемой цены, превышение которой является абсолютным и беспрекословным требованием смены курса.

Когда в начале 2000-х годов Китай столкнулся с невозможностью решения накопившихся проблем в рамках прежней модели экономического роста, руководство «четвертого поколения» решительно пошло на смену курса, отказавшись от известной максимы Дэн Сяопина, допускающей «первоначального обогащения части людей и части районов». Сегодня, в отличие от предшествующего 20-летия, имеет место переход от показателей «одностороннего рывка в плане экономической эффективности» к «всестороннему построению общества малого благоденствия». Главные лозунги новой модели — «человек — основа всего» и «согласованное развитие экономики и общества», требующие согласованного развития экономики, политики, социальной сферы, состояния окружающей среды, а также всестороннего развития человека.

И нельзя не признать, что с 2002 года, когда и был провозглашен новый курс, сделано немало для его практической реализации. За прошедшие 10 лет облик Китая серьезно изменился. Причем это не только новый облик городов и деревень, но и колоссальные изменения, которые произошли в менталитете граждан КНР. Они стали уделять большее внимание повышению качества жизни, повысился спрос на

удовлетворение нематериальных потребностей, неуклонно растет спрос на демократию, возник интерес к демократическим принципам, правовому государству, реформированию политической системы и т.п., постоянно растут запросы общества в области образования и культуры.

Пятая составляющая успеха процесса модернизации в Китае — наличие национальной идеи, во имя реализации которой все социальные слои китайского социума готовы мириться с временными издержками реформ. К пониманию того, что нельзя допускать ситуации, в которой в обществе начинает формироваться «дефицит определенности»; нельзя, отобрав у народа веру, ничего не дать ему взамен в Китае, пришли еще до начала радикальных экономических реформ. Идея «возрождения величия Китая и китайской нации» объединила не только все населяющие Китай народы, но и соотечественников за рубежом.

В-шестых, именно наличие этой идеи позволило Китаю решить чрезвычайно важную для успешного процесса модернизации задачу — вовлечь в осуществление реформ китайскую бюрократию. Причем на условиях служения государству, а не только «себе любимому». Государственный подход руководителей КНР к модернизации проистекает из ощущения принадлежности к великой нации с тысячелетней историей и богатейшей культурой, из чувства причастности к поразительному взлету нации в последние десятилетия.

Конечно, «в семье не без урода» — мздоимства и бесчинств чиновников Китаю не занимать. Однако главное отличие китайского чиновного класса от нашего заключается в том, что, с одной стороны, уличенный в казнокрадстве чиновник там воспринимается как «белая ворона», а его наказание неотвратимо; а с другой в сознании китайского бюрократа наличествует представление о неразделенности его собственной судьбы и судьбы всей страны. Потеря перспективы для страны воспринимается ими как утрата перспективы для самих себя. Именно такое представление порождает у власть имущих чувство ответственности за будущее страны и вынуждает к реальным действиям в ответ на вызовы, угрожающие стране.

На этом, думаю, можно остановиться в оценках процесса модернизации в Китае и перейти к тому, что меня в Китае большего всего поразило. Со второй половины 1990-х я объехал много регионов КНР, и каждый из них прекрасен по своему, но есть места, которые, что называется, оставляют след в душе и заставляют по-новому взглянуть на Китай и китайцев. Мои дальнейшие заметки будут именно о них.

Путевые заметки Жемчужина китайского востока

В первое большое путешествие по Китаю меня вовлек мой друг Инь Шугуан — корреспондент «Жэньминь жибао» в Центральной Азии в 1994-1999 годах. Вернувшись в Пекин, летом 1999 года он пригласил меня в Китай. Встретились мы в Урумчи. Я не был здесь 10 лет, а потому новый облик города произвел на меня колоссальное впечатление. За 10 лет из заштатного городка Урумчи превратился в современный город.

Безусловно, свою роль в изменении облика города сыграли инвестиции из центрального бюджета КНР, тесные контакты с Шанхаем и Гуанчжоу, а также с Гонконгом, на деньги бизнесменов из которого и была построена гостиница «Хайдэ», в которой мы жили. Бросалось в глаза и то, что уже в те годы Урумчи был ориентирован на внешние контакты с государствами Центральной Азии. Об этом свидетельствовала имеющаяся и развивающаяся инфраструктура обслуживания шоп-туристов из региона.

Особенно поразил отстроенный всего за пять лет новый район — специальная технико-экономическая зона. В те годы, когда Алма-Ата могла похвастаться только гостиницей «Казахстан», высотки этого района впечатляли. Но наибольшее впечатление произвели здания техникума связи и кардиологического центра, по внешнему виду больше напоминавшие правительственные учреждения.

За 10 лет изменилась и ментальность местного населения. В нем начал ощущаться какой-то предпринимательский дух, а иностранцы перестали быть для него диковинкой.

В последующие две недели были Ланьчжоу с его знаменитой лапшой любых видов и на любой вкус, Пекин с его неповторимой красотой, обилием исторических достопримечательностей, пекинской уткой и почти забытым вкусом *юйсян жоусы* в хутунах в районе Пекинского университета. К сожалению, почти исчезнувших уже тогда. Затем был Нанкин с мемориалом Сунь Ятсена; Шанхай — с сочетанием колониальной и суперсовременной архитектуры и знаменитыми пампушками; Гуанчжоу — с колоритом ночной жизни и живностью, находящейся в клетках и бассейнах в каждом ресторанчике; и, наконец, Шэньчжэнь, о котором хотелось бы поговорить особо.

На заре китайских реформ Шэньчжэнь представлял собой крохотный рыбацкий поселок на берегу Южно-Китайского моря с населением в несколько десятков тысяч человек. Казалось, ему была уготована

судьба большинства китайских поселков — нищенское существование и технический уровень начала века.

Однако ситуация резко изменилась в конце 1970-х годов — в Китае заговорили о необходимости преобразований. Одним из ключевых направлений в комплексе экономических реформ стало расширение внешнеэкономических связей и широкое привлечение иностранного капитала в экономику страны. Важной составной частью этой политики явилось создание в КНР на рубеже 70-80-х годов прошлого века особых экономических районов, получивших в нашей литературе название СЭЗ — специальные экономические зоны. Первым из таких районов и стал Шэньчжэнь.

Чрезвычайно выгодное географическое расположение поселка — он граничит с Гонконгом — оказало решающее значение. Поскольку первоначальной целью создания СЭЗ являлось более активное вовлечение в экономику КНР средств из-за рубежа (прежде всего капиталов соотечественников из Гонконга и Макао), лучшее место для этого подобрать было трудно.

Уже в 1999 году Шэньчжэнь представлял собой суперсовременный город, отстроенный в соответствии с последними достижениями архитектурной мысли, требованиями бизнеса и удобств проживающих в нем людей, численность которых достигала 3 млн. 796 тысяч. Конечно, в те годы город еще не превратился в Гонконг или Сингапур, но такая перспектива отчетливо просматривалась.

Чудесное превращение Шэньчжэня не составляет никакой тайны. Его первооснова — умелое использование статуса особого экономического района и преимуществ географического расположения. Те, кто посещал этот город много раз, утверждали, что, когда бы они ни приехали, приезжали они практически в новый город — настолько быстрыми и разительными были перемены.

Что сразу бросалось в глаза, особенно после Гуанчжоу, совершенно иная ментальность жителей. Полное отсутствие «южного снобизма» и пришедшее ему на смену «специфическое южное мышление», основа которого, так же как и в США начала прошлого века, заключается в простой истине: каждый — кузнец собственного счастья. Причина этого явления достаточно проста. Большинство жителей Шэньчжэня — выходцы из других мест. Для многих молодых людей поехать на работу в СЭЗ — заветная мечта. И Шэньчжэнь, как лидер экономических новаций в то время, пользовался особой популярностью.

Несомненно, молодых людей привлекала высокая зарплата, которая в 4-5 раз превышала среднюю по стране. Но еще больше подкупала возможность соприкоснуться с настоящим бизнесом, реализовать свои способности, а в перспективе — открыть собственное дело. Поэтому напряженный, быстрый ритм жизни в Шэньчжэне даже внешне отличался от весьма неспешной жизни людей на «материке».

Не ощущался здесь и языковой дискомфорт. Хотя говорить на гуандунском наречии в Шэньчжэне считалось особым шиком — ведь это язык Гонконга, вас никто не обвинял в его незнании. Более того, поскольку Шэньчжэнь — город переселенцев (причем главным образом молодых), то языком общения являлся *путунхуа*.

И последнее — предприимчивость, которая читалась на лицах всех жителей этого города. В отличие от большинства центров туризма Китая Шэньчжэнь не мог похвастать наличием исторических достопримечательностей. Однако это не означает, что он не интересен для туристов. Шэньчжэнь сам по себе — город уникальный. Здесь есть все, и если вы хотите увидеть все исторические достопримечательности Китая, вам нужно посетить Шэньчжэнь. В рукотворном парке «Китайского великолепия» присутствуют все достопримечательности, причем именно в том порядке, как они расположены на территории Китая. Тех, кто интересуется этнографией, рядом ждет парк «Национальных меньшинств Китая». Гурманов ожидает специальный ресторан, где представлены образцы кулинарного искусства любого региона КНР. В Китае существует поговорка: «Если вы хотите покушать — поезжайте в Гуанчжоу». Это смело можно сказать о Шэньчжэне. Причем, в отличие от Гуанчжоу, в этом городе вы найдете любую традиционную китайскую кухню.

Как и всякий город южного Китая, Шэньчжэнь особенно красив ночью. Именно это время суток дает возможность насладиться всеми прелестями юга. Жара спадает. Улицы наполняются рестораничками и торговцами, причем они вырастают прямо у вас на глазах, как грибы после дождя. Призывы зазывал не дают вам покоя. Улицы бурлят, все магазины работают. Огней и рекламы столько, что рябит в глазах. В большом разнообразии представлен здесь и новый (для Китая конца 1990-х) вид сервиса — ночные клубы и сауны. Можно посетить и их — все на высшем уровне.

С грустью вы покидаете этот замечательный уголок на юге Китая, в глубине души лелея надежду, что когда-нибудь судьба еще раз преподнесет вам такой подарок.

Гробница императора

Если вы хотите увидеть одно из сохранившихся чудес света, поезжайте в Сиань — столицу императора Цинь Шихуанди (259-210 гг. до н.э.). Хотя этот император прожил мало, он оставил заметный след в истории Китая. Именно с его именем связано создание первой централизованной империи — империи Цинь (221-207 гг. до н.э.), строительство Великой китайской стены, создание самой мощной по тем временам армии, жестокая казнь 460 китайских мудрецов, введение единой денежной системы, летоисчисления, письменности, общей системы мер и весов и т.д.

Его жизнь, как и его смерть, окутаны массой мифов и тайн. И это неудивительно. В памяти народа Цинь Шихуан остался прежде всего как безжалостный тиран, окруживший себя полчищами шпионов и наймитов, которые рыскали по всей империи в поисках заговорщиков. На пике могущества в последние 11 лет своего правления он почти не покидал императорского дворца и страшился даже ближайшего окружения.

От страха перед народом и собственным окружением его не освободила даже смерть. По повелению императора в 20 км от Сианя строился подземный мавзолей — последнее пристанище великого императора и великого злодея.

Согласно легенде, главный зал мавзолея представлял собой миниатюрную модель империи, пересеченную сотней рек, русла которых были заполнены ртутью. Цинь Шихуан искренно верил, что сможет править своей империей и из потустороннего мира, а потому повелел окружить себя армией — тысячами глиняных истуканов в полном снаряжении, в которых при необходимости должны были переселиться души императорских солдат и полководцев.

Общая площадь пантеона составляет 56,25 кв. км, строился он 38 лет, а участвовало в строительстве 720 тыс. человек. Мавзолей был готов лишь наполовину, когда Цинь Шихуан умер. Согласно «Ши цзи» Сыма Цяня, тело покойного императора положили в бронзовый саркофаг, установленный посреди озера ртути. Согласно другим описаниям, тело Цинь Шихуана обрядили в золото и яшму, в рот ему положили крупные жемчужины, саркофаг же пустили по ртутным волнам.

Так ли это на самом деле, сказать трудно. Китайские археологи не стремятся найти и вскрыть саркофаг Цинь Шихуана, справедливо полагая, что эту тайну лучше оставить истории, иначе не миновать большой беды. Однако спектральный анализ подтвердил, что в толще по-

гребального кургана действительно находится огромное количество ртути.

Более двух тысяч лет мавзолеей первого китайского императора скрывали от посторонних глаз толщи земли. Обнаружил его случайно китайский крестьянин, копавший колодец и наткнувшийся на одного из терракотовых воинов. В 1974 году к раскопкам приступили профессиональные археологи, и то, что им открылось, поражает сегодняшних туристов своими масштабами. Внутри трех подземных залов археологи обнаружили терракотовую армию Цинь Шихуана — 8 тыс. статуй командиров, пехотинцев, лучников, всадников и некогда запряженных в боевые колесницы лошадей, часть из которых сохранились в прекрасном состоянии.

Конечно, этого не опишешь никакими словами, это нужно видеть. Сколько труда пошло только на изготовление этих статуй — каждое лицо индивидуально, а потому ни о каком шаблоне речи быть не может. Сегодня это великолепие доступно каждому, на месте уже завершенных раскопок (а они продолжаются) построен великолепный выставочный комплекс. Достаточно лишь взять на себя труд, чтобы приехать в Сиань.

Поверьте, не пожалеете. В столице первого императора Китая есть на что посмотреть. Например, некогда окружавшая город стена. Сегодня она воссоздана в первоначальном виде. Конечно, это Бадалин (реконструкция Великой китайской стены недалеко от Пекина), но впечатляет. Особенно каменной брусчаткой, на которой написаны имена людей, вложивших свои деньги в реконструкцию.

Произведут на вас впечатление и другие достопримечательности Сианя. Например, построенная в 652 году семиярусная буддистская пагода «Даянь та», высотой 64 метра. Радоновый источник с температурой воды 430С, с 644 года используемый как купальня. Исторический музей Сианя — пожалуй, лучший в Китае. И, конечно же, действующий храм «Фамэнь сы» с его 47-метровой пагодой в 13 ярусов — собранием прекрасных фресок и буддистских древностей.

Гурманов могу огорчить, специфического колорита в сианьской кухне вы не найдете, но готовят вкусно.

В горах Тибета

В июне 2007 года сбылась моя мечта. Мои китайские друзья помогли организовать недельную поездку в Тибет. Времени, конечно, было мало, и не все удалось увидеть, но увиденное осталось в памяти навсегда.

Тибет всегда мне представлялся регионом, окруженным тайнами и мистикой. Именно этим он и привлекает иностранцев, именно на этом делается акцент в популярной литературе и фильмах. Тайн и мистики я не увидел, хотя, возможно, что-то и есть. Во всяком случае, таинственные места (например, гора Кайлас) на туристических картах обозначены. Как, судя по рассказам гида, сохранилась и традиция специфического обряда погребения умерших. Самым достойным уготована *тяньму* (небесная могила) — тело покойника разрубает на части, которые разбрасывают в горах на съедение птицам. Менее достойным — *шуйму* (водная могила) — части тела покойного выбрасывают в реку. Для большинства *туму* — тело просто хоронят в земле.

Обращает на себя внимание и то, что на углах практически всех домов установлены специальные флажки, призванные отгонять злых духов. Очень много и святых мест — источников, курганов, деревьев. На одном из перевалов на высоте в 5 тыс. метров оставил свою просьбу Небу и я. Ну как не отметить! Когда еще сюда попадешь?!

Что касается реальности, безусловно, она отличается от всего, что приходилось читать. Особенно, если речь идет об исторической литературе. Перемены разительны. Если не акцентировать внимание на специфике тибетской национальной культуры и древних монастырях, которые, безусловно, впечатляют, самое сильное впечатление произвела инфраструктура. Великолепные дороги в горах и сотовая связь, которая, как это не странно, работает в любой точке.

Насколько я сумел заметить, к национальным традициям относятся бережно. Заброшенных монастырей я не видел. Те, что удалось посетить, находятся практически в идеальном состоянии. Число верующих впечатляет, и их никто не пытается притеснять. Во всяком случае, подобных инцидентов я не наблюдал. Более того, судя по моим наблюдениям (а за неделю я проехал немало), традиция жива.

В определенном смысле мне повезло. Я попал в Тибет в один из праздников. Причем попал в один из храмов. И, честно говоря, у меня сложилось впечатление, что в этот день здесь собралось все население Тибета. Во всяком случае, на поклон к Будде поднимались и стар и млад. И подниматься нужно было очень высоко. Следовательно — вера есть.

В этом убеждаешься и при посещении храмов Лхасы. Количество прихожан, отбивающих многочисленные поклоны (не формальным кивком головы, а всей длиной своего тела), как и число монахов, флегматично вззирающих на толпы туристов и паломников, впечатляют.

Причем, как это ни парадоксально, среди монахов преобладает молодежь. Особенно это заметно в храмах, в которых основной статьей дохода является не только туризм, но и перевод древних тибетских свитков, а также обучение различным древним премудростям, в том числе и тибетской медицине.

Поражает и великолепие храмов, а также их ухоженность. Объясняется это довольно просто: в Тибете главные объекты туристических маршрутов храмы, а числом посетивших их туристов определяется и уровень процветания храма. Конечно, храмов стало меньше, но и те, что остались, за неделю посетить не успеваешь. Неделя для Тибета — ничтожно мало.

О дворце Потала — резиденции Далай-ламы — можно говорить много. Пожалуй, это самое величественное здание из всех, что я видел. Дворец построен на горе и возвышается над всей Лхасой. С лицевой стороны к нему ведут три каменные лестницы, выходящие на большую площадку перед дворцом. Сам дворец, если верить описанию, состоит из 999 комнат. Главные святыни и бывшие апартаменты Далай-ламы находятся в центральной части дворца, называемой «Побран-марпо» («Красный дворец»). Ритуальный обход всего этого великолепия займет у туриста полдня. Трудно представить, сколько понадобится паломнику, чтобы пройти этот путь и отбить все полагающиеся при этом поклоны.

Для меня, как и для большинства других иностранцев, а также многочисленных туристов из других регионов Китая, дворец Потала — всего лишь этнографический музей. Огромный, но все-таки музей.

Однако самое яркое впечатление о Тибете, как я уже говорил, это дороги и связь, которая работает в любой точке. Вызывают удивление и построенные, словно под копирку, горные селения. Как-то не очень верится словам гида о том, что все это — частные строения. Думаю, без помощи со стороны государства здесь не обошлось. Все селения построены по типовому проекту и различаются лишь цветом черепичных крыш.

Второе, что бросается в глаза (особенно после посещения юга Китая), малолюдность улиц и ресторанчиков. Здесь нет того ощущения толпы, которое возникает во время прогулок по ночному Гуанчжоу или Шанхаю. Нет и привычного для любого китайского ресторана шума. Как это ни странно, но даже при наличии публики в ресторанах не так шумно.

Третье — специфика чабанских стойбищ. Юрта, безусловно, присутствует, но рядом с ней имеются уже и плоды цивилизации — мотоцикл, бильярдный стол, а кое-где и спутниковая тарелка.

Наконец, отсутствие серьезной строительной техники. Ремонт дорог, строительство и реконструкция большинства зданий ведутся главным образом вручную. Причем, судя по моим наблюдениям, строители не очень и спешат.

Честно признаюсь, тибетская кухня не произвела на меня особого впечатления. Попробовать, конечно, можно, но это — отнюдь не шедевры кулинарного искусства.

Западные ворота в Китай

Наиболее часто мне приходилось бывать в СУАР КНР. Во-первых, потому, что именно этот регион граничит с Казахстаном, а потому поездки туда не составляют большого труда и не стоят слишком дорого. А во-вторых, долгие годы мой научный интерес был связан именно с Синьцзяном, а точнее — с теми социально-экономическими, национальными, религиозными и политическими процессами, которые имели место в данном регионе Китая.

Синьцзян всегда играл особую роль в отношениях Китая с Центральноазиатским регионом. Это объясняется не только их географической близостью, но и этническим составом населения. На территории Синьцзяна представлены практически все этнические группы, проживающие в ЦА, а некоторые из них являются титульными этносами новых независимых государств. Это не только существенно облегчает двусторонние межгосударственные контакты, но и создает возможности по проникновению в государства Центральной Азии граждан КНР.

Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что государства ЦА обладают весьма значительным кадровым, научно-техническим, промышленным потенциалом, использование которого может содействовать реализации стратегии превращения Синьцзяна в одну из «опорных баз» на западе Китая.

Этой же стратегии отвечает и превращение Синьцзяна в транспортно-логистический хаб на западе Китая. Выгодное географическое расположение Синьцзяна, граничащего с Центральной Азией и государствами Среднего Востока, делает возможным прокладку сухопутных путей доставки китайских товаров в Европу и страны Ближнего и Среднего Востока.

В последнее десятилетие, в связи с началом реализации политики «большого освоения запада», СУАР КНР демонстрирует удивительные темпы экономического роста. И хотя сегодня пока преждевременно сравнивать его с приморскими районами, тот, кто посещал этот регион

в 70-е, 80-е и даже 90-е годы, не может не увидеть поражающих воображение изменений.

За последние 15 лет я побывал во многих регионах СУАР, объездив часть из них на машине, а потому могу сравнивать. Причем не только с точки зрения динамики происходящих изменений, но и с точки зрения влияния этих изменений на отдельные районы Синьцзяна. Хотя сегодня говорить о Синьцзяне как о регионе исключительно оазисов, наверное, было бы неправильно, тем не менее, чтобы понять его специфику, мало побывать в Урумчи. Необходимо увидеть Турфан, Хами, Хотан, Кульджу, Аксу, Курлю и, конечно же, Кашгар.

Сегодня, в отличие от конца XIX века, когда просторы Южного Синьцзяна осваивали российские и европейские ученые, а также наш великий соотечественник Чокан Валиханов, сделать это довольно просто. Полтора часа лета на комфортабельном «Боинге», и вы уже в Кашгаре. Правда, у этого перелета есть один существенный недостаток: оазисную специфику Синьцзяна приходится наблюдать с высоты 8 тыс. метров. Это, безусловно, безопаснее и впечатляет меньше, но для человека, изучающего историю и культуру народов Западного Китая, вполне достаточно.

С высоты полета даже лучше видно, что собой представляет Южный Синьцзян в природно-климатическом отношении и почему развивающуюся в пределах его территории оседлую культуру называют «оазисной». Через иллюминатор прекрасно видно, как в простирающейся, на сколько хватает взгляда, пустыне неожиданно возникают реки и озера, вокруг которых и формируются города и поселки. Так здесь происходило в древности, так здесь и сейчас, несмотря на все достижения современной цивилизации.

И в этом одна из главных особенностей этого региона. Оазисное расселение наложило свой отпечаток не только на географию Синьцзяна, но и на проживающие в его пределах этнические группы, и прежде всего уйгурский этнос. Несмотря на попытки некоторых ученых представить регион и уйгуров как нечто цельное, это не совсем справедливо. В географическом плане Синьцзян четко разделен на четыре обособленных района, для каждого из которых характерна не только своя специфическая культура, сложившаяся как результат длительного влияния соседней зарубежной культуры, но и особая «оазисная идентичность», отражающая специфику реагирования проживающего в пределах того или иного оазиса народа на вызовы политического, социального, экономического и природно-климатического свойства.

И совершенно не случайно, что до середины прошлого века этноним «уйгур» просто отсутствовал, местные жители идентифицировали себя с регионом проживания — «кашгарлык», «хотанлык», «турфанлык», «коммулык» и т.д.

Эта специфика региона при более детальном знакомстве с особенностями отдельных районов ощущается в Синьцзяне повсеместно, и именно она объясняет как различия внутри уйгурского этноса, так и специфику межэтнических взаимоотношений в различных районах Синьцзяна. Ирония исторической судьбы Синьцзяна состоит в том, что контакты через границы были более частыми и имели куда большее значение для развития «оазисной культуры», чем контакты между оазисами внутри региона.

Кашгария, например, испытала сильное влияние исламской цивилизации, простирающейся к западу от ее границ, и сегодня она в большей степени ориентирована на Ферганскую долину, Афганистан и Пакистан. Джунгария, которая временами оказывалась под властью монгольских и тюркских кочевых племен, ориентирована на Семиречье. Южная часть Таримской впадины от Яркента и Хотана до Керии несет на себе сильный отпечаток индийской культуры. Восточная область Синьцзяна, включая Турфан и Хами, а также Урумчи, развивалась под влиянием буддистской культуры и тесно связана с Китаем.

Процессы модернизации, безусловно, наложили свой отпечаток на эту специфику, но и они не изменили ее. Особенно отчетливо это отражается в попытках сформировать общеуйгурскую национальную идентичность. Парадокс ситуации заключается в том, что, конкурируя между собой, уйгурские интеллектуалы выдвигают на передний план исторические события и личностей, так или иначе связанных с их родными оазисами. И в этом, наверное, главная трагедия уйгурского этноса.

Не помогает в этом смысле и объединяющая роль религии. Ислам в Синьцзяне достаточно специфичен и, как и все остальное, несет на себе «оазисную специфику». Еще Чокан Валиханов обращал на это внимание, подчеркивая, что в Восточном Туркестане «мусульманизм должен был подчиняться местным обычаям страны и ослабить свои фанатические оковы». Достаточно вспомнить распространенный в Кашгарии обычай «временных жен» для иностранцев, противоречащий всем канонам ислама.

Не менее существенно и то обстоятельство, что местными мусульманскими святынями являются могилы местных правителей, ученых и

писателей. Любопытно и то, что в Кашгарии, где почти 100% мусульманского населения являются верующими, а значительная их часть считает себя приверженцами «чистого ислама», на мусульманских кладбищах над могилами возвышаются характерные для суфизма надгробия, по которым, кстати говоря, можно довольно точно определить имущественное положение и социальный статус покойника.

Путешественник, который перед посещением Кашгара наверняка много читал о «Большой игре» и хотел бы увидеть Кашгар того периода, будет разочарован. От старого Кашгара, к сожалению, остался лишь один квартал, да и тот модернизирован под современного туриста. Старого города практически нет. Это, конечно, грустно, но такова плата за неизбежный процесс урбанизации.

Отчасти это компенсируется множеством исламских святынь. Например, мечеть «Этигар» в центре Кашгара, которой почти 600 лет. Это самая большая мечеть в Китае, вмещающая 4 тыс. человек. Мазар Апак Ходжа, построенный в 1640 году и представляющий собой самый крупный комплекс суфийской культуры. Недалеко от Кашгара находится могила Махмуда Кашгари — одного из наиболее известных уйгурских просветителей. В общем, для любителей древностей есть, где отвести душу.

Особым любителям старины рекомендую посетить Турфан и Дуньхуан. От Урумчи всего 1,5-2 часа на машине по прекрасному автобану, и вы из зноя пустыни попадаете в Турфанский оазис. Дождей здесь практически не бывает, зато еще с древних времен развито искусственное орошение с использованием колодцев и системы подземных каналов — кяризов. Если верить туристическим буклетам, 75% полей Турфана орошаются этой системой и в настоящее время.

В 46 км от Турфана находятся глиняные развалины основанного в I в. до н.э. города Гаочан. До наших дней они сохранились по той же причине — отсутствие дождей. Заплатив за вход, можете побродить по этим развалинам.

Однако главная достопримечательность Турфана — пещеры тысячи будд, расположенные в 48 км к востоку от города. Они относятся к 5-6 векам, а большинство настенных рисунков выполнено при династии Тан (618-907 годы). К сожалению, большинство из фресок — не в лучшем состоянии, но и по оставшимся можно представить себе внешний облик обитателей здешних мест того периода. В буддистских монастырях внутреннего Китая вы увидите приблизительно аналогичные лица.

Особенно далеко во внутренний Китай можно и не заезжать. Достаточно лишь пересечь восточную границу СУАР и оказаться в городе Дуньхуан провинции Ганьсу. Здесь можно в свое удовольствие походить по комплексу из четырех тысяч буддистских пещер «Могао», построенному в одно время с буддистскими пещерами Турфана, но сохранившемуся в лучшем состоянии благодаря неоднократной реконструкции в более поздние периоды, а заодно посетить храм «Биньли сы», которому более 1600 лет, и храм спящего будды «Дафо сы». Для любителей экстрима рекомендую спуститься на поддоне с одного из песчаных барханов, коих в изобилии буквально за воротами города.

Поскольку мы добирались от Урумчи до Дуньхуана на машине, лично меня больше поразило развитие инфраструктуры в современном Синьцзяне. На мой, как мне показалось, вполне закономерный вопрос, нельзя ли было построить сразу четырехполосную дорогу, водитель указал вправо и с гордостью заметил, что через пару лет там пройдет точно такая же дорога, а проблем с пропуском встречного потока вообще не будет. Скорее всего, так оно и произошло. Во всяком случае, мне довелось наблюдать аналогичное решение проблемы. Из Корлы мы возвращались в Урумчи по прекрасному автобану, который в горах разделен на две односторонние дороги с двухполосным движением. Согласитесь, удобно и безопасно.

Но больше всего я был поражен горной дорогой на озеро Барколь. Даже наша дорога на Чимбулак ей существенно уступает. Как по качеству дорожного полотна, так и по обустройству дороги. Зеркала на дороге я видел только в Крыму, и то во времена СССР.

С путешествием Хоргос — Кульджа — Корла — Куча Синьхэ — Корла — Урумчи у меня связаны и другие наблюдения. В 2010 году, когда мне посчастливилось проехать на машине по этому маршруту, освоение южных регионов Синьцзяна только начиналось. Во всяком случае, дорожная инфраструктура Севера и Юга отличалась разительно. За исключением автобана Корла — Урумчи. Впечатлило только проходящее практически через безлюдную пустыню 700-километровое Таримское шоссе и саксаульные рощи. Кстати говоря, охраняемые государством.

Поразила и бедность региона (конечно, в сравнении с Урумчи и Кульджой). Корла расцвела главным образом за счет нефтедобычи, а все остальные городки и поселки пока только ждут своего часа. Преобладают архаика, запустение и отсутствие работы. А отсюда — злоба и показное неуважение со стороны местного населения ко всем «чужакам».

Статистика не обманывает — преимущественно дунгано-ханьский север и сегодня является главным производителем совокупного общественного продукта, основным промышленным и научно-технологическим центром СУАР КНР.

Более того, говоря об экономических успехах СУАР, нельзя не сказать и о том, что, несмотря на значительное увеличение поступлений из местного бюджета, инфраструктурное строительство в СУАР преимущественно ведется за счет ассигнований из центрального бюджета. Это заметно как на Севере, так и на Юге. А это говорит о многом. И главное, на мой взгляд, заключается в том, что те, кто сегодня пытается пропагандировать идею независимости Синьцзяна, являются либо провокаторами, либо людьми, вынашивающими планы раскола Китая и дестабилизации обстановки в Центральной Азии. Ссылки на интересы уйгурского народа здесь не уместны. Для данной категории людей эти интересы вторичны, если их вообще намереваются учитывать. Первостепенно другое — сделать все возможное, чтобы не допустить динамичного развития Китая.

На родине Мао Цзэдуна

Завершить мой рассказ о путешествии по Китаю я хотел бы заметками о поездке в провинцию Хунань — родину председателя Мао. В этой провинции есть две примечательные вещи. Во-первых, это город Чжаошань и прилегающие к нему районы. Во-вторых, горные массивы в районе города Чжанцзяцzie, включенные в туристические маршруты иностранцев (главным образом из Японии и Южной Кореи, о чем свидетельствуют надписи на корейском и японском языках), лишь в последние годы ставшие особенно популярными — после выхода на экран фильма «Аватар».

Провинциальный центр город Чанша очень похож на все китайские города. Во всяком случае, таково первое, поверхностное впечатление. Единственное его отличие — чаще встречаемая символика Мао Цзэдуна и его памятник в одном из парков центральной части города. Впрочем, памятник небольшой, в Кашгаре он много больше.

Дальше наш путь лежал в город Чжаошань. Основная значимость этого городка заключается в том, что здесь 26 декабря 1893 года родился «великий кормчий». Дом, в котором прошло его детство; пруд, в котором он купался; могилы его родителей — все это сегодня превращено в гигантский мемориальный комплекс. Кто помнит с советских времен очередь в мавзолей В.И. Ленина, может представить себе число

желающих ознакомиться с тем, как жил молодой вождь. Правда, для этого очередь нужно увеличить в пять-шесть раз.

Еще одно место поклонения — памятник Мао Цзэдуну, открытый 21 октября 1992 года. Отлитый из красной меди Мао Цзэдун стоит на гранитном постаменте, на котором рукой Цзян Цзэминя сделана надпись «Товарищ Мао Цзэдун. 21 октября 1992 года».

Легенда гласит, что когда Цзян Цзэминь открывал памятник, на небе одновременно появились Солнце и Луна, а все высаженные вокруг памятника цветы одновременно расцвели. Так ли это было на самом деле, судить не берусь. Политическая мифология — самая сильная из мифологий, тем более, что данный факт зафиксирован на почтовых открытках, посвященных мемориальному комплексу Мао Цзэдуна.

Что могу засвидетельствовать, так это огромный поток людей к памятнику. Правда, в отличие от паломников, посещающих святые места, эта группа представлена в основном кадровыми работниками разного уровня, для которых, если верить гиду, стало в последнее время модным накануне выборов или очередной переаттестации поклониться Мао Цзэдуну. Данную процедуру наблюдал лично.

Будучи в Чжаошане, безусловно, нельзя не попробовать *хуншаоожю* местного приготовления. Это — любимое блюдо Мао Цзэдуна, и где, как не на его родине, его отведать. Честно говоря, меня не впечатлило, в одном из семейных ресторанчиков Урумчи его готовят лучше.

Из Чжаошаня наш путь лежал в Чжанцзяцzie. Дорога длинная, но не утомительная, прекрасный автобан и буйная растительность вдоль него. Главная достопримечательность города — природный парк Улинюань, который делится на четыре основные зоны: национальный лесопарк Чжанцзяцzie и геопарки Сосиюй, Тяньцзышань и Янцзяцzie.

Чтобы составить представление о горах Тяньцзышань достаточно посмотреть фильм «Аватар». Показанные в нем «висячие горы» не выдумка режиссера, в плотной полосе нижнего тумана Тяньцзышань смотрятся именно так. И именно здесь черпал вдохновение создатель фильма.

В 8 км от центра города Чжанцзяцzie расположено другое чудо природы — гора Тяньмэньшань. Ее название в точности отражает ее специфику. Гора известна благодаря своей необычной пещере «Небесные ворота» — самой высокой в мире пещере, образованной естественным путем в процессе многовековой эрозии. Если верить путеводителю, пещера образовалась в 263 году, когда внезапно большой кусок горы

просто отвалился, создав огромную полость высотой 131,5 м, шириной 57 м (в самом широком месте) и длиной 60 м.

От площадки, к которой ведет серпантин, до «Небесных ворот» поднимаешься по широкой лестнице из 999 ступеней число мистическое для Китая и отражающее сакральность момента. Не всякий турист решится совершить этот подъем. Впечатляет и серпантин, по которому вы добираетесь до площадки. Опять мистика — 99 поворотов на протяжении 11 км, расстояние между которыми — от 200 до 1300 м. Водители — безусловно, ассы, но от этого ощущение страха не пропадает — ездят они так, что ожидание скорого падения в пропасть вас не покидает весь путь.

Из центра города на вершину горы ведет самая длинная в мире канатная дорога (7455 м), пролеты в которой достигают 500 м. В некоторых местах дорога резко поднимается вверх под углом 70°, внезапно врезаясь прямо в облака. Впечатления незабываемые, но ощущение близкой опасности не покидает.

Вокруг горы и по самой горе для удобства туристов проложены специальные дорожки. Дорожка вокруг горы (а это порядка 5 км, шириной всего 1,5-2 метра) нависает над пропастью, дан которой из-за тумана не видно. И хотя ты понимаешь, что построившие ее специалисты рассчитали все нагрузки, когда по ней следует плотный поток туристов, ощущение не из приятных. Но само сооружение впечатляет!

Незабываемые впечатления вас ожидают и в другом чуде природы — «Пещере желтого Дракона». Внутри пещеры находятся две подземные реки, три бассейна, четыре водопада, 13 больших залов, 96 галерей и тысячи сталагмитов, колонн, сталактитов и других образований. В самом высоком месте пещера достигает высоты 140 м, а расстояние до вершины горы, в которой она расположена составляет всего 17 м. Полное путешествие по пещере займет около двух часов. За это время предстоит пройти 2,5 км и проплыть 800 м по реке.

Еще одно, но уже рукотворное чудо, — Лифт ста драконов, спускающий туристов с вершины одной из гор. Высота — 330 м. Опять же самый высокий лифт в мире.

Конечно, нельзя пройти мимо и национального лесопарка. Поверьте, есть на что посмотреть. А главное — окунуться в мистику местной природы и местный колорит. Особо ленивых и питающих страсть к экзотике туристов по парку могут пронести в паланкине. Стоит это не очень дорого, но мне с моим весом было жаль щупленьких носильщиков.

На этом я заканчиваю свои записки о путешествии по Китаю. Но окончательную точку не ставлю. Китай многолик, и в каждом из его регионов не только своя кухня и свой неповторимый колорит, но и свои чудеса. А потому, надеюсь, что путешествие продолжится, а вместе с ним продолжится и мое постижение Китая.

КИТАЙ — НАШ СОСЕД

ЛАУМУЛИН
Мурат Турарович

Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук. Автор многих монографий и статей по проблемам истории Казахстана и Центральной Азии, международных отношений и внешней политики Казахстана.

Впервые я посетил КНР в 2004 году. Уже тогда нас поразили те преобразования, которые пережил Китай, и те достижения, которых достиг китайский народ. За прошедшие годы страна пережила еще более сильный подъем. В последние годы Китай у всех на устах. Это государство не только выдержало удары мирового кризиса, но и стало спасительным якорем для многих национальных экономик и в целом для всего мирового хозяйства и глобальной финансовой системы.

Китай — близкий сосед Центральной Азии. Естественно, что весь регион испытывает влияние этой огромной страны, и особенно Казахстан. Это касается не только экономики, но и безопасности, стратегической политики, сферы социальных отношений и культуры. Нарастают человеческие контакты. Китай действительно превратился в стратегического партнера для Казахстана. Мы сотрудничаем в ШОС и СВМДА, осуществляем крупные транспортные и коммуникационные проекты.

Сегодня невозможно рассматривать стабильность и безопасность Центральной Азии, как и всей Евразии, без КНР. Позитивным фактором является тот факт, что Китай тесно сотрудничает с Россией — ближайшим партнером РК. В то же время Пекин поддерживает хорошие отношения с Западом и странами исламского мира, что важно для Казахстана. Поэтому нас не может не волновать внешняя политика, международное положение и растущее геополитическое влияние КНР. В этой статье делается попытка рассмотреть международное значение Китая с точки зрения интересов Казахстана.

Китай в современном мире

Возрождение и подъем Китая в течение последних 60 лет — явление в истории человечества уникальное. Ни одна страна не проделывала такой путь за столь короткий срок. Индикаторы социального и гуманитарного развития, такие как состояние здоровья нации, уровень грамотности, продолжительность жизни, равноправие женщин, положение науки и культуры выглядят не менее впечатляющими. Что касается международных отношений, то Китай превратился в крупного игрока на мировой арене.

Как отмечал Цзя Цинго (член ВК НПКСК, заместитель директора Института международных отношений Пекинского университета), отношения с США можно без преувеличения назвать важнейшими для Китая. Связано это с местом и положением, которое занимают американцы на международной арене, а также с темпами экономического и политического развития, демонстрируемыми Поднебесной. Сейчас Китай активно интегрируется в мировую экономику, реформирует свою систему в соответствии с ее стандартами, поэтому крайне заинтересован в сохранении глобальной стабильности, как и США. В таких условиях обе стороны видят необходимость в поддержании открытой, свободной международной торгово-экономической архитектуры.

Этот ученый считает, что в складывающейся на сегодняшний день международной обстановке главной целью Китая является сохранение мира и развития. При этом основным можно назвать именно первый аспект. Приятно то, что многие государства в этом смысле солидарны с КНР. В контексте этих глобальных задач дипломатия Поднебесной стремится в первую очередь к созданию благоприятной международной обстановки, а именно — построению безопасной и стабильной общепланетарной системы. Пекин прикладывает огромные усилия для налаживания хороших, дружеских связей с большинством стран мира. Параллельно с этим растут его силы, расширяются возможности, повышается интерес к нему со стороны всего мирового сообщества. И все это, по идее, должно привести в итоге к формированию позитивной глобальной среды.

Китай очень выгодно расположен на карте мира. Благодаря этому он имеет возможность широко распространять свое влияние на суше и на море: от Центральной Азии до Южно-Китайского моря, от российского Дальнего Востока до Индийского океана. Но мы заметили характерную деталь: Пекин не практикует миссионерский подход к внешней

политике, не стремится утвердить в других странах собственную идеологию или систему правления. Китай построил выгодные для себя сырьевые отношения и с соседними, и с удаленными странами — со всеми, кто обладает ресурсами, в которых он нуждается для подпитывания роста. Во внешней политике Китай не может не исходить из основополагающего национального интереса — экономического выживания, и поэтому мы вправе охарактеризовать эту страну как сверхреалистичную, сверхпрагматичную державу. Все напрямую затрагивает Казахстан, который в растущих объемах поставляет в КНР нефть.

Внешнеэкономическую политику Пекина мы считаем активной. Присутствие Китая в Центральной Азии символизируют два крупных трубопровода, строительство которых близится к завершению: один пролегает через Казахстан и предназначен для снабжения Синьцзяна нефтью, добываемой в Каспийском море; по другому, проходящему через Казахстан и Узбекистан, в Синьцзян будет поступать природный газ из Туркмении.

Важным фактом для международной стабильности и безопасности является то, что Китай оказывает своей экономической активностью помощь слаборазвитым странам. В истерзанном войной Афганистане он ведет разработку месторождения меди, находящегося к югу от Кабула, и давно присматривается к запасам железа, золота, урана и драгоценных камней. Пекин рассчитывает проложить в Афганистане и Пакистане дороги и трубопроводы, которые свяжут Центральноазиатский регион с портовыми городами на берегу Индийского океана. Так что в стратегическом плане географическое положение Китая только улучшится, если удастся стабилизировать ситуацию в Афганистане.

Стабильное положение Китая объясняется также успехами китайских дипломатов, которые в последние годы приложили немало стараний, чтобы урегулировать многочисленные пограничные споры с республиками Центральной Азии, Россией и другими соседями. Как нам представляется, в целом стратегия Китая по утверждению своих позиций в мире одновременно представляет собой и стратегию по избавлению от уязвимости в широком смысле этого слова — экономической, промышленной, финансовой, демографической, сырьевой и т. п.

Это подтверждается на примере Центральной Азии. С учетом ранее подписанных соглашений на 40 млрд. кубометров с «Туркменгазом» и на 10 млрд. кубометров с «Казмунайгазом», весь пакет договоренностей Пекина со странами Центральной Азии достиг 60 млрд. кубо-

метров газа в год. В целом же общий объем выданных Пекином по всему миру средств, в рамках программы под неформальным названием «кредиты в обмен на ресурсы», можно оценить примерно в 150–200 млрд. долларов.

Китай начал осваивать три новых сырьевых рынка — Иран, Центральную Азию и Россию. Иран, для которого Пекин является одним из крупнейших инвесторов, с точки зрения безопасности маршрутов — наиболее проблемный партнер. Таким образом, самыми безопасными остаются направления поставки сырья из Центральной Азии и России.

Китай и международная стабильность

Важное значение для международных контактов имеет растущее информационное влияние Китая. Мы в Казахстане также чувствуем это. Изучение политики КНР в глобальном информационном пространстве представляет интерес в первую очередь с точки зрения использования им возможностей соответствующих современных технологий для усиления своей роли в международных процессах. Нас поразила информационная открытость Китая: Пекин уделяет особое внимание широкому освещению событий, способных отрицательно сказаться на имидже страны — природные и техногенные катастрофы (землетрясение в провинции Сычуань в мае 2008 года, засухи, наводнения, снежные бури, чрезвычайные ситуации на производственных объектах), а также случаи массовых беспорядков (Тибет, март 2008 г. и Урумчи, июль 2009 г.).

На Западе стало модным говорить о сдвиге глобальной силы на Восток и о превращении Китая в сверхдержаву XXI века. У Пекина — узкие стратегические горизонты, и он стремится избегать любого риска, четко осознавая свои уязвимые места. Однако успехи КНР не столь однозначны. Китай расширил экономическое присутствие в Центральной Азии и позиционировал себя как более сильная сторона в «стратегическом партнерстве» с Россией. Но волнения в Киргизии в 2010 г. показали, что Пекин пока не готов стать ведущей региональной державой или оказывать более заметное влияние на континенте. Китайские политики не руководствуются долгосрочным стратегическим видением, а сдержанно и осмотрительно реагируют на неординарные международные события, не делая громких заявлений. Это одновременно усиливает позиции Пекина и затрудняет для него проведение политического курса. Маневренность и гибкость, а не устойчивые

принципы определяют поведение Пекина на мировой арене и постсоветском пространстве.

Многие комментаторы полагают, что мир стал более непредсказуемым и нестабильным. Трения между великими державами, рост мусульманского экстремизма, устаревшие международные организации, усугубляющаяся угроза распространения ядерного оружия, частые региональные конфликты создают анархию и неопределенность, и в таких условиях Китаю приходится проводить свой внешнеполитический курс. Пекину еще только предстоит выработать целостное представление о месте КНР в системе международных отношений. Элита и широкая общественность гордятся впечатляющими преобразованиями, происходящими в стране.

Потребность Китая в российских энергоносителях высока, однако важность добрососедских отношений с государством, общая граница с которым составляет 4 тыс. км, не подлежит обсуждению. Вот почему функциональное, широкомасштабное сотрудничество с Россией является ключевым компонентом китайской внешней политики. Центральная Азия попадает в совершенно другую категорию. Это объединение развивающихся стран также занимает важное геополитическое пространство. Во взаимодействии с этими государствами Пекин сочетает политику добрососедства (акцент на безопасные границы и трансграничное сотрудничество).

Понятие пространства приобретает особую важность с учетом недавних событий в Центральной Азии. Процветание мусульманского экстремизма, наличие Америки в качестве одного из ключевых игроков в регионе и «афганская трясина» усугубили и без того напряженную обстановку. Китай особенно болезненно реагирует на нестабильность в соседних странах, и именно по этой причине он так упорно и успешно трудился над демаркацией границ и уже сумел урегулировать спорные вопросы со всеми соседями, кроме Индии. Концепция «трех зол» современного мира — терроризма, сепаратизма и экстремизма, разработанная Пекином, отражает искреннюю озабоченность китайских лидеров подрывным влиянием этих явлений в мусульманской провинции Синьцзян.

Озабоченность проблемами безопасности границ усиливается тревожными геополитическими тенденциями. Существенное военное присутствие Соединенных Штатов обострило давнишнюю боязнь китайских лидеров оказаться в стратегическом окружении. Добавьте к этому растущую активность Индии, сохраняющееся экономическое

влияние Японии и недавнее улучшение отношений между Вашингтоном и Москвой. Стоит ли удивляться тому, что Пекин сегодня считает геополитическую ситуацию в Центральной Азии более сложной, чем раньше. Неопределенность с политической преемственностью в ключевых странах региона, таких как Казахстан и Узбекистан, может обострить соперничество между великими державами. Вот почему так важно, как считают в Казахстане, стабильное сотрудничество между Китаем и Россией.

Цели Пекина в отношении России и постсоветского пространства определяются его взглядами на мир и на свое место в нем. Укрепление внутривнутриполитической стабильности — самый важный приоритет региональной политики Китая. Коротко его можно выразить как «борьба против трех зол». Интересы КНР и Казахстана во многом совпадают. Укрепление безопасности в регионе также рассматривается в Пекине через призму внутривнутриполитических задач. Ее важность проистекает, во-первых, из понимания того, что если удастся «перекрыть кислород» радикальному исламу и сепаратистским движениям, это укрепит внутреннюю стабильность Китая. Однако китайцы шире смотрят на региональную безопасность — как на возможность нейтрализации всех внешних угроз. Подобное мышление позволило облегчить окончательное утверждение бывшей советско-китайской границы, простирающейся от Центральной Азии до российского Дальнего Востока. Приверженность Китая идее безопасного тыла мотивируется очевидными соображениями государственной безопасности, а также прагматическим доводом, что это позволит Китаю сосредоточиться на экономической модернизации.

Складывается впечатление, что больше всего непонимания возникает именно в отношении внешнеполитической цели Пекина. Китайцев мало волнует традиционное проецирование силы, свойственное великим державам, или абстрактные понятия, такие как «новый Шелковый путь» через Евразию. Их цель — упростить доставку материальных благ, будь то облегчение доступа к энергетическим ресурсам, более надежная обстановка в регионе или открытие новых рынков для экспорта китайских промышленных товаров. В отличие от России, с ее глобальными устремлениями и преимущественно региональными возможностями, КНР сохраняет региональный менталитет, несмотря на все более глобальное влияние. Налицо значительное расхождение между тем, что мог бы сделать Китай, и тем, что он хочет делать. Хотя энергетические соглашения, заключенные с Туркменистаном и Казах-

станом, способны со временем принести стратегические дивиденды, Пекин придерживается строго делового подхода к переговорам.

Мы в Казахстане с пониманием относимся к стратегии КНР. Как нам представляется, стратегические интересы Китая в Центральной Азии имеют в основном профилактический характер. Пекин хочет положить конец воинственному исламу, но не приемлет доминирования Америки, а также возвращения России в качестве ведущей державы в этом регионе. Китай мечтает о ровном игровом поле и о том, чтобы великие державы отказались от гегемонистских амбиций, а вместо этого стремились к достижению компромисса, который устроит всех. Пекин не заинтересован в распространении так называемой китайской модели развития во всем мире. Однако не желает допустить и распространения западных ценностей в соседних государствах. Китайцы понимают, что их сравнительное преимущество заключается в более мягких формах силы, таких как торговля, инвестиции и помощь.

Построение гармоничного мира — это задача, которая прочно ассоциируется с председателем КНР Ху Цзиньтао. Однако впервые данный принцип был сформулирован в 1978 г. Дэн Сяопином с его знаменитым лозунгом «реформа и открытость», а затем подхвачен Цзян Цзэминем, который в 2002 г. провозгласил двадцатилетие «стратегических возможностей». Логика очевидна: для проведения модернизации Китаю нужна стабильная и благоприятная обстановка в мире. Это улучшит доступ к жизненно важным природным ресурсам, технологиям и мировым рынкам, уменьшит внешнее противодействие усилению КНР и отобьет у недругов желание использовать ее слабости. В «гармоничном мире» и великие державы и небольшие государства увидят преимущества от сотрудничества с Поднебесной.

Китай и Россия

Стабильные отношения с Москвой — неотъемлемая часть подобно-го подхода. Хотя у китайцев имеется достаточно поводов для критики в адрес России, они понимают, что значительное улучшение отношений с северным соседом в последние два десятилетия приносило существенные военно-политические выгоды. В то же время Пекин не желает, чтобы китайско-российское примирение испортило гораздо более важные отношения с США. Гармоничный мир означает, что у Китая должно быть как можно меньше врагов, и Америка ни в коем случае не должна оказаться в их числе.

Пекин хочет, чтобы его голос был лучше слышен на мировой арене и, соответственно, призывает к созданию «многополярного мира», новой финансовой архитектуры и требует более заметного представительства в МВФ и Всемирном банке. Он также разрабатывает совместный план действий с Москвой по некоторым вопросам, где их позиции совпадают. Это — прежде всего противодействие жестким санкциям против Ирана и реформе Совета Безопасности ООН, а также совместный отпор Западу, критикующему Китай и Россию за нарушение прав человека. Пекин избегает чрезмерного сближения с великими державами. Участие Китая в миротворческих усилиях ООН, операциях против пиратов и дискуссиях «Большой двадцатки» совместимо с таким подходом, равно как и китайская дипломатия в отношении развивающихся стран, особенно в Африке. В контексте постсоветского пространства подобная тактика КНР проявляется в таких организациях, как ШОС, где Пекин представляет свои интересы и приоритеты как совместимые с благом всего региона.

Китай многого достиг в налаживании отношений с Россией и проникновении на постсоветское пространство. Он не допустил значительного распространения мусульманского экстремизма на западе страны, добился широкой поддержки китайского суверенитета над Синьцзяном, Тибетом и Тайванем. Китайские энергетические компании утвердились на рынках Центральной Азии. Но хотя влияние Китая в Центральной Азии резко усилилось, оно ограничивается отдельными факторами, включая конкурирующие амбиции других великих держав — не только Соединенных Штатов и России, но также Индии и Японии.

Интересы КНР в развитии инфраструктуры на своих западных рубежах не ограничиваются региональным уровнем. Современная транспортная инфраструктура на постсоветском пространстве является обязательным условием возрождения сухопутного транспортного коридора между Китаем и его крупнейшим торговым партнером — Европейским союзом, объем торговли с которым в 2010 г. составил 479 млрд. долл. Этим продиктован интерес КНР и к прибалтийским государствам, которые должны стать плацдармом для расширения китайского присутствия и влияния в ЕС.

Признавая ведущую роль РФ на постсоветском пространстве, Китай выделил и других региональных лидеров — Казахстан и Украину. Мало кто сомневается, что особая роль в том, как будет развиваться ситуация на постсоветском пространстве, принадлежит Центральной

Азии. Общие задачи России и Китая в ШОС — не допустить в ЦА появления зоны нестабильности, а также закрепления внерегиональных игроков. Эти задачи были частично решены. Китай, в отличие от США, предложил модель не военно-политического, а экономического взаимодействия, чем не мог не вызвать симпатий государств региона.

Заместитель генерального директора Департамента международных отношений газеты «Жэньминь Жибао» Инь Шугуан указывает, что к числу стран, которым Китай отводит первостепенную роль, относятся Россия, Казахстан и Украина. В новой региональной стратегии КНР рассматривает Россию как *осевое государство*, а Казахстан и Украину в качестве *важных опорных стран*. Таким образом, в формуле «одна ось — две опоры» закладывается идея достижения равновесия сил на западном стратегическом направлении Китая, которое позволит ему сконцентрировать внимание на вызовах в южном и восточном направлениях, главными из которых Пекин считает кризис вокруг Тайваньского пролива и споры о Южно-Китайском море. Что же касается постсоветского пространства, то для Китая, на мой взгляд, на первом месте по значимости стоит Центральноазиатский регион во главе с Казахстаном; на втором — европейский фланг, где лидирует Украина; на третьем — республики Закавказья; и, наконец, на четвертом — страны Балтии.

Приоритет, который КНР отдает странам Центральной Азии в своей внешней политике на пространстве бывшего СССР, закономерен. Он обусловлен как территориальной близостью региона к Китаю, так и более тесными историческими связями китайцев с населяющими его народами, наличием общих региональных проблем, которые и стали причиной создания ШОС. Это единственный регион постсоветского пространства, где у Китая (наряду с Россией) есть основания претендовать на особые интересы. Он привлекателен для него и с точки зрения апробации различных стратегических схем внешней политики, поскольку система региональных отношений находится здесь еще в стадии становления, и Китай имеет возможность активно влиять на этот процесс, конкурируя не только с Россией, но и с США, также активно утверждающими свое присутствие в регионе.

Казахстанско-китайские отношения

Отчетливый поворот Астаны в сторону Китая произошел в середине первого десятилетия XXI в. под влиянием ряда факторов: «цветных»

революций 2003–2005 гг., пересмотра Казахстаном нефтегазовых контрактов с западными корпорациями. Когда возникла необходимость в расширении рынков сбыта энергоносителей, в Астане сочли, что ставка только на Москву может привести к росту зависимости от России и сужит возможности для «многовекторной» политики.

Все чаще и насыщеннее становятся межгосударственные и межведомственные контакты двух стран, что повышает доверие к Китаю со стороны казахстанской элиты. За последние 7 лет президент Н.Назарбаев и председатель ЦК КПК Ху Цзиньтао провели более 20 встреч. Казахстан подписал в 2002 г. Протокол о демаркации линии общей границы, в 2006 г. — Соглашение о режиме границы, сняв с повестки дня острую пограничную проблему. Для реализации совместных проектов в 2004 г. был создан Межведомственный комитет по сотрудничеству, включающий профильные подкомитеты (по безопасности, энергетике, геологии, железнодорожному транспорту, торговле, финансам), а также Совместную комиссию по использованию и охране трансграничных рек.

Для Пекина Казахстан важен как ворота в Центральную Азию, где должны пройти основные транспортные и энергетические коридоры, связывающие КНР с этим регионом. Но не менее важен он и как источник природных ресурсов (нефти, природного газа, металлов), необходимых для развития китайской экономики. Одновременно Китай рассматривает Казахстан как важный рынок сбыта своих товаров и канал их транзита в Россию и Европу.

В последние годы Китай приобрел в Казахстане ряд важных нефтедобывающих активов. Доля китайских компаний в казахстанской нефтедобыче к 2010 г. достигла 22,5% (доля самого Казахстана составила 28%, США — 24%, России — 9%, других стран — 17%). В декабре 2010 г. закончено строительство нефтепровода «Казахстан — Китай» от побережья Каспийского моря до казахстанско-китайской границы. Общая протяженность маршрута составила более 2,7 тыс. км, а пропускная способность — 10 млн. т нефти в год. С этим показателем по итогам 2010 г. трубопровод в Китай уверенно закрепился на 3-м месте среди основных каналов экспорта казахстанской нефти.

В нефтедобыче китайский капитал представлен Национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC), Sinopec Engineering, CITIC Group и другими структурами. Пекину удалось создать для себя в отрасли сильные позиции. Он сумел сформировать альянс с казахстанской Национальной компанией «КазМунайГаз» (КМГ), отвечающей за ре-

лизацию интересов Астаны в нефтегазовой сфере. По итогам 2010 г. китайские компании являлись партнерами в пяти из одиннадцати нефтедобывающих предприятий с участием КМГ, а их доля в общем объеме его добычи составила 15,4%.

Но главным фактором, обеспечившим китайскому бизнесу преимущество в конкурентной борьбе с западными и российскими игроками за нефтегазовые ресурсы республики, стала кредитная линия, открытая Пекином в разгар мирового финансово-экономического кризиса и в условиях падения мировых цен на энергоносители, когда Казахстан испытывал острую потребность в ликвидности.

Китай пока еще не приблизился к совокупным показателям западных компаний в Казахстане. Китайские вложения растут высокими темпами. Они носят межгосударственный характер, им в меньшей степени свойственна «офшорная» составляющая. Китайские инвесторы пришли в Казахстан во время кризиса мировой экономики, когда компании других стран сворачивали свои программы, и сразу вписались в устремления казахстанского руководства. Наконец, они ориентированы на работу в первую очередь с госкорпорациями, а не с частными ТНК.

С другой стороны, КНР проявляет значительный интерес к добыче металлов. Пекин стал новым игроком и на казахстанском рынке ядерных материалов. Как известно, Казахстан занимает 2-е место в мире по разведанным запасам урана (21% общемировых), а в 2009 г. вышел на 1-е место в мире по объемам его добычи (28%). Второй задачей развития отрасли, которую ставит перед собой Казахстан, является диверсификация поставок. По планам руководства «Казатомпрома», благодаря интенсивному развитию атомной энергетики, КНР станет крупнейшим потребителем казахстанского урана, а позднее, по мере освоения Казахстаном ядерного топливного цикла, также и продукции с более высокой степенью переработки. Пока же стороны договорились об экспорте в Китай в течение нескольких лет 25 тыс. т урана и начале поставок с 2011 г. урановых таблеток.

По итогам 2010 г. Китай превратился в основного импортера минерального сырья из Казахстана. Всего же экспорт нашей страны в Китай за первую половину 2011 г. составил около 8 млрд. долл., а импорт из Китая — 2,4 млрд. По объему товарооборота с Казахстаном за этот год (10,5 млрд. долл.) КНР закрепилась на 2-м месте после России (15 млрд.). Казахстану наконец удалось достичь положительного сальдо в торговле с Китаем. Строительство новых трубопроводов закрепило за Астаной статус важного источника сырья для экономики КНР.

Казахстан в последнее время стал все более активно лоббировать проекты, связанные с нефтепереработкой, химическим производством и энергогенерацией. Он инициировал подписание серии документов о сотрудничестве с Китаем в несырьевых отраслях экономики, о создании в Пекине постоянного представительства своего Национального агентства по экспорту и инвестициям, которое должно продвигать казахстанские несырьевые товары на рынки Юго-Восточной Азии.

Китай и страны Центральной Азии

Мы в Казахстане с большим интересом наблюдаем за политикой Китая в Центральной Азии и развитием отношений с нашими соседями. Начнем с Кыргызстана. Отношения независимой Киргизии с Китаем на первых порах ограничивались в основном торговлей. Значительное увеличение экспорта китайских товаров в республику произошло в начале нынешнего века, после того как обе страны стали членами ВТО.

Очевидно, что китайская сторона относится к Киргизии как к своеобразным воротам для проникновения китайских товаров на рынки Центральной Азии и, отчасти, России. Этому способствует откровенная слабость киргизских государственных структур, не способных бороться с контрабандой. В результате большая часть ввозимой в Киргизию китайской продукции реэкспортируется в страны СНГ. В последнее время Китай проявляет интерес и к недрам Киргизии, особенно к запасам золота.

Китайская сторона стремится работать также в сфере инфраструктурных проектов. Кроме восстановления автодороги Ош – Сары – Таш – Иркештам китайцы реализуют аналогичный проект Бишкек – Нарын – Торугарт. Интересуются китайцы и энергетическими ресурсами Киргизии. В частности, проект «Улучшение электроснабжения юга Кыргызстана» существует в рамках ШОС на кредитные средства правительства КНР.

В целом, деятельность китайской стороны в Киргизии осуществляется довольно успешно для обоих государств. Однако имеются и определенные сложности, связанные прежде всего с политической и экономической нестабильностью ситуации в КР. По-своему в Киргизии преломляется и уйгурская проблема. Нельзя также забывать о периодически возникающих акциях протеста и нападения на представителей китайских золотодобывающих компаний.

Как и с большинством других республик Центральной Азии, активизация отношений Китая с Узбекистаном произошла в середине первого десятилетия нынешнего века. В 2004–2005 гг. состоялись визиты в эту страну главы КНР Ху Цзиньтао и президента Узбекистана И.Каримова в Китай, после которых был подписан целый пакет соглашений, касающихся не только экономической, но и политической, культурной сфер, в том числе базовый Межгосударственный договор о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества.

К 2011 г. число действующих в Узбекистане предприятий с участием китайского капитала выросло до 347. В 2010 г. Китай с долей 9,5% занимал 2-е после России место среди торговых партнеров Ташкента. В настоящее время Узбекистан экспортирует в Китай в основном хлопковое волокно, которого КНР закупает больше, чем остальные страны, а также продукты неорганической химии, услуги, минеральное сырье, нефть и продукты ее переработки. Республика импортирует из Китая механическое и электрическое оборудование, транспортные средства, черные металлы и изделия из них, пластмассы, фармацевтическую продукцию. Таким образом, это центральноазиатское государство реализует типично сырьевую модель двусторонней торговли.

Китай является одним из лидеров по прямым инвестициям в экономику Узбекистана (по данным китайской стороны, они составляют 4 млрд. долл. с учетом косвенных инвестиций). Следует отметить реализацию таких проектов, как Кунградский содовый завод, Дехканабадский завод калийных удобрений, индустриальный парк «Пэншэн» в Сырдарьинской области, химическое производство в городе Ангрене; модернизацию китайскими предприятиями Ахангаранской ТЭС, ТЭС Андижан-2, Талимарджанской ТЭС, электрификацию железной дороги Тукумачи – Ахангаран.

Китайская инвестиционная политика в Узбекистане в целом следует тому же курсу, что и в других странах Центральной Азии. Под различные проекты со своим участием китайская сторона выделяет долгосрочные льготные кредиты, причем таким образом кредитуются не только крупные проекты, но и малый бизнес.

Несмотря на активность Китая в Узбекистане и тот интерес, с которым узбекское руководство воспринимает сегодня предложения китайской стороны, Ташкент, судя по всему, будет и далее негласно ограничивать массивное проникновение китайского капитала и трудовых ресурсов в республику. Кроме того, узбекская сторона явно негативно относится к тому, что к финансированию ряда инфраструктурных проектов в регионе

(в частности, в Таджикистане и Киргизии, а также на сопредельных с Узбекистаном территориях) привлекаются китайские кредиты.

До 2009 г. КНР не проявляла особого интереса к импорту природного газа – основного предмета туркменского экспорта, поскольку покрывала свои потребности за счет собственной добычи. Визит президента С.Ниязова в Пекин в апреле 2006 г. обозначил интерес Ашхабада к сближению с КНР. Тогда был подписан ряд договоров, в том числе Генеральное соглашение о сотрудничестве китайской CNPC с Министерством нефтегазовой промышленности Туркмении, которые позволили китайским компаниям расширить доступ к нефтегазовым месторождениям в этой стране. Тогда же была достигнута договоренность о строительстве газопровода и поставках природного газа из Туркмении в Китай.

Одновременно с увеличением объемов торговли растут масштабы проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в нефтегазовой и ряде других отраслей экономики Туркмении. При этом Китай использует уже отработанный в других странах Центральной Азии финансовый механизм, который заключается в предоставлении льготных кредитов на те или иные экономические проекты. Таким образом, КНР выступает по отношению к стране-партнеру в роли кредитора, покупателя и поставщика одновременно.

Основной предмет китайских экономических интересов в Туркмении — нефтегазовая отрасль, в первую очередь добыча и транспортировка природного газа. Важнейший из всех действующих туркменско-китайских проектов — газопровод Туркмения-Узбекистан-Казахстан-Китай, протяженностью около 2 тыс. км (до китайской границы). Строительство газопровода началось после заключения генерального соглашения. Оно велось с 2007 по 2009 гг. и стоило примерно 7 млрд. долл. Эти средства были выделены правительством Китая.

Есть сообщения о сотрудничестве Туркмении с Китаем по восстановлению шелководства. За последние 10 лет ей было выделено 125 млн. юаней (около 15 млн. долл.), из которых 70 млн. — в виде беспроцентных кредитов и 55 млн. — в виде безвозмездных грантов. С помощью этих средств были реконструированы и оснащены китайским оборудованием Марьинский гренажный завод, Туркменабатское шелковое ПО и Ашхабадская шелкомотальная фабрика. В Китае закупается оборудование, препараты, яйца шелкопряда (грена), а в КНР экспортируются коконы.

В целом в краткосрочной и среднесрочной перспективе «китайская экспансия» может оказать положительное влияние на туркменскую

экономику, позволяя поддерживать экономический рост и реформировать отдельные ее секторы.

Во второй половине первого десятилетия нынешнего века роль Китая в экономике и политике Таджикистана резко возросла. К этому времени по ряду причин были свернуты российские инвестиционные проекты в гидроэнергетике и алюминиевом производстве страны, обострились ее отношения с Узбекистаном, возникли трудности с получением помощи от западных финансовых структур, что в совокупности подтолкнуло республику к сближению с КНР.

В экономическом плане усилия Пекина направлены на получение доступа к природным ресурсам Таджикистана, прежде всего к месторождениям драгоценных и редкоземельных металлов, а также на расширение рынка сбыта товаров для Синьцзян-Уйгурского автономного района. Со своей стороны правительство Таджикистана видит в КНР источник финансовых вливаний и ожидает от него помощи в преодолении транспортно-коммуникационной изоляции.

Основным инструментом проникновения Китая в таджикскую экономику стало широкомасштабное льготное кредитование. Китайские банки и корпорации стараются избегать прямых инвестиций и отдают предпочтение разнообразным кредитным схемам. Пекин открыл для финансирования проектов в Таджикистане кредитную линию в Экспортно-импортном банке КНР. Средства выделяются для расчетов с китайскими подрядными организациями, которые работают в республике, используя собственную технику и рабочую силу, а также предоставляются для оплаты поставок товаров из КНР.

В горнодобывающей промышленности к крупнейшим проектам можно отнести добычу свинца и цинка Таджикско-китайской горно-промышленной компанией, разрабатывающей минеральное месторождение Алтын-Топкан у города Кайраккум в Согдийской области Таджикистана, а также добычу золота китайской Zijin Mining Group, которая в 2007 г. выкупила бывший Таджикский золоторудный комбинат (ТЗРК) близ Пенджикента. Как и в других республиках Центральной Азии, при заключении контрактов с Таджикистаном китайский бизнес активно внедряет схему «инвестиции в обмен на природные ресурсы».

Примером китайского транспортного строительства в Таджикистане служит кредитуемый Пекином автомобильный коридор Душанбе — Куляб — Калай-Хумб — Хорог — Мургаб — Кульма — Кашгар, который должен связать основные таджикские города с северо-западным Китаем. Создавая дорожную сеть, тоннели и терминалы, Китай

формирует каналы для поставки собственной продукции в Центральную Азию и расширяет свои рынки сбыта. Наряду с энергетикой, инфраструктурой и горнодобычей Китай сегодня проявляет интерес и к телекоммуникационному рынку Таджикистана.

Итак, Китай — не просто наш сосед. Как следует из вышеприведенного материала, он уже зримо и ощутимо присутствует во всех постсоветских государствах. Особенно велико его влияние на Центральную Азию. Прежде всего обращает на себя внимание стремление китайского руководства придерживаться четкой и последовательной стратегии «освоения» своего дальнего и особенно ближнего зарубежья. Детали, реальное наполнение и адаптация концепции «нового регионализма» к местным условиям отрабатываются в зависимости от тех или иных обстоятельств. Но то, что Китай неуклонно действует в рамках единых подходов и направлений, следуя этой стратегии, сомнений не вызывает.

Поведение китайских компаний, государственных деятелей, бизнесменов, представителей культуры и неправительственных организаций убеждает в том, что внешняя политика КНР не просто является продолжением политики внутренней, но и в буквальном смысле поставлена ей на службу. Повышение благосостояния граждан страны, межнациональный мир, порядок и глобальная конкурентоспособность — вот те цели, ради достижения которых великая восточная держава готова заплатить самую высокую цену.

В стратегии присутствия Китая в странах СНГ и Балтии обращают на себя внимание следующие несколько моментов. Во-первых, это целенаправленная работа китайской стороны по созданию режима наибольшего политического благоприятствования в отношениях с партнерами.

Триумфальное шествие китайской модели глобального присутствия во многом контрастирует с американской или западноевропейской моделями. Прежде всего, Китай никого не принуждает соблюдать цивилизационно-блоковые стандарты. Китайские отношения с зарубежными партнерами не отягощены долгосрочными и всеобъемлющими программами реформ. Китайские чиновники, в отличие от вашингтонских и брюссельских, не вмешиваются во внутренние дела и не морализируют по поводу необходимости соблюдения прав человека, свободы слова и других демократических свобод.

Следует признать, что Китай действительно способствовал экономическому развитию некоторых стран СНГ, построив там промышлен-

ные предприятия. А это значит, что 20 лет вынужденного «отсутствия присутствия» России на постсоветском пространстве Пекин использовал с большой для себя выгодой, в результате чего там возникла совершенно иная, менее благоприятная для России конкурентная среда.

Озвученный В.Путиным план создания Евразийского экономического союза продемонстрировал намерение России вернуться в регион и активизировать процессы реинтеграции. Если у Москвы будет достаточно политической воли осуществить этот проект на практике, то очень скоро станет ясно, чего в действительности стоят заверения Китая о признании за Россией особых интересов на постсоветском пространстве. И тогда можно будет сравнивать истинные намерения КНР и Запада в отношении постсоветского пространства и будущего Евразийского экономического союза. А пока Китай остается нашим соседом, причем все более важным. В Казахстане это уже давно поняли.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

БАЙНАЗАРОВА
Эльнара Ерболатовна

С 2008 г. работает в Институте мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК: Директор Центра по изучению Китая (2009-2010), Руководитель Отдела Евро-Азиатских исследований (2010-2012), Руководитель Центра международных исследований (с января 2012 г.). Награждена медалью «10 лет Шанхайской организации сотрудничества» (2011)

*«История свидетельствует, что Китай, подобно Великой китайской стене, непоколебим и устойчив»
Цянь Цичэнь, экс-министр иностранных дел КНР*

Обсуждение актуальных вопросов казахстанско-китайского взаимодействия и сотрудничества, как и следовало ожидать, переходит в выяснение более глубоких и широких оснований партнерства. В частности, международное сообщество беспокоит позиция Китая в вопросах его долговременного развития, источников и сил внутреннего развития, социальной политики на долгосрочную перспективу, преемственности власти, ее легитимной смены и т.д. Наибольшее внимание привлекают вопросы внешнего позиционирования Китая на мировой арене в связи с теми надеждами и опасениями, которые возлагают на него многие страны мира. В этой связи дипломатия, как отражение внутренней политики государства, всегда являлась предметом пристального внимания ученых.

В классических учебниках по дипломатическому протоколу красной нитью проходил тезис о загадочности и сложности китайской дипломатии, ее тонкой природе и подчас неуловимой для зарубежных партнеров логике. Из учебников по особенностям дипломатической

службы зарубежных стран отчетливо всплывают в памяти подобные характеристики: «Китайцы отстаивают свои позиции очень жестко и делают уступки только тогда, когда переговоры, казалось, зашли в тупик. Они умело используют ошибки, допущенные партнерами».

Более того, выдающийся казахстанский дипломат Касым-Жомарт Токаев в своих мемуарах высоко оценивает профессионализм китайских дипломатов. В частности, в своей книге «Свет и тень» Токаев так отзываясь о министре иностранных дел КНР Цянь Цичэне: «...какой бы оборот ни принимали переговоры, он сохранял удивительную невозмутимость и самообладание. Вывести его из себя было невозможно. Китайский представитель произносил отработанные до мельчайших деталей речи, подслащивая их дипломатическими любезностями. Цянь Цичэнь всегда был подтянут, собран, сфокусирован на ключевых вопросах дискуссии».

Следует отметить, что китайская дипломатия является одной из сильнейших в мире в плане подготовки профессиональных дипломатических кадров, а также позиционирования своей страны за рубежом. В ходе политики «открытости» китайская дипломатия сделала большой рывок в своем развитии, представив несколько концепций внешней политики КНР: «мирное возвышение», «гармоничный мир» и т.д.

Российский дипломат В.Попов отмечает в своих трудах, что китайская дипломатия во второй половине XX века претерпела кардинальные изменения: из отсталой страны Китай превратился в ядерную державу с миллиардным населением, с бурно развивающейся промышленностью.*

С момента обретения Казахстаном независимости наше сотрудничество с Китаем преодолело путь от «детского» любопытства до стратегического партнерства.

КНР подписала договоры со всеми странами о стратегическом партнерстве или соглашения об установлении добрососедских и дружественных отношений. Так, в 1996 и 1997 годах Китай поочередно подписал Соглашения об укреплении доверия в военной области и сокращении вооруженных сил в районе границ с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Вторая половина 90-х гг. и начало 2000-х ознаменовались новым этапом китайской дипломатии в регионе, который нашел свое отражение в интенсификации экономического сотрудничества и усиления таких многосторонних структур, как ШОС.

* Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. — М: Международные отношения, 2004. — С. 277

Казахстанские дипломаты признательны руководству КНР за содействие в организации Первого саммита СВМДА в 2002 году. В итоге саммит был проведен на высшем политическом уровне. В форуме приняли участие Цзянь Цзэминь, В.Путин, П.Мушарафф, президенты государств Центральной Азии, Монголии, Афганистана, высокопоставленные представители других стран. Был принят пакет документов, таких как Декларация о противодействии международному терроризму и Каталог мер доверия СВМДА. Интересны воспоминания К.Токаева о том, каких усилий ему стоило обеспечение участия высокопоставленных лиц в данном саммите.

В декабре того же года Астаной и Пекином был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Данный документ является краеугольным камнем стратегических отношений партнерства между нашими государствами в свете того, что из всех стран Центральной Азии подобный документ подписан лишь с Казахстаном. В рамках мероприятий по проведению юбилейного саммита ШОС в Астане 13 июня 2011 г. была также подписана Совместная декларация КНР и РК о развитии всестороннего стратегического партнерства, в которой подробно разработана стратегия развития отношений на среднесрочную перспективу и обозначены перспективные направления сотрудничества.

Как отмечает экс-посол КНР в РК Чжоу Сяопэй, дипломатия Китая, руководствуясь идеологической линией постоянного раскрепощения сознания, реалистического подхода к делу и совершенствования первопродства и новаторства, исходя из коренных интересов китайского народа и народов всего мира, твердо придерживается мирной внешней политики на основе самостоятельности и независимости.*

Официально внешняя политика Пекина зиждется на основе пяти принципов (взаимоуважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование) и выражает стремление к совместному гармоничному развитию и процветанию.

На сегодняшний день Пекин инициирует различные форматы и площадки диалога с ЕС, странами АТР, Африки и евразийского пространства. Данные достижения вкупе с экономическими показателями диктуют свою логику на формат позиционирования китайских дипломатов. Если судить по активности дипломатического корпуса в Казах-

* Чжоу Сяопэй. Особенности и специфика китайской дипломатии в новых условиях//Дипломатический курьер, 05.09.2005// <http://kz.china-embassy.org/rus/dszc/emba/t210333.htm>

стане, Посольство и Генеральное консульство КНР являются одними из самых мобильных и активных представительств в РК, регулярно организуя содержательные встречи с представителями местной политической, бизнес, культурной элиты. По моим впечатлениям, организация работы представительств КНР и языковая подготовка кадров проходит на очень высоком уровне, чего нельзя сказать о некоторых представительствах Казахстана за рубежом. В свое время советский посол в Пекине О.Трояновский так охарактеризовал китайских руководителей, с которыми вел переговоры: «На основе личного опыта я считаю, что китайское руководство по профессионализму на уровне, а в ряде случаев и выше уровня руководителей любой другой страны».

Если же попытаться вывести некоторые общие свойства, то дипломатия КНР характеризуется следующими чертами:

1. Уделяется большое внимание неофициальным каналам, взаимодействию с «мозговыми центрами». Как известно, окончательные решения принимаются руководителями государства. Вместе с тем отличительной особенностью китайского руководства является внимание к мнению дипломатов, ученых. Обычно в переговорах принимают участие большое количество экспертов по каждой отдельной отрасли.

2. Очень важно правильное соблюдение тонкостей церемониала.

3. Присуща сложная система принятия внешнеполитических решений: МИД КНР зачастую является лишь исполнителем многих инициатив и решений.

4. Идет процесс универсализации и многомерности дипломатической службы КНР, что означает высокий уровень подготовки кадров, частая ротация по принципу «вращающейся двери» между МИД и «мозговыми центрами».

В дипломатии большую роль играют отдельные личности, благодаря профессиональным навыкам которых складывается общее представление о государстве, его потенциале и перспективах. В этом плане китайская дипломатия является предметом восхищения, но одновременно вызывает настороженность со стороны соседних государств, что порождается непониманием общефилософских принципов мышления китайцев. По специфике своей работы мне довелось присутствовать на различных мероприятиях высокого уровня в рамках двусторонних и многосторонних встреч, и всегда было интересно наблюдать за лексикой, подачей своей позиции китайских дипломатов и экспертов.

Одним из таких, не побоюсь этого слова, великих дипломатов является Ли Фенлинь — экс-посол КНР в России, член внешнеполити-

ческой консультативной группы при МИД КНР, ветеран китайской дипломатической школы. Он великолепно владеет русским языком, всегда в курсе всех политических процессов в мире и всегда имеет свой, интересный подход и свой взгляд по каждой отдельной проблеме. При этом г-н Ли имеет талант преподносить свои тезисы в полусуфлиговой форме афоризмов и игры слов.

В частности, примечателен случай, рассказанный г-ном Ли Фенлинем в ходе заседания казахстанско-китайского экспертного совета. Дипломат привел в пример высказывание А.Арбатова о том, что «ЦА является буферной зоной, задворками России», на что г-н Ли ответил: «Даже в этом случае за двором нужно ухаживать, цветочки иногда поливать». Китайская сторона тем самым выражает мнение, что России не нужно навязывать свою волю, а иметь равноправный диалог с учетом интересов всех сторон, что было высоко оценено нашей делегацией.

В целом одной из примечательных характеристик китайской дипломатии, по мнению казахстанских коллег, является очень скрупулезная проработка малейших деталей решения и возможных последствий, что зачастую заставляет быть очень осторожными в выражениях и рекомендациях, даже на экспертном уровне. В рамках Форума ШОС этот принцип внешне выражается в часто употребляемом китайской делегацией словосочетании «надо подумать», над чем частенько подшучивают партнеры по ШОС. Тем не менее, это не останавливает китайских коллег в рамках ШОС в отстаивании своей позиции по вопросам развития Организации. Однако примечательно то, что именно с Китаем Казахстан находит множество точек соприкосновения и взаимопонимание по стратегии развития ШОС, СВМДА, актуальности тех или иных многосторонних проектов.

В связи с этим ШОС в качестве основы многостороннего сотрудничества Казахстана и Китая может служить платформой для реализации ряда проектов и вовлечения проблем двусторонних отношений в орбиту Организации, так как они имеют основу общих вызовов безопасности государств-членов ШОС. В частности:

1. Перспективным направлением является сотрудничество по развитию транспортного коридора «Западная Европа — Западный Китай». Более того, к примеру, Индия и Корея заинтересованы получить доступ к коридору «Западная Европа — Западный Китай», что в свою очередь дало бы импульс развитию системы безопасности в Северо-Восточной и Южной Азии.

2. Разработка Плана действий по борьбе с нелегальной миграцией. В рамках плана действий стала бы возможной выработка норм и процедур отслеживания процесса миграции в схеме «донор-транзит-реципиент», для создания эффективной системы взаимодействия. ШОС может взять на себя иные функции и обязательства. Организация могла бы стать площадкой, где страны Центральной Азии могли решать проблемы китайской миграции непосредственно со страной-донором. То есть именно в ШОС возможно полноценное многостороннее сотрудничество в регулировании китайской миграции, так как в эту организацию входят все стороны, участвующие в миграционном процессе. По этим причинам регулирование китайской миграции в рамках ШОС будет осуществляться не за счет упрощения ее процесса в рамках Организации, а посредством ее строгой регламентации, а также развитием прямого сотрудничества со страной-донором.

3. Использовать фактор создания Энергетического клуба ШОС, а также итоги «Сианьской инициативы», в которой Китай, Кыргызстан, Россия и Таджикистан призывают к созданию подобного клуба.

4. Усиление действий по обеспечению информационной безопасности. Традиционная политика КНР по фильтрации интернет пространства, а также недавнее обозначение вектора борьбы с киберугрозами в рамках ОДКБ позволяют выработать многосторонний план действий ШОС по данному вопросу.

5. Разрешение конфликтов в рамках создания Сопровождающего Совещания по урегулированию территориальных и региональных конфликтов в зоне ответственности ШОС.

Как уже отмечалось выше, для китайской дипломатии характерно продвижение принципов «народной дипломатии» (Public diplomacy). Данный приоритет находит свое отражение в деятельности двусторонних экспертных площадок между Казахстаном и Китаем, а также в рамках форума ШОС, который, по замыслу Чжан Дэгуана, должен стать «поистине народным проектом».

Все эти факты позволяют судить об универсальности дипломатических устремлений Китая, которые не являются проявлением амбициозных экспансионистских планов. Мир для китайского народа, население которого насчитывает почти 1,3 млрд. человек, действительно может быть только один, как только одной может быть и мечта — соответствовать порядку Универсума, Дао. Неправильное понимание этой формулы другими нациями, склонными преувеличивать «экспансионистские черные планы» Китая, скупающего чуть ли не оптом все

бренды, компании и сырье по всему миру, проистекает из непонимания сущности внутреннего развития страны, преувеличения значения и роли китайского народа и государства в определении содержания современной мировой системы.*

Закрытость информации о заключенных контрактах между ведомствами двух стран порождает массу слухов и недомолвок, что отрицательно сказывается на восприятии отношений РК — КНР гражданами двух стран. По данному вопросу эксперты Китая приводят в пример ситуацию в Юго-Восточной Азии, где, по их словам, обязательно найдутся люди, рассматривающие Китай как источник всего негативного.

Антикитайские настроения в Казахстане в этой связи — скорее всего, недоработка правительства и отдельных ведомств, которые не показывают значения развития казахстанско-китайского сотрудничества с объективной стороны, сея тем самым ростки недоверия казахстанцев к политике соседа.

Действительно, вопрос о том, существует ли на самом деле «пекинский консенсус» или же это выдуманный дискурс западной политической мысли — по сути, не так уж и важен, если уметь понимать философию китайской дипломатии. Принципы азиатского универсализма, который продвигает Китай и к которому движется Казахстан, являются системообразующим фундаментом развития «Большой Евразии». На текущем этапе развития внешнеполитической деятельности Казахстана идет поиск новых концептов внешней политики, нового прочтения приоритетов. В этом контексте опыт и пример Китая, как проводника идей азиатского регионализма, может быть основой для движения Казахстана в сторону АТР и насыщения внешней политики подлинным смыслом.

Дипломатия Китая имеет постепенный и эволюционный характер, дает возможность сформироваться взаимному доверию и чувству общности. Вместо четких и обязывающих правовых норм отдается предпочтение общим принципам и правилам поведения, которые можно назвать «мягкое право». Негласный этический кодекс китайской дипломатии как заявка на подлинно универсальное видение перспектив развития Евразии и всего мира (концепция «гармоничного мира»).

В рамках согласованности действий в многосторонних структурах Казахстан на посту председателя в ШОС, синергируя различные подходы, выполнил обозначенные задачи по консолидации потенциала Организации, продвижению экономического сотрудничества, обе-

* Тулешов В.У. Азиатский путь: история 21 века. — Алматы: Алматыкитап, 2010. — С. 121.

спечению безопасности и социальной уверенности граждан стран-участниц ШОС. Эстафета передана Китаю, и успешное применение идеи евразийства в налаживании диалога станет стержнем создания системы всеобъемлющей безопасности. Представляется важным, что в совокупности все эти шаги позволят ШОС стать обновленной равноправной диалоговой площадкой, объединяющей евразийское пространство и сохраняющей свой неповторимый «шанхайский дух», действенным механизмом имплементации инструментов в области обеспечения глобальной безопасности.

Более того, концепция «гармоничного мира» имеет большой потенциал дальнейшего развития, предоставляя Китаю шанс стать «Срединным государством». Принципы конфуцианства в политических концептах являются залогом уверенности в собственных силах способности предложить миру альтернативную гуманистическую философию. Поэтому будущая система двусторонних и многосторонних взаимоотношений с КНР должна будет измениться и стать гармоничной, взаимосвязанной, воистину интегральной и глобальной, как один организм.

В связи с этим основной целью модернизации и оптимизации казахстанско-китайских отношений должно стать повышение практической отдачи во всех курируемых сферах для создания институтов, подобных продуктам азиатского регионализма, характеризующихся повышенной мобильностью, открытостью и универсализмом. При таком подходе станет возможным сетевое взаимодействие и управление развитием, в том числе и ШОС, повысится эффективность деятельности и произойдет конкретизация ее исторической миссии.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

АЛДАБЕРГЕНОВА
Далида Нурлановна

С сентября 2010 г. докторант факультета государственного управления Пекинского Университета по специальности «Региональная экономика». В 2008-2010 гг. обучалась в магистратуре в Университете Циньхуа (г.Пекин), магистр по специальности «Общественное управление».

Китай — страна больших возможностей

Для многих из нас Китай — это древняя и немного загадочная страна, окутанная романтическими мифами и легендами. Моя первая встреча с Китаем состоялась еще в детстве со сказок о создании восточного календаря животных, об императорском соловье и о морских драконах. Из школьных уроков мы узнавали о великих изобретениях Китая — компасе, порохе и бумаге, которые изменили ход развития всего человечества. Конечно же, все без исключения слышали о Великой Китайской Стене, которая строилась двадцать веков и протянулась на 8000 километров по высоким горным хребтам. Всегда и везде можно услышать возбужденные разговоры о новых китайских рекордах, о китайском экономическом чуде, об огромных достижениях в строительстве, о невероятных акробатах, об экзотической еде, о таинственной науке Фэн-шуй и о других удивительных и порой шокирующих чудесах Поднебесной. Казалось бы, о Китае люди слышат постоянно, и, конечно, многие хотели бы познакомиться с этой страной поближе, но, оказавшись в Китае, понимают, что очень мало знают эту загадочную страну и ее замечательных жителей.

Китай — родина древнейшей цивилизации мира — сформировался за несколько тысяч лет до нашей эры. Последовательность развития китайской культуры, его народных и государственных традиций — от-

личительная черта истории Китая. Знакомство с Китаем для каждого происходит очень индивидуально. Для своих гостей Китай открывается постепенно, и каждый новый день, проведенный в Поднебесной, не перестает удивлять новыми открытиями. Даже через много лет, проведенных в этом загадочном месте, несомненно, найдется что-то новое и удивительное. Со временем приходит понимание, что Китай — это действительно страна безграничных возможностей, где сказка может стать явью, и любая мечта может реализоваться в невообразимых проектах.

Пять тысяч лет Китайской цивилизации и всего сорок лет Китайской Народной Республике, рожденной революцией. 1949 год открыл нам новую свободную страну. Сегодня Китай — это стремительно развивающаяся страна, соединившая в себе старое и новое, древность и современность. Здесь время неумолимо бежит вперед к модернизации, но при этом бережно чтятся и охраняются традиции древности. В огромных городах, словно на машине времени, перемещаешься из современных районов с роскошными деловыми центрами и отелями в древние районы с трехтысячелетними пагодами и дворцами. В любом жилом районе самого современного города невозможно не заметить людей, занимающихся дыхательной гимнастикой Тайцзицюан, или танцующих с веерами, мечами и красными лентами. Городские дороги пестрят самыми современными автомобилями и велосипедистами, которые могут одновременно рулить, держать зонтик от солнца и писать смс.

Нередко в магазинах самой современной техники можно увидеть статуэтку Будды с разложенными благовониями и фруктами вокруг. Ну а китайский праздник весны — это особое знаменательное событие, которое притягивает поток китайцев со всего мира к единству с семьей за новогодним ужином в родных местах. Ничто не в силах остановить китайца, который собрался вернуться в родное село с многочисленными подарками для родных и близких в канун праздника весны. Автобусные станции, вокзалы и аэропорты во всех городах в эти дни переполнены воодушевленными рабочими, которые, возможно, целый год провели в разлуке с детьми и родителями. Тех, кто все же не смог купить последний билет в родную провинцию, можно встретить на груженных подарками мопедах и электро-велосипедах на скоростных автотрассах, их не остановит ни суровая зимняя погода, ни огромное расстояние, иногда превышающее тысячу километров. В этот традиционный праздник все члены семьи без исключения должны собраться за

новогодним ужином и после двенадцати часов ночи взрывать всевозможные петарды, хлопушки и фейерверки, для того чтобы с первых же минут нового года отогнать злых духов и привлечь к себе удачу. В эти дни во всем Китае замирает вся деловая жизнь, а бесконечные звуки хлопушек и огни фейерверков одинаково сотрясают и освещают города, деревни и села.

Немало удивляют своей неповторимостью и сами жители Поднебесной, которые отличаются тем, что могут успешно совмещать современную жизнь в любой точке мира и строгую преданность традициям. Необычайно важную роль в общении с китайцами играет сложный, но вполне объяснимый традиционный этикет. К примеру, многих казахстанцев удивляет двусмысленная форма общения намеками, утвердительный ответ на большинство вопросов и, конечно же, громкость разговора, которая часто воспринимается очень неоднозначно. Согласно культуре общения китайцев считается недопустимым оскорбить в той или иной степени достоинство собеседника, которое называется «миэнцзы», а в переводе означает лицо.

Как-то раз мою подругу из Казахстана вызвали в школу на родительское собрание, учителя большую часть времени расхваливали ее сына за огромные успехи в учебе и замечательные лидерские качества, а в конце незначительно добавили, что если бы у него чуточку улучшилось поведение, то ему не было бы равных во всей школе. После собрания мать была безумно рада успехам своего сына в школе, а последним словам не придала особенного значения, ошибочно посчитав, что хороших успехов в учебе вполне достаточно. Как оказалось позже, этот разговор означал не что иное, как то, что поведение ее сына в школе было просто отвратительным и неприемлемым, а долгие разговоры об успехе и лидерских качествах велись лишь для того, чтобы никоим образом не задеть ее чувство достоинства.

Другой распространенный пример тонкостей общения — это торговые переговоры, когда желание покупателя для продавца является всем, и он считает неприемлемым сказать покупателю «нет». Вообще жители Поднебесной стараются как можно реже говорить «нет» в общении с дорогими для них собеседниками, боясь обидеть и расстроить его чувства, а если и вынуждены отказать, то делают это с неподдельным глубоким огорчением. Что касается громкой речи, которая так шокирует наших соотечественников, то это всего лишь признак радости и открытых намерений. Как говорила моя подруга китайка, в древности тихо и шепотом говорили только заговорщики и те, кому есть, что скрывать и

чего стыдиться. Сила слова необычайно сильна, а тонкости этикета, выражающие глубокое уважение к собеседнику, очень важны в общении с китайцами. Освоив эти несложные тонкости, можно легко открыть для себя новый прекрасный мир крепкой и преданной дружбы с замечательными и добродушными жителями Китая. Так было в древности во времена Шелкового Пути, так есть и сейчас в современном 21 веке.

Несмотря на преданность традициям, жители Поднебесной вовсе не сторонятся современных новшеств со всех сторон света. Они с радостью отмечают не традиционные для Китая Рождество, День Валентина, Хэллоуин и Восьмое Марта, но в то же время преданно лепят пельмени на праздник весны и едят длинную лапшу на день рождения. Популярный на Западе Макдональдс, который совсем не соответствует сбалансированным принципам питания в Китае, не только занял достойную нишу в ресторанном бизнесе, но также привел к созданию множества аналогов быстрых закусок на китайский лад. В больницах пациентам вместе с современнейшими западными лекарствами обязательно выписывают и традиционные китайские травы. В Поднебесной все новое с радостью принимается, но старое никогда не уходит в прошлое, здесь древность и современность не сменяют друг друга, а гармонично уживаются вместе.

Скорость развития и достижения Китая удивляют не только иностранцев. Однажды моя подруга китаянка, оказавшись на восьмидесятом этаже нового высотного здания, завороченно оглядываясь, сказала: «Неужели это мой Китай, тот самый, где я выросла и провела всю свою жизнь?!». Двадцать лет назад она не могла себе и вообразить того, что увидела десять лет назад, а десять лет назад ей и не снилось то, что она увидела сейчас на последнем этаже самого высокого здания в самом центре огромного города в самой быстроразвивающейся стране мира. В стране, где сбываются смелые мечты Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, где рыночная экономика успешно вжилась в условия социализма, где в борьбе с бедностью добились самых больших успехов в мире, где в одном городе расположились древнейший дворец императора и современнейший Олимпийский стадион, и в самом деле возможно все!

Важно отметить, что еще одна великая мечта воплощается в жизнь, и Китай в очередной раз удивляет мир своими большими возможностями. Это мечта о возрождении Великого Шелкового Пути, который связывал народы узлами дружбы, торговли и сотрудничества более полутысячи лет, но, к сожалению, был разрушен и ушел в историю. На этом пути общество Китая не только повлияло на соседние государ-

ства, но и переняло от них множество достижений культуры и науки, адаптировало различные народные традиции. Возрождение Великого Шелкового Пути важно не только для Китая, оно также является важным стимулом дальнейшего развития Казахстана и других стран Евразийского континента.

История Великого Шелкового Пути

Как известно, одним из наиболее ярких и значительных достижений человечества в истории мировой цивилизации являлся Великий Шелковый Путь, соединявший цивилизации Востока и Запада. Более двух тысяч лет назад старинный торговый тракт, проложенный Китаем, имел глобальное значение. Он служил в качестве моста между Китаем и странами Европы, Азии и Африки, а также был важным связующим звеном в обмене товарами и распространении достижений цивилизации между Востоком и Западом. Гигантская торговая артерия, соединявшая побережья Тихого и Атлантического океанов, тесно связывала исторические судьбы многих стран и народов, была бесперебойно действовавшим проводником не только товаров и технологий, но и идей религиозно-философских систем. Общая ее протяженность составляла почти восемь тысяч километров: пройти через этот путь от Средиземного моря до Великой Китайской стены с караваном купцов можно было за три года. Торговля велась большим ассортиментом товаров, но главным из них, как известно, был китайский шелк, который очень ценился в странах Запада. Этот товар и дал название торговому пути.

В Китае, Средней Азии и на Ближнем Востоке с древнейших времен складывались местные сети торговых путей. На Китайской равнине, в Центральной Азии, Южной Сибири тысячелетиями формировались свои традиционные пути. Великий Шелковый путь стал самим собой лишь тогда, когда между двумя уже сложившимися системами торговых взаимоотношений, территориально разделенных горами Памира и Тянь-Шаня, был перекинут соединительный мост. Это знаменательное событие в истории культуры человечества произошло во втором веке до нашей эры. Основная трасса торгового пути пролегла из Китая по Ганьсуйскому коридору, через бассейн Тарима, Памир и Тянь-Шаня в Среднюю Азию, Афганистан и Иран, а затем — до восточного побережья Средиземного моря и далее в основные торговые центры Передней Азии, Северной Африки, Европы.

Долгое время в странах Запада ничего не знали о Китае, а китайцы и не подозревали о том, что существуют такие страны, как Согд, Индия, Иран, Греция. Два культурных региона надежно разделяли высочайшие горные хребты Тянь-Шаня, Памира, Гималаев и безводные пустыни. Только во 2-м веке до н. э. их сумел преодолеть бесстрашный китайский путешественник, дипломат и разведчик Чжан Цзян, который отправился в Западный край с группой из более ста человек в поисках союзников для защиты от сюнну. Он перешел через Алтайские горы, спустился в Ферганскую долину, а оттуда попал в Согд, Северный Афганистан и Парфию. Согласно китайским историческим записям, спустя 13 лет Чжан Цзян вернулся, проложив путь, ведущий из Ханьской империи в Среднюю Азию и установив культурные и торговые связи с 36 странами Запада. Вернувшись в Китай после своего опасного и трудного путешествия, он рассказал о богатствах и чудесах, которые видел в странах Запада, и тем самым положил начало активному взаимодействию народов на всем континенте. Таким образом, в Китае принято считать, что именно по следам китайского путешественника вскоре пошли купцы с караванами товаров, и зародился один великий трансконтинентальный путь, на котором переплетались культуры и религии, зарождались новые города, соединялись торговыми узами страны Евразии.

Спустя почти тысячу лет миграций народов и культурного взаимодействия этот путь между Востоком и Западом получил свое название благодаря шелку — одному из главных товаров, который высоко ценился в западных странах и приравнивался к золоту. О возникновении искусства возделывать шелк в Китае существует красивая легенда. Согласно этой легенде, жена Императора Цинь Шихуанди — Лэй Цзу сидела под тенистой кроной тутовника, наслаждаясь отваром из трав. Неожиданно в ароматный напиток упал кокон шелкопряда. Раздосадованная императрица извлекла кокон из чаши и обнаружила, что он начал разматываться, а нить все тянулась и тянулась. В тот миг прекрасная Лэй Цзу догадалась, что из этой нити можно получить чудесное волокно для пряжи. С тех пор императрицу нарекли «Божеством Шелка». По праздникам в ее честь на алтари храмов возлагали подношения в виде коконов шелкопряда.

История же гласит, что первые коконы тутового шелкопряда и их удивительные свойства были обнаружены китайцами почти пять тысяч лет назад. При раскопках в разных районах Китая были обнаружены коконы тутового шелкопряда, относящихся к III тысячелетию до

н. э., и черепахи панцири с иероглифами, обозначающими шелк. Первое время после чудесного открытия редчайшую ткань носили только члены императорской фамилии. В дворцовых покоях император, его жена и наследник облачались в белую шелковую одежду, а во время торжественных выходов — в желтую. Но по мере расширения производства, шелк становился доступным придворным, а потом и людям простого звания. Более того, этот материал стали использовать для изготовления лески, тетивы, струн музыкальных инструментов и бумаги. В эпоху династии Хань (III век до н. э. — III век) шелк стал в Китае всеобщим эквивалентом: им платили подати крестьяне, а государство расплачивалось шелком с чиновниками. Во времена Воюющих царств (475 — 221 гг. до н. э.) шелк и шелковые изделия стали доступны широким массам населения. Технологии, связанные с шелкопрядением, вышивкой, окраской ткани, получили повсеместное распространение.

Несмотря на развитие торговли, китайцы еще в течение нескольких веков строго хранили секрет производства шелка, и любая попытка вывезти бабочек, гусениц или яйца за границу каралась смертной казнью. Попыток объяснить происхождение шелка было очень много. Знатные европейские вельможи, любясь матовым блеском чудо-ткани, никак не могли понять, из чего она сделана. Римский поэт Вергилий полагал, что шелк вычесывают из листьев, греческий историк Дионисий думал, что его получают из цветов. Также европейцы верили, что блестящие мягкие нити «произрастают» на особых деревьях или что шелк как паутину производят гигантские жуки. Другие уверяли, что шелк — это пух особых птиц. А Аммианус Марцелинус, римский историк IV века, даже заявил: «Шелковые ткани производятся из земли! В Китае земля мягкая, как шерсть, — утверждал он. — После поливки и особой культивации ее можно использовать для формирования шелковых нитей!». Секрет изготовления шелка из коконов тутового шелкопряда, который очень долго хранился в тайне, по одной версии, был открыт монахом, спрятавшим кокон в посохе. По другой версии, китайская принцесса, поддавшись уговорам мужа, вывезла драгоценный кокон в своей высокой прическе.

Несмотря на название, шелк не был единственным товаром на пути между цивилизациями, по нему передавались диковинные товары со всех уголков континента. Иноземные купцы в кочевьях скотоводов покупали лошадей, овец, верблюдов, кожи, шкуры, шерсть, кошмы и ковры. В городах и селениях — серебряные сосуды, оружия хорошего качества, продукты горнорудного промысла: бирюзу, ртуть, золото и се-

ребро. Предгорья славились лекарственными растениями, которые вывозили в разные страны. Самым ходовым товаром в кочевьях скотоводов были ткани. Большое количество шелковых тканей концентрировались у тюркских феодалов. Даже ежемесячная плата воинам выплачивалась тканями. Из Византийской империи поступали украшения из золота с самоцветами, прекрасные чаши, стаканы из резного стекла, серебряные сосуды с клеймами греческих мастеров. Из Китая кроме шелка вывозили много бронзовых зеркал, фаянсовой и фарфоровой посуды. Но самое главное, благодаря Шелковому пути важнейшие изобретения Китая — компас, порох, бумага и книгопечатание — стали распространяться в разных частях света и определили дальнейшее развитие всего человечества. Эти изобретения стали важным вкладом китайской цивилизации в общемировую сокровищницу изобретений человечества.

Кроме диких товаров, здесь также передавались различные духовные ценности и религиозные идеи. По Шелковому Пути миссионеры разносили и распространяли свою веру и религиозные идеи в заморские страны. Из Индии через Среднюю Азию в Китай пришел буддизм, из Сирии, Ирана и Аравии — христианство, а затем ислам.

Другим важным событием на Шелковом пути стало появление первых тюркских денег в VIII веке. До VIII века в торговле на Шелковом Пути обходились без денег, единицей стоимости служил баран или кусок ткани. Рост торговых отношений привел к появлению монет, которые представляли собой медный кружок с отверстием в центре. Позже, после распространения бумаги во всем мире, появились и бумажные деньги.

На территории Казахстана Великий Шелковый Путь брал свое начало у границ Китая. Степные правители предлагали свои услуги по обеспечению безопасности торговых караванов, взамен требуя некоторую долю товара или звонкую монету. Так появились оброки, или, по-современному, налоги и таможенные платежи. Основная трасса Великого Шелкового пути по территории Казахстана пролегла через юг страны, от границы Китая торговые караваны двигались через города Сайрам, Яссы, Отрар, Тараз далее в Центральную Азию, Персию, на Кавказ и оттуда в Европу. Все эти города обязаны своим появлением именно торговцам, которые, преодолевая громадные казахские степи, устраивали остановки, превращавшиеся в караван-сарай, а те, в свою очередь, в поселения, которые со временем разрастались в города.

Организация торговли на дальние расстояния требовала создания для караванной торговли особых условий — перевалочных пунктов,

специализированных базаров, режима стабильных денежных расчетов и защиты прав собственности купцов-чужеземцев. Так, Великий Шелковый Путь стимулировал развитие торговых городов на средневековом Востоке, которые обслуживали международную торговлю, играя роль транзитных пунктов на караванных путях. Эти города обязательно имели караван-сарай, сочетавшие функции гостиниц и складских помещений. Для купцов-иностранцев организовывались специальные рынки наиболее ходовых товаров.

С тех пор как Чжан Цзян проложил путь, соединивший Восток и Запад, торговые отношения между Китаем, государствами Средней Азии и Европы стремительно крепились, народы удивляли друг друга диковинными и невиданными ранее товарами, а люди учились друг у друга, обмениваясь знаниями и опытом. Все это укрепляло дипломатические отношения и способствовало стремительному развитию всех стран расположенных вдоль Шелкового пути.

После великих географических открытий, относящихся к концу 15-го века, и разрушительных монгольских нашествий значение Шелкового пути стало постепенно угасать. Быстроходные корабли с вместительными трюмами сделали экономически невыгодными тихоходные караваны верблюдов. Привязанность торговых городов к обслуживанию караванной торговли на дальние расстояния привела к тому, что за разрушением Шелкового пути неизбежно последовал упадок и этих городов. Города на трассе былого процветания стали объектами бесчисленных нападений, многие из них были разрушены и опустошены во время монгольского нашествия. Другие значительно сократили свою площадь и население. Упадок Шелкового Пути привел к застою экономики и повлек за собой прекращение общественных и культурных связей. Страны Востока стали отставать от стран развивающегося Запада.

Несмотря на то, что Шелковый путь уже ушел в историю, он оказал огромное влияние на дальнейшее развитие Китая и всего Евразийского континента. Во время гражданской войны в Китае уже разрушенный Великий Шелковый путь еще раз сыграл важнейшую роль связующей артерии. В 1939 году, после того как Япония захватила все морские порты Китая, СССР по просьбе правительства Китая построил автомобильную дорогу по маршруту северного направления Шелкового Пути. Дорога пролегла от железнодорожной станции Сары-Озек на Турксибе, через Хоргос, Кульджу, Хами, до Ланьчжоу, на протяжении около 3 тысяч км. В 1940 году, когда Бирманская дорога была закрыта

в ходе военного конфликта с Японией, Шелковый Путь «в советском исполнении» стал единственной дорогой, по которой Китай мог получать помощь извне. В 1937–1941 годах по этой дороге осуществлялись интенсивные военные поставки, в том числе новейшее вооружение и военная техника.

После упадка Шелкового Пути в регионе происходили многочисленные политические преобразования, исчезали и появлялись целые государства. Связей между странами на пути древней дороги становилось все меньше. Разобщенность и закрытость от мира, напряженная политическая обстановка и отсутствие действующих транспортных связей стали серьезным препятствием на пути гармоничного развития, и особенно негативно это сказалось на развитии закрытых районов, которые не имели выхода к морю.

Так, Западный регион Китая начал сильно отставать от быстро развивающихся прибрежных регионов Восточного Китая, а страны Центральной Азии и Восточной Европы отставали от развитых стран Европы. Шелковый Путь потерял свое значение, на местах древних караванных путей не появилось современных автомобильных и железных дорог, оставшиеся города становились все более пустынными и заброшенными, а люди практически забыли об огромном торговом потенциале целого региона.

История Шелкового Пути показала, что связи, как артерии, жизненно важны для развития и составляют фундамент человеческой цивилизации: цикл жизни общества и экономическое развитие значительно замедляются без общения и взаимодействия. Международная торговая трасса сыграла свою историческую роль в развитии экономики и культуры многих стран, а главное — в гуманитарном сближении разноразличных народов. Это был Великий путь дружбы и сотрудничества между Западом и Востоком, что, несомненно, стало важным вкладом в мировую цивилизацию.

Идея возрождения Шелкового Пути

Возрождение древней дороги всегда было очень заманчивой идеей для всех стран Евразийского континента. Для Казахстана — это уникальная возможность использовать огромный транзитный потенциал и стать материковым центром торговли. Для Китая — это еще один путь импорта и экспорта многочисленных товаров. Для всех стран, пролегающих вдоль древнего маршрута, это одинаково уникальная

возможность заново соединиться крепкими и надежными узами торговли и сотрудничества. А для нас, жителей региона Шелкового пути, это новая возможность культурного обогащения, взаимопонимания с соседними народами, новые возможности ведения бизнеса и, конечно же, огромный ассортимент товаров, произведенных в разных частях континента. Как писал известный историк М.Белогуров, «глобальные тенденции современной цивилизации характеризуются мощным движением стран и народов к интеграции. Сохранение и обогащение культурной самобытности народов является и основой, и результатом общемирового прогресса. В мире укрепляется понимание того, что основы этого прогресса заложены не в Европе, не в Средиземноморье и не на азиатском континенте — они создавались усилиями всего человечества»

Возрождение Шелкового Пути для Китая является важной частью политики транспортного развития. Как известно, закрытые районы Западного Китая, не имеющие открытых выходов к морю, заметно отстают от развитых прибрежных районов Восточного Китая. Региональные различия в экономическом развитии и доходах населения между Западным и Восточным Китаем огромны и являются одним из главных препятствий для комплексного и гармоничного развития всей страны. В Западных районах Китая преобладают безводные пустыни и высокие непроходимые горы, традиционное земледелие крайне затруднено суровыми климатическими условиями, а плотность населения разнится от 3 до 7 человек на квадратный километр. Человек европейской внешности, который в Шанхае не вызвал бы никаких эмоций, в отдаленных маленьких городках Западных районов стал бы объектом любопытного внимания толпы и главным центром дискуссий. Города и населенные пункты Западных районов изолированы от крупных центров, а рынки сбыта в сравнении с Восточными районами ничтожно малы и нерентабельны. В таких условиях стимулы экономического развития практически отсутствуют, и ситуацию может исправить только торговый путь с Востока на Запад, в Казахстан, Центральную Азию и далее в Восточную и Западную Европу. С одной стороны, Западные районы получают доступ к национальным рынкам сбыта в Восточном Китае, а с другой стороны — доступ к международным рынкам Центральной Азии и Европы. Таким образом, Западные районы Китая из закрытых регионов превратятся в центры международной торговли, а транспортные связи соединят разбросанные населенные пункты в единую сеть городов процветания. В регионе появятся многочисленные

заводы, международные рынки сбыта, и, следовательно, рабочие места, источники доходов и долгожданный экономический рост.

Несмотря на большой потенциал идеи возрождения Шелкового Пути, реализация проекта требовала огромных ресурсов, которые в основном были направлены правительством Китая на более насущные нужды стремительно развивающейся страны и экономические преобразования.

Практическая работа по строительству дорог Нового Шелкового Пути началась в начале 1990-го года, и в августе 2004 года была готова к использованию первая Транскитайская магистраль протяженностью 4393 км. Эта дорога берет начало в порту Ляньюньгань на побережье Желтого моря и завершается на КПП Хоргос на казахстанско-китайской границе. Новая автодорога сократила автомобильный путь от восточных до западных пределов страны с 15 суток до 50 часов, тем самым доказав актуальность строительства и огромный потенциал идеи проекта.

В современный период активной глобализации Новый Шелковый Путь, в котором на смену караванным тропам придут скоростные автомобильные и железные дороги, а караван-сарай и рынки заменятся современными городами со всеми коммуникациями, производством и торговлей, будет иметь для Китая и стран, расположенных вдоль пути, гораздо большее значение, чем в древности. Идея строительства дорог через горные хребты, безводные пустыни и высокогорные перевалы, в условиях убийственной жары летом и сурового холода зимой, в сочетании с ураганными ветрами, безусловно, очень смелая, но трудновыполнимая, требующая огромных затрат и масштабного международного сотрудничества. Однако история показывает, что это, несомненно, выгодно, а также чрезвычайно важно для гармоничного развития Китая и всех стран, лежащих вдоль древнего маршрута.

В процессе строительства Транскитайской магистрали вопрос о возрождении Шелкового Пути вышел на международный уровень. В начале 1990-х годов активно обсуждался проект создания комбинированной Трансевразийской магистрали TRACECA по маршруту Великого Шелкового пути. Этот маршрут должен пройти через территорию Китая, Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Турции и Грузии. Евросоюз оказывал формированию нового транспортного коридора финансовую поддержку, однако после терактов 11 сентября 2001 года реализация проекта резко затормозилась.

В настоящее время инициативу по возрождению Шелкового Пути и основное бремя затрат взял на себя Китай. Успешное выполнение за-

дач по проведению в жизнь реформ и открытости вывело Китай на ведущие экономические позиции в мире. Профессора китайских университетов, сотрудники министерств, мэры городов с большим восторгом подтверждают актуальность и потенциальные преимущества Нового Шелкового Пути, трансконтинентального моста Восточный Китай — Западная Европа. Мечта многих народов о возрождении одного из самых древних, но в то же время эффективных путей, связующих с внешним миром, становится актуальной задачей перед руководством КНР.

Развитие транспорта в Китае

С начала реформ и открытости правительство Китая стало уделять больше внимания формированию новых транспортно-коммуникационных комплексов внутри страны, и особенно в перспективных приграничных районах. В региональной политике Китая транспортная инфраструктура имела особое значение как главное средство объединения товарных и отстающих регионов для эффективного обмена товарами, капиталом и технологиями. Это важно для устранения региональных различий между Восточными и Западными районами и, следовательно, для гармоничного развития всей страны. Для стимулирования усиленного развития отстающего Западного района была выдвинута стратегия «Большого освоения Запада», основной концепцией которой стало развитие сети транспортных коммуникаций для интеграции с другими районами и создание приграничных СЭЗ с налоговыми льготами. Кроме того, целью развития различных вариантов более выгодной перевозки товаров является также и создание перспективной альтернативы морскому транспорту, который в настоящее время перегружен и является основным маршрутом экспорта многочисленных китайских товаров и импорта энергоресурсов.

Развитие транспорта на Западе страны, прежде всего в СУАР, в перспективе позволит осуществлять более тесные торгово-экономические отношения с Казахстаном и другими странами, пролегающими вдоль пути. Главными составляющими стратегии развития сухопутных коммуникаций в СУАР являются строительство единой железнодорожной сети, а также реконструкция и строительство новых скоростных автотрасс. Согласно стратегии, общая протяженность автодорог в СУАР достигнет 168 тыс. км и охватит 99,8% поселков и волостей Западного региона. Вместе с тем правительство Китая активизирует развитие

международных газопроводных и нефтепроводных линий из Прикаспийского региона. Крупнейшими проектами являются нефтепровод Казахстан — Китай и газопровод Туркменистан — Китай.

Трудно недооценить значительные достижения быстро развивающегося Китая в транспортной сфере за последние годы. В настоящее время Китай лидирует в мире по темпам развития высокоскоростных железных дорог, их протяженности, технологиям и масштабам строительства, а также скорости движения поездов по этим линиям. Железнодорожный транспорт Китая отвечает за 24% железнодорожных перевозок в мире и является одной из основных составляющих экономики. По длине железнодорожных путей Китай занимает 2-е место в мире, уступая только США. Китай обладает крупнейшей в мире сетью высокоскоростных железных дорог, протяженность которых на конец 2011 года составила 7200 км.

Поезда китайского производства серии CRH установили мировой рекорд в 2011 году, достигнув во время испытаний на высокоскоростной дороге около 500 км/ч. Средняя скорость движения такого поезда с двумя и более пассажирскими вагонами составляет 350 км/ч. Новые скоростные поезда имеют романтическое название «Хэсие», что в переводе с китайского означает гармония. Вид такого поезда, дизайн которого вдохновлен древними китайскими мечами, вызывает неподдельный восторг, как у китайцев, так и у иностранцев, успевших полюбить путешествия на поездах за скорость и комфорт.

В 2006 году на крыше мира, в Тибете, через труднопроходимые высокогорные районы была введена в строй Цинхай-Тибетская железнодорожная магистраль, которая, конечно же, стала самой высокогорной железной дорогой в мире. В самой высокой точке, вблизи станции Тангла, железная дорога поднимается за облака, на высоту 5072 метров над уровнем моря. Казалось бы, совсем недавно никто и не мог себе представить, что в красивейшие высокогорные пейзажи, на недосягаемой высоте, гармонично впишется современная железная дорога с поездами, оснащенными кислородными масками. А путь от Западного Пекина до Лхасы по этой уникальной дороге, ранее занимавший две недели, теперь сократился до 48 часов.

Наряду с массовой постройкой сети высокоскоростных железных дорог Китай официально стал владельцем еще одного рекорда транспортной инфраструктуры — самого длинного моста в мире. Мост, протяженностью 42,5 км, соединил два берега залива Цзяочжоу, соединив город Циндао в провинции Шаньдунь и провинцию Хуангдао. Сейс-

моустойчивый и защищенный от тайфунов этот мост сократил время поездки из города Циндао до острова с 40 до 20 минут. Вторым самым длинным мостом в мире также является китайский мост — Ханчжоу, длиной в 36 км.

Стоит также отметить значительные достижения Китая в строительстве портов и развитии морских перевозок. Так, в 2009 году в списке 10 крупнейших портов мира Китай занял 6 позиций. Шанхай стал вторым самым загруженным портом мира с проходимостью 25 миллионов контейнеров. Порт Гонконга занял третье место, приняв в 2010 году 21 миллион контейнеров. Далее в десятку самых больших портов вошли Шеньчжень, Гуанчжоу, Нинбо и Циндао.

Главнейшим достижением в развитии авиационного транспорта стало строительство самого большого и современного аэропорта в мире, который был открыт в 2008 году, в канун Олимпиады в Пекине. Третий терминал международного Пекинского аэропорта расположился на площади около миллиона квадратных метров и принимает более 400 рейсов в день. С высоты птичьего полета сооружение напоминает гигантского дракона с длинным хвостом и прозрачной чешуей на крыше. Третий терминал Пекинского международного аэропорта, с максимальной пропускной способностью в 206 тыс. человек в день, в 2012 году уже работает на пределе своих возможностей, ежедневно обслуживая в среднем 200 тыс. пассажиров в день. В связи с этим, не останавливаясь на достигнутом, в 2015 году планируется открытие нового Пекинского аэропорта в Дасине, который будет иметь 9 взлетно-посадочных полос с пропускной способностью 370 тысяч пассажиров в день. В этом рейтинге новый аэропорт в Дасине станет новым мировым лидером.

Таким образом, эти колоссальные достижения в транспортной сфере демонстрируют огромные возможности Китая в области планирования комплексного регионального развития, реализации сложнейших проектов, а также проведения комплексных работ по строительству и развитию транспортной инфраструктуры. Это также показывает, что идея Нового Шелкового Пути не долгосрочный план на будущее, а реальный проект, который всесторонне активно осуществляется.

Перспектива Нового Шелкового Пути

Возрождение Шелкового Пути — это сложный многосторонний проект, который требует тщательного стратегического планирования.

Новый Шелковый Путь — это не просто строительство дорог вдоль древнего маршрута, но и развитие инфраструктуры, совершенствование законодательства, создание максимально благоприятных условий для выгодного сотрудничества, а также искусная дипломатия для достижения взаимопонимания между странами-участниками.

В рамках возрождения Шелкового Пути в Китае решают уникальную задачу, совершенно непосильную для караванщиков в древности, — строят дороги, пересекающие безводные пустыни и высокогорные районы в суровых климатических условиях. В настоящее время слабо развитая транспортная система во многих районах на территории древнего Шелкового пути является важнейшим препятствием на пути экономического развития. В некоторых районах для перевозки грузов до сих пор используются вьючные животные, а строительство дорог в неразвитых горных местностях необычайно сложно, однако значительный рост торговли показывает, что это возможно и перспективно. Современные технологии и экономическая мощь Китая способны соединить ветви Шелкового пути в единое целое.

Новый Шелковый Путь для Китая является наиболее оптимальным и коротким путем к экономической интеграции с Казахстаном, странами Центральной Азии, Восточной и Западной Европы. Для того чтобы перевезти груз из Западного Китая до Европы по Новому Шелковому Пути, потребуется в два раза меньше времени и затрат, чем по морскому пути. Кроме того, что Шелковый Путь будет способствовать углублению добрососедских отношений и развитию взаимовыгодной торговли в закрытых регионах, он также поможет Китаю разгрузить Малаккский пролив, по которому проходит большая часть перевозок из Китая.

При реализации проекта Китай уделяет основное внимание индустриально-экономическому развитию всего Западного района. СУАР, основная провинция Западного района, в масштабах Центральной Азии является регионом с крупной и развитой экономикой, который экспортирует одежду, обувь, продукцию машиностроения, электронику, а также ввозит сырую нефть, железную и медную руду. Быстрое развитие энергетики Западных районов создает условия для бурного роста промышленности и торговли, без которых Новый Шелковый путь будет безжизненным. Особая роль СУАР в экономических связях Китая со странами Центральной Азии обусловлена наличием общих границ. Для развития торговли в приграничных районах создаются специальные экономические зоны, в которых устанавливаются осо-

бенно благоприятные условия и налоговые льготы для предпринимательства. Кроме этого, бурно растет строительство сельских автодорог, которые будут способствовать развитию торговли в отдаленных местностях и повышению занятости населения.

Возрождение и восстановление системы дорог Шелкового пути очень важно не только для Западного района Китая, оно также имеет особое значение для Казахстана и других стран Центральной Азии и Восточной Европы. Это уникальная и, может быть, даже единственная возможность глобальной интеграции для закрытых внутриконтинентальных регионов. Возрождение Шелкового Пути, безусловно, принесет крупные изменения в экономику всех стран, расположенных вдоль него. Китай, восстановив свою часть Шелкового Пути, не останавливается на достигнутом и продолжает масштабное инвестирование в автодорожное строительство и другие инфраструктурные проекты на территории стран Центральной Азии. Конечной целью проекта восстановления древней торговой артерии является протяжение Нового Шелкового Пути до Роттердама (Нидерланды).

В 2008 году в Женеве министры 19 стран, в том числе Казахстана, Китая, России, Турции и Ирана, приняли масштабный проект по восстановлению фрагментов дорог древнего Шелкового Пути. В глобальной перспективе Новый Шелковый Путь, протяженностью около 7000 км, будет состоять из сети автомобильных и железных дорог, пролегающих не только вдоль древних маршрутов, но и в новых направлениях. В перспективе планируется открытие 6-ти основных трансконтинентальных путей, включая дорогу из Китая в Европу, из России в Южную Азию и Турцию. Региональное сотрудничество ведется не только в транспортной сфере. Для превращения Нового трансконтинентального моста в удобный канал обменов и сотрудничества участники этого проекта принимают конкретные меры, способствующие созданию более удобного режима торговли. По мере роста инвестиционной привлекательности Центральной Азии и Западного Китая район прохождения Нового трансконтинентального моста станет новой опорной точкой развития мировой экономики. Введение в эксплуатацию трансконтинентального моста привлекло огромное внимание прилегающих к нему государств и всего международного сообщества. Государства и регионы, заинтересованные в эксплуатации этого моста, один за другим разработали соответствующие мероприятия и контрмеры с тем, чтобы извлечь как можно больше выгоды из этого международного экономического коридора.

Эксперты и ученые утверждают, что рождение трансконтинентального моста предвещает постепенный переход мира к новой экономической эпохе на основе прежней речной прибрежной экономики. Экономическое развитие регионов, находящихся в сфере влияния нового трансконтинентального моста, отличается очевидными преимуществами в смысле взаимного дополнения. С одной стороны, в глазах таких высокоразвитых стран, как Япония и страны Западной Европы, этот регион представляет собой огромный рынок с многочисленным населением и богатыми ресурсами. Это идеальное место для экспорта капитала, техники и управленческого опыта. Для Китая, стран Центральной Азии и Восточной Европы введение в эксплуатацию моста и открытое обслуживание прилегающих государств предоставит новые способы привлечения международного капитала, техники и управленческих ресурсов, ускорит их экономическое развитие. С другой стороны, невиданный экономический подъем в регионе Азии и Тихого океана все более нуждается в освоении и расширении европейского рынка, а Евросоюз в своих поисках простора для развития, в свою очередь, также стремится найти торговых партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе и подходящие базы для капиталовложений. Таким образом, становятся все более и более очевидными тенденции двустороннего сближения азиатско-тихоокеанской стороны с европейской. Развитие нового трансконтинентального моста открывает широкий путь для экономики, торговли и различного рода обменов между прилегающими государствами двух континентов. Оно имеет важное значение и для становления межконтинентального экономического коридора и для расширения торгово-экономического сотрудничества между азиатско-тихоокеанским регионом и Европой, а также для совместного развития и процветания экономики Азии и Европы, тем самым имеет важное значение для формирования и установления новых взаимоотношений в мировой экономике.

Несмотря на то, что внутриконтинентальная транспортная система вдоль большей части Шелкового Пути не развита, перспективы развития в этих регионах очень большие. В них сосредоточены огромные природные ресурсы, полезные ископаемые и большое население. К примеру, территория стран участников Шанхайской Организации Сотрудничества (Казахстан, Китай, Россия, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан), составляет 3/5 всей территории евразийского континента и 1/4 населения всего мира. Возрождение экономической артерии в евразийских странах не только будет способствовать культурно-эко-

номическому обмену и развитию, но также поможет установить мир и единство в регионе.

Создание Нового Шелкового Пути имеет особенное значение для стран Центральной Азии. С географической точки зрения страны Центральной Азии находятся в центре материка, а ближайшее расстояние до океана составляет 1700 км, и это является основным природным препятствием для международной торговли. Кратчайший путь до Индийского Океана проходит через страны Афганистан и Пакистан, но из-за сложной политической обстановки этот путь не имеет никакого экономического смысла. С другой стороны, путь до морских выходов, проходящий через стремительно развивающийся Китай, является одновременно безопасным, надежным и самым оптимальным. Кроме того, Новый Шелковый Путь будет способствовать всесторонней интеграции закрытых в центре материка стран с более развитыми Китаем и Европой, рост торговли, несомненно, поможет решить насущные проблемы бедности, безопасности и безработицы в регионе.

Казахстан и другие страны Центральной Азии импортируют из Китая огромное количество товаров легкой промышленности, а Китай, в свою очередь, нуждается в импорте энергетических ресурсов. Развитие экономики и структурные изменения в Китае позволяют крупным китайским предприятиям инвестировать средства в совместные проекты в Центральной Азии, инвестиционный интерес Китая растет вместе с растущими потребностями в энергоресурсах. Развитие системы дорог будет значительно способствовать дальнейшему сотрудничеству и торговле между странами, а также станет большим толчком к развитию в регионе. Центральная Азия с богатыми ресурсами и большим экспортным потенциалом, благодаря Новому Шелковому пути, сможет выйти на международный рынок и, активно участвуя на мировых торгах, получать выгоду от природных богатств, а Китай, в свою очередь, получит новых партнеров в энергетической сфере.

Реализация проекта Нового Шелкового Пути требует огромных усилий для решения сложных сопутствующих проблем. Основной проблемой является то, что Новый Шелковый Путь пересекает границы множества стран, строительство сильно усложнено географическими условиями и требует огромных инвестиций. С технической стороны сложность заключается в том, что в странах СНГ до сих пор используются ширококолейные железные дороги, которые невозможно соединить со стандартными европейскими и китайскими узкоколейными дорогами. Кроме того, железные дороги в странах постсоветского

пространства слабо оснащены электричеством, а в некоторых местах разрушены и требуют ремонта.

Несмотря на все эти сложности, строительство Нового Шелкового Пути активно продолжается и завершение проекта запланировано на 2018 год. Страны вдоль Пути все больше проявляют активный интерес к сотрудничеству. Международные организации всесторонне содействуют проекту, решают различные вопросы, возникающие при строительстве дорог, а также оказывают финансовую поддержку проекту. В рамках реализации проекта Возрождения Шелкового Пути, по инициативе Казахстана, на границе с Китаем активно ведется строительство Международного центра приграничного сотрудничества. Это будет новый международный центр беспрошленной торговли в Центральной Азии с этнографическими парками стран — участниц ШОС, стадионами и плавательными бассейнами. Сюда будут стекаться товары и экспортная продукция со всего Китая. Будут построены и уже строятся современные выставочные павильоны и склады. Сократятся в значительной степени расстояния и стоимость перевозок, а значит, удешевится стоимость китайских товаров. И здесь же строятся гостиницы для размещения многочисленных гостей, прибывающих на территорию центра.

Ожидается, что новая дорога, охватывающая одну из самых крупных стран без доступа к морю в мире, создаст предпосылки к преобразованиям. Эта дорога, наряду с всеобъемлющими реформами в секторе транспорта и коммуникаций, предоставит населению Казахстана огромные возможности дальнейшего роста, а также внесет значительный вклад в устойчивое экономическое развитие страны.

В современном мире бедность или богатство того или иного государства во многом определяются не только его людскими и природными ресурсами, но и зависят в немалой степени от его географического положения, от того, насколько оно может реализовать свой транспортно-экспортный потенциал. Хотя сегодня больше не существует обширных древних государств, и географические границы в корне отличаются от прошлого, люди все также нуждаются в жизненно важных экономических взаимодействиях и все еще испытывают жажду в познании культуры и жизни соседних народов. Исторические, экономические и естественные узы, а также религиозная общность играют заслуженную роль в сближении народов. Усилия, предпринимаемые для создания Нового Шелкового Пути, в рамках установления многосторонних связей между странами, по сути, направлены на гармоничное развитие, достижение мира и прочного сосуществования между народами.

КИТАЙ — ВЕЛИКИЙ И МАЛЫЙ

ДАУЕН

Динара Бахыткеревна

Старший преподаватель кафедры китаеведения факультета востоковедения КазНУ им. аль-Фараби. В 2007 г. окончила магистратуру факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби. В 2007-2008 гг. стажировалась в Пекинском Университете языка и культуры.

Вступление

Однажды, услышав, что я собираюсь поступать на востоковедение, учительница по математике сказала, что я, наверное, буду изучать китайский язык. Я удивилась и даже немного обиделась, ответив, что я ни за что не буду учить китайский, так как планировала изучать другой восточный язык. Однако по сложившимся обстоятельствам я начала изучать именно китайский язык и полюбила его с первого же урока. Процесс обучения был очень интересным, хотя и трудным. И написание, и произношение, и построение языка — все было иным, отличным от нашего. Вместе с тем каждый день, выучивая новые иероглифы, мы с большим интересом узнавали что-то новое о Китае. И наша мечта попасть в Китай в качестве иностранного студента с каждым днем возрастала.

Утром я проснулась от непривычных мне звуков. Это были громкая музыка и голоса людей, доносившиеся с улицы. Я выглянула в окно и увидела то, о чем мы раньше читали в книгах о Китае и слышали от своих преподавателей. Утренняя китайская гимнастика — это первая картина, которая запомнилась мне навсегда. Китайская гимнастика, которой занимаются все — от самого маленького до самого пожилого человека, от домохозяйки до менеджера компании. Хотя и не везде уделяется время и значение данному своеобразному мероприятию, но

во многих общественных местах, в школах, в некоторых компаниях, в жилых домах и чаще всего в парках можно увидеть и даже поучаствовать в этом.

Каждый воспринимает Китай по-своему. Кому-то это страна кажется таинственной, волшебной, для кого-то — это просто страна с полутора миллиардным населением. А для меня Китай стал объектом исследования и тем, чем я постоянно интересуюсь и восхищаюсь.

Начну с того, что впервые я прибыла в Китай на поезде и, выйдя из вагона, как и ожидалось, увидела действительно огромное количество людей. Эти люди не прогуливались по вокзалу просто так: у пассажиров, как полагается, были билеты, а у провожающих и встречающих — пропуски, которые покупают при входе на вокзал. Таким образом, государство имеет доход, хоть и небольшой, и контролирует движение людей.

Тогда мне в Китае все было новым, интересным — и люди, и отдельные места. И я безгранично была счастлива тем, что учила именно китайский язык.

Пекин

Для меня Пекин — это действительно особый город. У этого города своя неповторимая аура. Город, который сочетает в себе и традиционность и современность. Хотя с развитием страны и город быстро меняется, однако здесь все же сохраняется облик старого города с элементами традиционной культуры китайского народа.

Туристу, избалованному современными достижениями человечества, возможно, этот город придется не совсем по душе. Однако человек, который изучает историю, традиционную культуру, непременно найдет для себя много интересного и полезного.

Например, «Закрытый город Гугун», или императорский дворец, который расположен на главной площади Тяньаньмэнь. Тот императорский дворец, в котором был свергнут с поста последний император Китая Пу И, где сейчас над воротами установлен портрет великого кормчего — председателя Мао Цзэдуна. Гугун настолько велик, что невозможно осмотреть его за одно посещение. В настоящее время внутри дворца взору туристов представлено множество видов оружия Китая, повседневные принадлежности китайцев тех времен и другие вещи, которые имеют историческую ценность для страны. Сама архитектура и отделка Гугуна очень интересна.

Следующее, не менее важное место, — это парк Ихэюань. Парк, который когда-то служил в качестве летнего императорского дворца и в

сооружении которого немалую роль сыграла императрица Цыси. Здесь вы можете полюбоваться знаменитой мраморной лодкой императрицы.

В этом парке вы также увидите пожилых людей, мастеров по каллиграфии, которые очень умело и красиво напишут водяной щеткой иероглифы, используя воду вместо краски. Если у вас появится желание, то и вы можете похвастать своим красивым почерком. Для любителей фотографироваться здесь имеются специальные фотосалоны, в которых вам любезно предоставят китайские национальные костюмы и интерьер для фона, чтобы вы некоторое время могли побыть в облике китайцев.

«Хутун» — это узкие переулки. Те самые, знаменитые переулки, известные по китайским фильмам, где кто-то от кого-то убегает, не зная в какую сторону бежать, и по счастливой случайности дверь одного из домов оказывается открытой, и он вбегает туда. На самом деле, именно в этих переулках, в центре столицы, можно увидеть настоящую жизнь простых китайцев, жизнь очень своеобразную, возможно, простую, без шика и блеска. Наверное, именно поэтому они привлекают потоки туристов, посещающих Пекин. А для изучающих китайский язык — это подходящее место, где можно поговорить с простыми людьми, узнать много полезного из повседневной жизни носителей языка, что будет крайне полезным для повышения уровня китайской устной речи.

Несмотря на огромное количество людей, которое характерно для большинства городов Китая, можно сказать, что Пекин менее импульсивен, чем другие крупные города Китая. По крайней мере, мне так кажется. Да, здесь действительно большие потоки людей, которые куда-то спешат — кто-то на работу, кто-то на учебу. Жизнь кипит, но, несмотря на это, город остается спокойным.

Прогуливаясь по улицам Пекина, удивляешься огромному разнообразию и контрастам столичной жизни. Очень примитивные народные магазины и роскошные бутики, зеленые парки с озерами и креативные проекты, выставки, дома с китайской традиционной архитектурой «сыхэюань» (四合院 — Sìhéyuàn) и многое другое. Как и полагается, здесь множество дорогих отелей мировых гостиничных сетей, есть и высочайшие небоскребы, построенные по современным технологиям, которые очень хорошо вписываются в фон города, но при этом нередко можно встретить человека с телегой, наполненной фруктами, который посреди улицы их продает, или же человека, торгующего яйцами, сваренными тут же в ведре.

Утро в Пекине

Обычно, когда вы просыпаетесь, даже если и очень рано, жизнь на улицах Пекина уже будет идти полным ходом. Возле станций метро, около обычных магазинов в маленьких бакалеях на непривычной нам «плоской печи», которая служит в качестве сковородки, будут жариться яйца для завтрака. А в привычных фастфудах также будет полно людей за горячим кофе.

Для меня самым интересным, а иногда и неприятным, было в утреннее время садиться в метро. Метро, как один из удобных видов транспорта, «пользуется высокой популярностью» среди всех слоев населения. Поэтому утром желающих «прокатиться» в метро очень много. Процесс таков: выстояв на улице длинную очередь, наконец-то заходите внутрь станции. Когда дойдете до перрона с надеждой быстро сесть и доехать до нужного пункта, то и здесь вам придется задержаться, потому что возле каждого знака для посадки будет стоять та же толпа людей, а вдобавок еще и дежурный, который будет следить за посадкой и высадкой пассажиров в вагоны. Поэтому, даже если вы захотите зайти в вагон хотя бы последним, вас может остановить дежурный на перроне. Ну а если вы все-таки сумели сесть в вагон, то не могу сказать, что вам очень повезло, потому что вам еще ехать несколько станций с огромным количеством людей, где даже ногу поставить будет некуда. Однако вы редко услышите, как китайцы ругаются в такой давке. Люди понимают, что всем нужно доехать до нужного места, поэтому и относятся к данному положению снисходительно.

После того как вы «успешно» доедете до нужной станции, если у вас будет возможность пройти через парк или университетские спортплощадки, вы сможете понаблюдать за теми, кто занимается утренней гимнастикой, в особенности за пожилыми людьми.

Лично мне пройти по утреннему Пекину, быть частью той утренней суеты доставляло особое удовольствие.

Нужно признать, что погода Пекина не всем может сразу понравиться. Тусклое небо, пасмурный день, песчаные ветра — вот что будет ожидать вас в большинстве случаев, когда вы впервые приедете в город. Возможно, это связано не только с природными условиями, но и с тем, что здесь сконцентрировано немало производственных сооружений, большой поток людей и машин. Однако не отчаивайтесь, в северной столице Китая климат на самом деле не такой уж суровый. Зимой морозов не бывает, и снега выпадает мало. Весна быстро переходит на лето, а летом здесь и жара, и духота, и песчаные ветра. А вот

осень — это самый лучший сезон в Пекине. Погода будет баловать вас своими солнечными, спокойными, ясными днями.

Велорикши Пекина

Велорикша — особый вид транспорта в современном Китае, в том числе и в Пекине. Пожалуй, его можно назвать одной из особенностей старого Китая, которые дошли до сегодняшнего дня. Несмотря на модернизацию страны, до сих пор существует данный вид транспорта. На самом деле, первые «рикши» появились в Китае в XIX веке. Если опираться на сведения о рикшах, в том числе из романа известного китайского писателя Лао Шэ «Рикша Сян цзы», то нетрудно понять, что жизнь рикш была очень тяжелой. Рикши сами перевозили людей на двухколесных телегах, каждый день пробегали по несколько километров пути. Но за свой труд получали жалкие гроши. В то время были такие люди, которые специально держали рикш, обеспечивали их телегами, даже определяли их маршруты, а за это получали свои проценты, плату за аренду телеги.

В нынешнее время форма рикш и название этого транспорта немного изменились. Хотя по-русски звучит как «велорикша», на китайском будет «сань лунь чэ», то есть «трехколесная машина». Людей сейчас возят на велосипеде или на мотоцикле с прикрепленной телегой. Нынешние же телеги могут быть открытыми или закрытыми. Они предназначены для перевозки двоих или четырех пассажиров. Несмотря на то, что в 1949 году официально запретили деятельность рикш, в некоторых районах Пекина «современные рикши» все же существуют. Обычно велорикшами пользуются в тех случаях, когда нужно проехать небольшое расстояние. И это будет стоить от 5 до 20 юаней, в зависимости от количества людей. Для туристов же — это хорошая возможность прогуляться по узким переулкам Пекина или просто опробовать необычный вид транспорта.

Метро

Пекин — это первый город в Китае, в котором был запущен метрополитен. 15 января 1969 года была запущена первая линия метро от станции Гун чжу фэнь (Gōngzhǔ fēn) до железнодорожного вокзала. Сейчас пекинский метрополитен — это один из самых удобных видов транспорта для передвижения по городу. В данное время в Пекине в распоряжении народа всего 15 линий метро, есть подземные и наземные. Из них 10 линий являются городскими, 5 линий загородными.

Также строятся еще 7 линий. Несмотря на то, что по-английски метро называется «Subway» и обозначается знаком «М», по-китайски «метро» передается разными словами, такими как Ди те (地铁 — Dìtiě), Чэн тие (城铁 — Chéng tiě), цин гуэй (轻轨- Qīngguǐ). Данного рода различие объясняется не столько видом линий метро, сколько объемом трафика.

Стоимость проезда на метро составляет 2 юаня в один конец, независимо от расстояния. То есть если вы сели на 13 линию метро, доехали до станции Сичжимэнь, пересели на 2 линию, на ней доехали до площади Тяньаньмэнь и пересели, скажем, на 1 линию, то за все это вы платите всего 2 юаня. Исключением является плата за проезд до аэропорта, которая составляет 25 юаней. Очень удобно и дешево. Пользуясь метро, вам не придется много времени стоять в столичной пробке.

Такси (столичные государственные такси и «черные машины»)

Такси в Пекине делятся на государственные и негосударственные. Государственное такси легко узнаваемо, имеет надпись «出租汽车» (Chūzū qìchē), снабжено счетчиком, а самое главное — безопасно для пассажиров, особенно для иностранцев, и счет начинается от 10, а в ночное время — от 11 юаней. Конечно, если вы впервые прибыли в Пекин, а тем более — если не владеете китайским языком, то вам на этот раз, как и в любых зарубежных странах, возможно, не повезет! Некоторые таксисты могут накрутить счетчик, вращаясь в радиусе возле нужной вам гостиницы. Однако такое не часто случается.

Негосударственное такси — это тоже городское такси, но нелегальное, которое на китайском языке имеет свое название «黑车» (Hēichē) и дословно переводится «черная машина». В отличие от государственного, это такси «黑车» не имеет аппарата счетчика. Вам придется самому договариваться с водителем на ту или иную сумму за проезд до нужного места. Иногда, когда вы имеете только какую-то определенную сумму и не совсем ориентируетесь, какова протяженность дороги, это, конечно, удобно.

Итак, находясь в Пекине, вы сможете выбрать такси, которое вам будет по душе и по карману. Надо иметь в виду, что во время часа пик, когда люди выходят с работы, учебы, особенно вечером, поймать такси в столице очень трудно. Ведь все осложняется тем, что такси никому не остановится, пока не довезет вас до пункта назначения.

Лично для меня езда по Пекину на такси была приятна еще и тем, что по дороге можно было поговорить с водителем, который неред-

ко был родом из другой провинции и мог рассказать о своем регионе. Таким образом, с одной стороны, можно было попрактиковать свой китайский, причем обогащая свои языковые знания разными диалектами, а с другой — можно побольше узнать о Китае, о жизни простого народа.

Автобусы

Автобусы в Пекине, как и в других странах, чем-то особым не отличаются. Но меня здесь больше всего удивили не сами автобусы, а автобусные остановки. Во-первых, здесь на каждой остановке для каждого маршрута отведено определенное место, и пассажиры стоят соответственно там, где останавливается нужный им автобус. Во-вторых, на каждой остановке расписан маршрут каждого автобуса от начального до конечного пункта, также указана остановка, на которой вы стоите. И если вы новичок в Пекине или не очень хорошо знаете город, то для вас это будет очень удобно. За проезд вы можете расплатиться деньгами, оплатив кондуктору или бросив монету номиналом в 1 юань в валидатор. Либо при входе вам нужно будет приложить к аппарату специально приобретенную карточку для оплаты проезда, но если вас попросят и при выходе приложить карточку, то не удивляйтесь, значит, на данном маршруте плата взимается за расстояние.

Об учебе в Китае

Обучение в Китае сегодня становится одним из приоритетных направлений. Направлением, которое имеет высокую значимость и для китайской стороны, и для иностранцев.

Возможно, раньше это направление было не так развито, как в западных странах. С реформой открытости Китай стал намного доступнее внешнему миру. А в конце 80-х — начале 90-х годов, когда первые результаты реформ начали приносить свои плоды, Китай был готов принять у себя большое количество иностранных студентов. Конечно, китаеведы разных стран и раньше посещали Китай, учились, изучали, но обучение здесь не было таким популярным, как сегодня. Это объясняется тем, какое место в мире занимает нынешний Китай, каких результатов он достиг в модернизации страны.

Когда-то пророк Мухаммед говорил: «Ищи знания, даже если придется ехать в Китай». Он, наверное, не имел в виду Китай как страну, а хотел образно выразить, насколько процесс получения знания, совершенствования человека может быть трудным и долгим, и сравнил его с

путешествием в Китай. Отсюда можно сделать вывод о том, что Китай раньше казался чем-то недосыгаемым, далеким. А сегодня в условиях глобализации Китай стал часто посещаемой страной не только туристами, но и молодежью, которая «ищет знания».

В чем же привлекательность обучения в Китае? Возможно, для многих — это доступность в материальном плане, то есть не только плата за обучение, а и сама жизнь в Китае не такая дорогая. Следующим фактором можно назвать дружелюбный настрой населения. Находясь в Китае, вам или вашему ребенку не придется бояться за свою безопасность, чего нельзя сказать о других странах. Однако иностранцы зачастую пренебрегают этим и попадают в неприятные ситуации по своей вине. Главная причина успешности учебы в Китае — это, конечно же, в первую очередь языковая среда для изучающих китайский язык. Наверное, можно сказать, что сегодня обучение в Китае отличается тем, что не только избранные китаеведы могут обучаться здесь, но и каждый желающий, кто хочет овладеть китайским языком для разных практических целей. В КНР, особенно в крупных городах, вы можете встретить разного возраста иностранцев, среди которых больше студентов, чем туристов.

Известно, что китайский язык является одним из шести официальных рабочих языков Организации Объединенных Наций и имеет особый статус. Однако дело не только в этом. Китайский язык уникален, таит в себе многовековую историю китайского народа. Он сложен, входит в число самых трудных языков мира. Этим он и интересен, и привлекателен. Сегодня с каждым днем возрастает интерес к китайскому языку, увеличивается число его изучающих, расширяется ареал распространения языка. Возраст изучающих тоже не одинаковый. В аудиториях нередко можно встретить людей пенсионного возраста, которые усердно, с большим воодушевлением занимаются изучением.

В Китае, как и во многих странах, двенадцатилетнее школьное образование, которое, в свою очередь, разделено на три уровня: начальная школа и две ступени средней школы. А экзамены, которые сдаются по окончании школы и для поступления в университет, — это целая эпопея. Китайские школьники к данному основному экзамену готовятся очень серьезно. Впрочем, та же ситуация в последние годы наблюдается и в нашей стране. Но не подумайте, что, поступив в желаемый университет, китайские вчерашние школьники, а нынешние студенты расслабятся. Учитывая огромное население Китая, не трудно догадаться, что и конкуренция здесь высокая. Китайцы — очень трудолюбивый

народ, поэтому не удивительно, если в 7 часов утра или в 10 часов вечера в библиотеке не будет свободного места. По утрам, идя на занятия либо прогуливаясь по университетскому саду, можно увидеть студентов, которые занимаются очень сосредоточенно, заучивают тексты на иностранном языке или же развивают свое творческое мастерство.

Для иностранных студентов китайские студенты, пожалуй, самые хорошие помощники в изучении китайского языка вне аудитории. Конечно, и у китайских студентов тоже есть своя цель — выучить иностранные языки. Они такие же студенты, как и вы, и вам с ними будет о чем поговорить. Как нам, изучающим китайский язык, твердили «Ху сянь сюе си, ху сянь бан чжу» (互相学习, 互相帮助 — *Hù xiāng xuéxí, hùxiāng bāngzhù*), что в переводе означает «учиться друг у друга, помогать друг другу», — это очень эффективный способ изучения иностранного языка.

В китайских университетах знаниям уделяют должное внимание, так как понимают, что качественные знания — это ключ к развитию. Будучи иностранным студентом, обучающимся за свой счет, не ждите к себе какого-либо снисходительного отношения, мол, заплатил, похоже как-нибудь и получу сертификат или диплом. Несмотря на то, что вы заплатили за обучение, не пропускали занятия, но в конечном итоге по результатам за весь семестр и за экзамен не набрали нужных проходных баллов, вам удостоверяющий документ о том, что вы получили образование, выдан не будет. И вас не соизволят заранее уведомить, вы узнаете об этом в последний момент. Поэтому прежде, чем потратить отведенное для учебы время, необходимо подумать о последствиях.

Само обучение в китайских университетах очень увлекательно, по крайней мере, мне так казалось. В первый же день, зайдя на территорию университета, вы попадаете в особую атмосферу. Почти все университеты имеют свою отдельную огражденную территорию и, как правило, четыре выхода, где будут стоять любезные охранники, которые станут вашими первыми помощниками в ориентировке по университетским кампусам. Университетская территория — это целый комплекс, где расположены самые необходимые объекты для жизни студентов и преподавателей. Особо нужно отметить студенческую столовую, которая занимает многоэтажное здание, где и для студентов-мусульман есть свой уголок, а иногда даже и целый этаж, чтобы питаться привычной для себя едой. Тут также, вдобавок к студенческим общежитиям, имеются недорогие гостиницы для приезжих. Это очень удобный вариант, как для еще не обустроившегося студента, который в первые дни сво-

его приезда может пожить внутри университетского комплекса, так и для родителей, которые приезжают навестить своих детей.

Интересно и непривычно было наблюдать за тем, как преподаватели и профессора приезжают на работу на велосипеде. Конечно, учитывая тот факт, что велосипед является самым распространенным видом транспорта в Китае, не стоило бы удивляться. Это в какой-то мере подчеркивает простоту отношений между преподавателями и студентами, которые не часто встретишь. Согласитесь, приятно, когда преподаватель, проезжая мимо тебя, с улыбкой здоровается и спрашивает, все ли у тебя в порядке.

Если говорить собственно о процессе проведения занятий, не знаю, как другие дисциплины проходят, но для нас, иностранцев, уроки проходили очень увлекательно. Возможно, и оттого, что нам нравилось то, что мы изучали, с каждым днем пополняли свои знания, совершенствовались, узнавали новое не только по языку, но и по культуре, истории. Познавали особенность китайского общества в целом.

Выбирая город, чтобы поехать в Китай на учебу, мы нередко сталкиваемся с тем, что в разных регионах Китая разговаривают на разных диалектах, а это вызывает боязнь попасть не в ту среду. Однако где бы то ни было, по всему Китаю во всех университетах обучение ведется на общепринятом стандартном китайском языке «путунхуа», основанном на северном, в частности Пекинском, диалекте. Да, на самом деле, иностранцам, которые изучают китайский язык, не избежать курьезных ситуаций. Если вы попали в такую ситуацию, не печальтесь. Позже, когда вы будете вспоминать свои годы изучения китайского языка, это будет даже приятным воспоминанием.

Популярность и распространение китайского языка по всему миру стали стремительно расти в последние несколько лет. Этому в большей мере способствуют усилия, которые прикладывает и сам Китай, предоставляя образовательные гранты на обучение иностранным студентам. Это, конечно, охватывает не только программы по изучению китайского языка, но и других специальностей, включая все ступени обучения — бакалавриат, магистратуру и докторантуру. Особенность этих стипендиальных программ состоит в том, что они покрывают все расходы на период обучения студента: обучение, проживание, медицинская страховка, ежемесячная стипендия включительно. Это очень хороший шанс для целеустремленных студентов, к тому же такая форма стипендиальных программ, которая покрывает все расходы, существует не во всех странах.

От обучения в Китае получаешь еще одно удовольствие. Это — общение и дружба с людьми из разных стран, с разной культурой. Когда ты осознаешь, что понимаешь и разговариваешь на одном из самых сложнейших языков мира и рассказываешь на этом языке о своей стране, о своей культуре — это неопишное чувство. К тому же ты много чему научишься у своих китайских и иностранных друзей. Лично я научилась понимать, воспринимать, уважать тот или иной быт, культуру такими, какие они есть.

Таким образом, обучение в Китае будет не только полезным, нужным, но и увлекательным, интересным.

Дети в Китае

Как полагается, создание семьи, планирование детей — очень серьезный жизненный шаг. Китайский народ к этому относится куда более серьезно, чем многие другие. В среднем китайцы женятся, когда им уже за 30 лет. Возможно, это немного поздно. Но на это есть свои причины. Учеба, работа, материальные условия для жизни — все это требует времени. Как известно, Китай придерживается принципа «одна семья — один ребенок». Несмотря на то, что в последнее время тем, кто родился после 80-х годов, разрешается иметь двоих детей, китайская семья сознательно не решает на этот шаг. Почему? Потому что иметь ребенка — значит быть ответственным за его благосостояние. Обеспечить хотя бы одному ребенку хорошее будущее — нелегкий труд, а если их двое, то будет еще труднее. Конечно, в сельской местности нередко нарушают данную установку. Там семьи зачастую имеют по 2-3 ребенка, а то и больше. Также малочисленным национальностям Китая официально разрешается иметь двоих детей.

Китайские дети — какие они? Их не раз называли «маленькими императорами». Не только иностранные, но и китайские социологи отмечают, что растет эгоизм среди китайских детей. Причина понятна — излишне высокое внимание единственному ребенку. Об одном ребенке, кроме отца и матери, заботятся бабушка с дедушкой как со стороны отца, так и со стороны матери. Однако это не единственная характеристика, которую можно дать китайским детям. Можно сказать, что в Китае конкуренция начинается уже с детства. У детей очень загруженный график. Помимо основных уроков почти у каждого ребенка есть дополнительные курсы иностранных языков, уроки творческого плана, например уроки фортепиано или скрипки, спортивные кружки. И это далеко не весь список. Каждый родитель старается дать ребен-

ку разностороннее образование. Каждый родитель мечтает, чтобы его ребенок был лучшим из лучших. Да, ребенок утомляется, у него практически не остается времени на детские игры, что немаловажно для развития ребенка. Сами дети нередко жалуются. Они осознают, что родители делают это из желания увидеть своих детей «большими людьми». Некоторые относятся к этому с пониманием, другие же осуждают родителей и не только своих. Специалисты считают, что нужно в корне изменить содержание предметов, то есть не увлекаться общими дисциплинами, а уделять внимание раскрытию индивидуальных особенностей ребенка.

С другой стороны, мы видим, как китайские маленькие спортсмены проявляют себя на мировом уровне. Китайские школьники-математики являются лучшими в мире. Будь то спорт, творчество, наука — все делается очень качественно, на высоком уровне. Это — результаты упорного труда и терпения. Важно отметить, что китайские дети гордятся тем, что они родились в Китае под красным знаменем. С малых лет дети здесь готовят себя к большим успехам и победам, взвалив на свои плечи тяжкий груз конкуренции.

Молодежь Китая

Китайская молодежь — это те, с кем мы, студенты-иностранцы, общались больше всего. Молодежь — это основной двигатель общества, создатель новых идей. Если заглянуть в историю, можно убедиться в том, что именно при участии молодежи происходили резкие изменения в развитии той или иной страны. Китайская молодежь в прошлом, в дни, когда страна переживала свои не самые лучшие времена, была отправным толчком для дальнейшего развития. Мы посмотрели немало фильмов о молодых героях Китая. В истории Поднебесной были молодые люди, которые боролись за свободу, за светлое будущее своего народа. Нередко их мечта становилась задачей, которая стояла перед целым государством. Вспомните, сколько в истории Китая было молодых реформаторов, революционеров и даже бунтарей. Молодежь легко восприимчива, этим она и выигрывает.

Времена меняются. Какова же нынешняя молодежь Китая? На первый взгляд, китайская молодежь иногда кажется такой беспечной, ее не волнуют ни семейные ценности, ни развитие страны. Но это далеко не так. Общаясь с молодыми ребятами, начинаешь понимать, что у современной китайской молодежи мысли соответствуют нынешнему времени. Так же как и в других странах, получить образование в

университете — это основа для построения благополучного будущего. Окончил бакалавриат, есть возможность — поступай в магистратуру. Но заметьте, в магистратуру в основном поступают не для того, чтобы заниматься научной деятельностью, пополнить свои знания в научной сфере, а для того, чтобы увеличить количество дипломов. Впрочем, сейчас это стало модно и у нас. Опять же все дело в конкуренции: больше дипломов — больше шансов получить работу.

В общении молодые китайцы очень просты, они могут стать хорошими, верными друзьями, не откажут в помощи. Многие из них мечтают путешествовать, узнавать мир. Им нравится делиться информацией о своем обществе и узнавать новое о вашем. Их не волнует ни ваша раса, ни религия, к которой вы относитесь. Главное — не притворяться, быть честным и таким же открытым, как они. И еще: для китайской молодежи характерна робость, застенчивость, которые не свойственны прогрессивной молодежи других восточных стран.

Конечно, в обществе существуют разные люди. Поэтому и китайская молодежь не однотипна. Есть такие, кто до 30 лет не может найти свое место в обществе, которые толком не учились и все свое время проводили в интернет-кафе за игрой. А есть ребята, которые уже успели достичь значимых результатов, благодаря своим стараниям и упорству. Так или иначе, у многих девушек и парней есть большое желание — выехать за границу с целью обучения или трудоустройства. Сегодня родители и сами стараются отправить своих детей за рубеж на учебу. Но учитывая тот факт, что Китай — все еще развивающаяся страна, это не у всех получается. Вот и приходится прилагать немало усилий, чтобы достичь своей цели. Часто китайские девушки выходят замуж за иностранцев, особенно за выходцев из западных стран.

Развитие сегодняшнего мира и процесс глобализации также повлияли на поведение и стиль жизни китайской молодежи. Китай — все-таки восточная страна, и раньше в китайском обществе преобладал коллективизм, а сейчас чувствуется синдром индивидуализма. Раньше главной обязанностью и наградой китайской молодежи было почитание старших, сейчас же это не так ярко проявляется в обществе, лишь постоянно встречаются лозунги в метро и автобусах, призывающие почитать родителей и пожилых людей.

Как и в каждой восточной стране, согласно традициям, в Китае особое значение имел брачный союз. Сохранение очага и продолжение рода были миссией каждой семьи. Нельзя сказать, что не было разводов, но они были крайне редки. Если дело доходило до развода, старей-

шины сторон принимали общее решение, пытаясь не допускать развода. А сегодня для молодежи развод как простое расставание, которое не требует долгих обдумываний и решений. Самое интересное — в таких мегаполисах, как Шанхай и Пекин, молодежь при разводе устраивает вечеринку для друзей, и эта «церемония» называется «ли хунь ча» («离婚茶 — Lìhūn chá»), что в переводе означает «чаепитие в честь развода».

Ночная жизнь молодежи — возможно, еще одно проявление влияния глобализации и показатель развития страны. Наверное, это сегодня никого не удивит. Однако когда ты видишь молодых ребят, которые сидят в круглосуточных фастфудах и читают книгу, или сидят с ноутбуком, или же спят прямо на столе, то думаешь, что это? Безделье, одиночество или модный феномен?

А вот изучение английского языка можно отнести и к модному феномену, и к требованиям современности. По всему миру идет «бум китайского языка», а в Китае все больше возрастает роль именно английского языка. Как уже было сказано выше, с детского возраста здесь начинают изучать английский, а повзрослев, учат его уже осознанно, целенаправленно. В качестве примера можно назвать тех молодых профессоров высших учебных заведений, которые, несмотря на свой возраст, глубоко освоив английский язык, получив ученую степень, сочетая педагогическую и научную деятельность, достойно представляют Китай на международных встречах, и за границей и в своей стране.

Пожилые люди в китайском обществе

Пожилые люди, в каком бы обществе они ни были — вызывают к себе особое отношение. В разных странах стиль жизни людей пенсионного возраста проявляется по-разному. Поначалу образ жизни пожилых людей Китая меня удивлял. Мы привыкли, что наши бабушки и дедушки после выхода на пенсию в основном сидят дома, нянчат своих внуков. Для нашего общества видеть мужчину и женщину пожилого возраста, занимающихся физкультурой, не привычно. А в Китае это вполне обыденное явление. Китайские пенсионеры отличаются тем, что они очень подвижные и активные, по утрам и вечерам выполняют физические упражнения, занимаются ходьбой. Для них источником здоровья является правильный образ жизни и вода! Недаром китайцы говорят «цзао шуй цзао ци шэньти хао» («早睡早起身体好» — Zǎo shuì zǎoqǐ shēntǐ hǎo), что означает «рано ложиться и рано вставать полезно для здоровья». А пьют они в основном кипяченую воду, о пользе кото-

рой в китайском обществе последнее время ведутся дискуссии. Конечно, традиционный китайский зеленый чай и другие разновидности чая — это другое дело. Ни для кого не секрет, что китайский народ знает толк в этом напитке лучше, чем какой-либо другой. Но как бы то ни было, пожилой человек, который не спеша проходит мимо тебя с маленьким термосом, наполненным одним из видов вышеперечисленных напитков, — картина, которую вы можете увидеть не один раз на дню.

Для пожилых людей в Китае имеется множество специальных социальных кружков, куда они приходят поговорить, пообщаться, потанцевать. Есть кружки, где проводятся спортивные мероприятия, такие как ушу, тайцзицюань и т.д. Многие пожилые люди добровольно становятся тренерами китайской гимнастики. С пожилыми людьми также можно пообщаться в общественных парках, где они делятся своим мастерством по каллиграфии. Такой активный образ жизни пожилых людей не только помогает им рационально провести время, но и способствует поддержанию здоровья, помогает оставаться жизнерадостными. Также среди пожилых людей в Китае широко распространена игра на костяных пластинках «мацзян». Это для них особый вид развлечения.

Однако только на первый взгляд кажется, что жизнь пожилых людей в Китае проходит очень спокойно. В действительности все не так безоблачно. Многочисленное население Китая делает страну, с одной стороны, могущественной, с другой — порождает массу социальных проблем. Политика одного ребенка для одной семьи, хотя и сдерживала рост населения, породила новую проблему — возросло количество одиноких пожилых людей, что способствовало увеличению домов для престарелых. Кроме того, в Китае в данное время остро стоит проблема старения населения. Согласно статистике, в 2010 году в стране насчитывалось около 178 миллионов человек старше 60 лет, и есть предположение, что эта цифра уже сейчас достигла 200 миллионов. Данная статистика, конечно же, вызывает беспокойство правительства и общества в целом. Ведь это целый ряд проблем: социальное, медицинское обеспечение, страхование, пенсия. Но, несмотря на это, китайские старики ведут привычную для себя жизнь, любезно делятся своими воспоминаниями, с ними всегда приятно побеседовать, чему-то у них поучиться. Среди старшего поколения найдутся и те, кто немало знаком с русским языком, благодаря дружбе Китая с бывшим Советским Союзом. Поэтому, узнав, что вы из стран русскоговорящего пространства, проявят свои знания по русскому языку, чтобы доставить вам удовольствие.

Праздники Китая

Как принято в Китае, местные праздники делятся на государственные и традиционные. К основным официальным праздникам относятся Новый год по западному стилю, который называется «Юань дань» («元旦» — Yuándàn), Новый год по лунному календарю или Праздник Весны — «Чунь цзе» («春节»-Chūnjié), Международный женский день («三八妇女节»-Sānbā fùnǚ jié), День образования Китайской Народной Республики — «Го цин цзе» («国庆节» — Guóqìng jié) — 1 октября, Международный день защиты детей («儿童节» — Èrtóng jié), День трудящихся — («劳动节» — Láodòng jié), День образования Коммунистической партии Китая — «Чжунго гун чан дан чэн ли цзи нянь жи» («中国共产党成立纪念日» — Zhōngguó gòngchǎndǎng chénglì jìniàn rì) — 1 июля, День создания Народно-освободительной армии Китая — «Чжунго жэньминь цзе фан цзюнь цзянь цзюнь цзе» («中国人民解放军建军节» — Zhōngguó rénmin jiěfàngjūn jiàn jūn jié), который празднуется 1 августа, День лесопосадок («植树节» — Zhíshù jié) — 12 марта, День Молодежи Китая («中国青年节» Zhōngguó qīngnián jié) — 4 мая, День учителя («教师节» — Jiàoshī jié) — 10 сентября. И хотя вышеперечисленные праздники являются официальными, не все праздничные дни считаются выходными. Но следует выделить три праздника: Новый год по лунному календарю, майские праздники и День образования КНР. Эти дни Китай обычно празднует целую неделю, и не забывайте, что в этот период трудно достать билеты, как на поезд, так и на самолет.

Как традиционная аграрная страна, Китай большое внимание уделял лунному календарю, иными словами, крестьянскому календарю «Нун ли» («农历» — Nónglì). Соответственно традиционные праздники по лунному календарю пользовались и пользуются по сей день большой популярностью. К традиционным праздникам можно отнести: праздник лодок-драконов — «Дуань у цзе» («端午节» — Duānwǔ jié), праздник чистоты и ясности — «Цин мин цзе» («清明节» — Qīngmíng jié), праздник фонарей — «Юань сяоцзе» («元宵节» — Yuánxiāo jié), праздник середины осени — «Чжун цю цзе» («中秋节» — Zhōngqiū jié), праздник Чуньян — «重阳节» (Chóngyáng jié), который еще называют «праздником пожилых людей», и другие праздники. По словам самих китайцев, традиционные праздники содействуют гармонии, развивают моральные качества, так как они неотделимы от традиционной культуры.

А как же китайский народ отмечает праздники? Возможно, находясь в разных городах, не все праздники удастся проводить с семьей,

однако во время праздника Весны, то есть Нового года по лунному календарю, по возможности все собираются у домашнего очага. Данный праздник проходит очень ярко и красочно, вывешиваются разные надписи и, конечно же, преобладает любимый красный цвет. Если вы человек, почитающий традиции, стремящийся глубже узнать культуру Китая, то вам будет интересно и полезно находиться в это время в стране. Если же вы — любитель магазинов и предпочитаете шопинг, то вам лучше не ехать в Китай во время праздника Весны, так как в это время множество магазинов будут закрыты. Меня удивила еще одна вещь в Китае. Это громкие и долгие салюты во время праздников. Порой они длятся часами.

Семейные отношения в Китае

Ни для кого не секрет, что в восточном обществе семье, семейным отношениям придавалось большое значение. Поэтому и в Китае человек рассматривался как член семьи, часть общества, а не как индивид. И с древности, со времен конфуцианских этических учений по культуре предков и нормам «сяо» (孝 — Xiào) почтение к родителям стало жизненным долгом и самой высокой формой гуманности. Чтить родителей не взирая ни на что, какими бы они ни были, преданно заботиться о родителях, прислуживать и угождать им, быть готовым на все во имя их здоровья и блага — вот что считалось обязанностью сыновей. На этом воспитывалось не одно поколение людей.

Почитание родителей способствовало расцвету нерасчлененной семьи. Семья считалась ядром общества. Интересам семьи придавалось гораздо большее значение, чем интересам отдельно взятой личности. По решению и выбору родителей дети создавали свои семьи (как и во многих восточных странах), это считалось естественным процессом, в порядке вещей, никаких возражений и намека на женитьбу по любви не было. Отец всего семейства оставался главным, семья росла, укреплялась, превращалась в клан.

Такова картина семейных отношений в старом Китае. Сохранилось ли это в современном Китае? Трансформация всех слоев общества коснулась и семейных ценностей. Новые социальные преобразования страны, рыночные отношения, вызовы глобализации содействовали изменению формы китайской семьи. Если раньше в китайских семьях преобладали сплоченность, нерасчлененность, то сейчас родители в основном стараются приучить детей к самостоятельной жизни. Если вы в Китае имели возможность разговаривать с родителями, то пойме-

те, что многие родители сами изъявляют желание, чтобы их дети жили отдельно. Разве плохо, чтобы у ребенка был свой очаг? Есть возможность, пусть воспользуется этим в нынешнем, нелегком для нас времени. Причем родители во многих случаях сами обеспечивают детей в материальном плане.

А если коснуться отношений между родителями и детьми, то нельзя сказать, что многовековые традиции семейных ценностей в корне изменились, но нынешние китайские семьи далеки от идеалов Конфуция. В китайских фильмах прошлого века демонстрируется основной принцип традиционной семьи — главенство отца, которое выражалось в том, что дети, уже создавшие свои семьи, в определенное время собирались в отцовский дом, чтобы поделиться своими проблемами, успехами, в случае чего оказать друг другу помощь.

Современные китайцы раскрепощены, свободны в принятии решений, в выборе спутника жизни. Да, есть семьи, в которых молодые живут со своими родителями, являясь связующим звеном между пожилыми родителями и своими маленькими детьми, но и по этому поводу в сегодняшнем Китае нередко поднимается вопрос об «отношениях между поколениями» (代沟问题 — Dàigōu wèntí).

Как отметил немецкий философ О.Шпенглер в своем культовом труде «Закат Европы», упадок каждого общества зависит от того, насколько оно отдалилось от прошлых ценностей, от духовности. Сегодня в каждом обществе понимают, что традиционные ценности, в особенности семейные, являются основой сохранения духа каждого народа, правильного воспитания, поэтому и пытаются вернуть былые ценности. Вот и в Китае сейчас — в метро, автобусе или других общественных местах — также можно услышать лозунг «Уважение пожилых, почтение к пожилым — китайская традиционная высокая нравственность» (尊敬老人, 孝敬老人, 是中华民族的传统美德 — Zūnjìng lǎorén, xiàojìng lǎorén, shì zhōnghuá mínzú de chuántǒng měidé).

Немного о китайской философии простыми словами

Философия тесно связана с религией того или иного народа. Можно сказать, что «отправной точкой» философских мировоззрений каждого народа является религия. В отдельных же случаях философия может превратиться в религию. Если полистать страницы человеческой истории, можно увидеть, что расцвет каждой религии, или философских учений, приходился на те времена, когда народ проходил через серьезные испытания, когда в стране царил хаос. Именно в такие периоды

идут поиски новых путей решения сложных жизненных ситуаций, выхода из безвременья. Этот путь надежды они искали в религии. Поэтому в древности и средневековье каждая нация придавала особое значение религии или же эквивалентным религии философским учениям. Таким образом, философские школы и направления тоже получили широкое развитие. И Китай не стал исключением. У философии каждого народа есть свои особенности. В чем же особенность китайской философии?

Если попытаться обобщить основные положения китайской философии, о которых мы узнаем из книг на русском, китайском, английском и казахском языках, можно сделать следующий вывод: китайская культура вобрала в себя три религиозных учения — даосизм, буддизм и конфуцианство. Каждое из них, имея свои особенности, гармонично сочетается в китайском обществе с другими. Основной идеей даосизма является «Тянь жэнь хэ и» (天人合一 Tiān rén hé yī), что означает — гармония человека в единстве с природой, вселенной. Китайский буддизм делает акцент на сострадании, милосердии, которое можно выразить идиомой «Да цы да бэй» (大慈大悲 — dà cí dà bēi). Конфуцианство же толкует «Нэй шэн вай ван» (内圣外王 — nèi shèng wài wáng), то есть говорит о внутренней мудрости, совершенстве и великодушии, царственном величии человека. Эти три религиозных учения внесли большой вклад в развитие китайской философии.

В китайской философии существует еще одно важное положение, о котором необходимо упомянуть: оно выражается словами «Жу ши» (入世 — Rùshì, дословно: войти в мир) и «Чу ши» (出世 — Chūshì, уйти от мира). «Чу ши» утверждает, что человеческая жизнь — источник бедствий, человеческое тело — тюрьма для души, жизнь — это обуза, и только смерть может спасти человека от всего этого. Согласно этой философии, человеку необходимо отречься от материального мира, уйти от мирской суеты, отказаться от общества. А «Жу ши» пропагандирует человеческие отношения в обществе, моральные ценности этого мира и не углубляется в вопросы нравственности.

Многие считают, что китайская философия относится к категории «Жу ши», так как в основном, какая бы это ни была философская школа, все прямым или косвенным образом касается общества, политики, нравственности. На первый взгляд, китайскую философию волнует не жизнь в космосе, а общество, в котором проживает народ; не ад и рай, а ежедневные человеческие отношения; не жизнь после смерти, а настоящее, земная жизнь. Но лишь на первый взгляд кажется, что китайская

философия такая простая, легко понимаемая. На самом деле, китайская древняя философия гласит, что недоступные простому смертному великие истины отражаются в жизни простых людей, рождаются в их повседневном бытии. Нельзя однозначно утверждать, что китайская философия относится только к «Жу ши» или к «Чу ши».

Относительно «Нэй шэн вай ван» идет дискуссия: что же все-таки нужнее, правильнее — внутренняя мудрость человека или же внешнее великодушие? Человек должен думать о том, как достичь внутреннего совершенства и каким образом проявлять царственное благородство? То есть что для него важнее — он сам или другие? Чем глубже постигаешь китайскую философию, тем интереснее и значительнее она становится. Главная задача китайской философии заключается в том, чтобы объединить данные противостоящие идеи в единое целое, чтобы они гармонично дополняли друг друга.

Чем нас привлекает Китай?

В Китае сейчас большой поток иностранцев, как молодых, так и пожилых людей, разной расы и вероисповедания. Но чем же Китай нас привлекает? Почему мы, несмотря на перенаселенность этой страны, полны желаний посетить ее?

На уровне правительства отношения, установленные на основе добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между двумя государствами, включают в себя множество вопросов политики и экономики. У простого же народа помимо всего этого существуют и свои личные мотивы посещения Китая. Среди них назовем несколько, актуальных для казахстанцев: шопинг, туризм, лечение.

Сегодня Китай, в силу своих экономических возможностей, производит большую часть потребляемого товара нашей планеты. Даже на американском рынке преобладают товары китайского производства. Для многих название этой страны ассоциируется с понятием «шопинг». Масштаб и вид шопинга в Китае разнообразен: одежда, электроника, бытовая техника, тяжелая техника, строительные материалы, мебель, включая аксессуары интерьера, текстиль и др. Почему же мы сломя голову стремимся ехать в Китай за покупками, когда сегодня в любой стране, включая свою, можно найти все, что пожелаешь? Потому что Китай балует нас не только ценами, но и огромным, богатым выбором. Добавьте к этому еще и обслуживание клиента. Если вы побывали в Китае в больших торговых центрах, которые посещают иностранцы, где совершаются крупные покупки, то, наверное, сами

были свидетелем, как покупателей заманивают чаем и конфетами: для китайских продавцов существует некая установка, идущая с древних времен — «клиент — бог». А это предполагает внимательное отношение к покупателю, побуждает пойти на уступки и не только в плане цен.

У нас, у иностранцев, сложился стереотип о том, что в Китае все дешево. Но несмотря на то, что Китай производит товары у себя в стране, используя относительно дешевую рабочую силу, сегодня с ростом экономики ценовая политика изменилась. Китайские продавцы понимают, что иностранных, в особенности из приграничных регионов, покупателей меньше не станет, поэтому и не идут на большие уступки в цене, как это было в недалеком прошлом. Конечно, это не единственный фактор повышения цен, в целом в Китае жизнь намного подорожала, о чем свидетельствуют не только воспоминания жителей Поднебесной, но и ежегодная статистика. К тому же в нынешнее время плата за транспортировку товара из Китая тоже повысилась. Поэтому, собираясь в Китай за покупками, не забывайте и об этом.

Нелишним будет сказать пару слов о моде. Кому как не нам, девушкам, интересоваться модой! Мода и шопинг для многих девушек — любимое занятие. А Китай — это изобилие стильных вещичек. Находясь в Китае, наверняка любая девушка обзаведется многими аксессуарами. Интересен тот факт, что в Китае сейчас производится большинство товаров известных брендов, вещи (в особенности для девушек), которые во всем мире, включая Казахстан, считаются очень стильными и гламурными. В особенности в юго-восточных районах, таких как Гуанчжоу, Шанхай, очень развито производство товаров модной индустрии. Китай производит и торгует этими вещами, однако надо сказать, что там они таким спросом не пользуются. У китайских девушек свой стиль одежды, преобладают практичность и простота. Я не раз была свидетелем удивления наших соотечественников, которое вызывали скромность и простота их одежды: «Китай одевает всех нас, почему же сам не одевается?». Иногда кажется, что фраза «встречают по одежке, а провожают по уму», популярная в нашем обществе, не совсем подходит для Китая. Конечно, опрятность и чистота всегда важны, но для китайского общества цена и крайне популярный иностранный бренд вашей одежды не имеют особого значения. В Китае скорее будут поддерживать местных производителей. Поэтому в особенности для наших молодых людей, которые отправляются в Китай за знаниями, не обязательно отличаться гламурностью, а лучше больше уделять

внимание учебе, так как авторитет нашего государства за рубежом оценивается не гламуром, а интеллектом.

Времена, когда выезжать за границу было очень сложно, а порой и почти невозможно, прошли. Сегодня мы выезжаем за пределы своей страны не только по работе, учебе, но и для того, чтобы отдохнуть, увидеть мир. Особенно после обретения независимости, в стремлении улучшить свое материальное положение, казахстанцы стали активными туристами. А в последние годы растет число отдыхающих именно в Китае. Большую часть наших соотечественников можно отнести к числу пассивных туристов, которые предпочитают отдых на пляже у моря. Поэтому среди многих казахстанских туристов популярностью пользуется курортный островок Китая Хайнань. И в этом деле наши китайские соседи придерживаются установки «клиент — бог», поэтому отдыхающим здесь будет предоставлено самое лучшее обслуживание, что не оставит туристов равнодушными.

В настоящее время повышается интерес к турам по городам Китая. Казахстанцы, которых интересуют исторические достопримечательности или же современные достижения этой страны, имеют возможность посетить китайские города любым видом транспорта. А с прямыми рейсами в Гонконг, которые совершаются с недавних пор, мечта посетить этот удивительный город стала реальностью. Вот таким образом казахстанцы открывают для себя новый, преобразованный Китай с разных сторон.

Кроме простого отдыха очень популярным становится лечение казахстанцев в китайских медицинских учреждениях. Чем же привлекает лечение в Китае? На самом деле, лечение в Китае не так уж и дешево, однако какой бы цена ни была, оно качественно. Китай на пути модернизации страны целенаправленно развивает высокие технологии. Сегодня многие медицинские учреждения Китая снабжены высококачественным, передовыми медицинским оборудованием, которое используется и при диагностировании, и при лечении. Высококвалифицированные медицинские работники, отличающиеся подлинным профессионализмом, приложат все свои знания и опыт к скорейшему вашему выздоровлению, при этом проявят удивительное внимание и теплоту.

Помимо этого сегодня популярна и китайская традиционная медицина, которая применяет лекарства только на травяной основе. Лекарства готовятся у вас на глазах. Массаж и иглоукалывание тоже пользуются большим спросом. Более и более популярными становятся косметоло-

гические и стоматологические клиники, в которых проводятся различные операции и другие комплексы лечения. Имейте в виду, если вы, находясь в Китае, приболели, скажем, простудились, то врач вам пропишет принимать по 4-5 таблеток за один прием. Не пугайтесь, такова инструкция, зато помогут быстро оправиться от недуга.

Одной из причин активных связей с Китаем является то, что он — наш ближайший сосед, и добираться туда легче и дешевле, чем в другие страны мира. С другой стороны, сегодня мы, являясь людьми, свободными в своем выборе, не ездили бы в Китай, если бы это не доставляло нам удовлетворения, как в плане духовном, так и материальном.

Вместо заключения

Китай был и остается традиционной аграрной страной с многочисленным населением, с традиционным семейным укладом, своеобразной культурой и философией, со своей особой системой ценностей, повлиявшей на многие соседние страны. В своей многовековой истории он прошел все стадии общественно-экономической формации. Страна пережила множество войн, колонизацию, междоусобные конфликты, социальные противоречия, революции, реформы, кризисы и подъемы, расцвет и упадок культуры, духовности, экономическую стабилизацию. Это все лишь общее описание. Однако Китай никогда не останавливался. И маленькими и большими шагами продвигался вперед. От периода протогосударства Шань-Инь до первой централизованной династии Цинь, от Ханьской империи до последней маньчжурской династии Цин, от Китайской Республики до Китайской Народной Республики менялось многое. Сегодняшний Китай, Китай, который знает весь мир, — это быстро развивающаяся страна с полуторамиллиардным населением.

«XXI век — век Китая», вот о чем говорят многие ученые из разных стран, и в чем убежден весь мир. Несмотря на множество внутренних социальных проблем, сегодня Китай является экономически мощной державой, которая активно влияет на экономику всего мира. КНР является постоянным членом Совета Безопасности ООН, официальным членом мирового ядерного клуба. Страны, которые когда-то проводили совещание по делу Китая за закрытыми дверями, теперь вынуждены считаться с Китаем. Страна имеет свой вес в мировом сообществе. Все это результаты не одного года, а многолетний труд и опыт в развитии страны. На этом нелегком для Китая пути были и утопические идеи вождей, которые, как полагалось, должны были вывести страну

из нищеты. Все эти события, так или иначе, были для Китая своеобразным уроком в формировании государственности. Если для Китая провозглашение КНР стало фундаментом нового старта в современное мировое сообщество, то модернизация стала гарантом подтверждения высокого развития.

Модернизация страны — это одна из самых успешных страниц в истории Китая. Именно модернизация приоритетных направлений развития стала движущей силой прогресса страны. Мы видим результаты, которых достигла КНР за три десятилетия. Реформы такого масштаба провести не так просто. И хотя главным теоретиком модернизации был «архитектор китайских реформ» Дэн Сяопин, нельзя не отметить, что в разные годы представители интеллигенции, руководители, революционеры, реформаторы, такие как Сунь Ятсен, Кан Ювэй, Лян Ци-чао, Мао Цзэдун и другие, представляли свои программы по развитию страны, пусть даже они и не были такими успешными.

Однако модернизация проводилась и проводится не по какой-либо установленной, отработанной, готовой модели, а по своеобразной модели с китайской спецификой, которая подходит китайскому обществу. Китай не делает поспешных шагов, за которые плата будет очень дорогой, он делает это осторожно, осмотрительно, внимательно взвесив все ходы. Поэтому и результаты трансформации страны налицо. Вот он сегодняшний Китай! Величественная страна, у которой многому следует учиться.

КИТАЙ, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

**АСЫЛ
Молдир Бакытжанкызы**

С сентября 2011 г. преподаватель кафедры китаеведения факультета востоковедения КазНУ им. аль-Фараби, магистр гуманитарных наук. Победитель «VII международного конкурса «Мост китайского языка» среди студентов» (Казахстан, 2008 г.).

Все мы в детстве читали сказки и нередко в этих сказках встречались с описанием необычных, сказочно красивых стран, которые были полны чудес. Тогда никто из нас, наверное, даже и не подозревал, что на земле и в действительности есть такие страны. А одной из таких загадочных для нас, порой таинственных и полных чудес, была страна под названием «Китай».

Пожалуй, нет страны более своеобразной и притягательной. Китай — страна, унаследовавшая достижения одной из самых развитых цивилизаций прошлого, страна удивительных контрастов. Про Китай можно писать много — про богатую историю, про достижения в экономике, спорте и других направлениях, про изумительную природу, про образ жизни, про людей. В любом случае это страна, которая манит к себе и в которую хочется вернуться, побывав там лишь один раз.

Мир стал маленьким, и в нашу эпоху люди из разных стран имеют все больше и больше возможностей общаться друг с другом. Поэтому все больше и больше иностранцев уже побывали, или каким-либо другим способом столкнулись с древним и быстро развивающимся Китаем. Мое же первое знакомство с Китаем произошло еще в детстве. Как-то я включила телевизор и на одном из отечественных каналов увидела фильм со смешной обезьянкой и ее друзьями: монахом и человеком со свиной головой, которые сталкивались с приключениями на своем пути. Для меня происходящее на экране показалось очень интересным, и я, не отрывая глаз от экрана, досмотрела фильм до конца. Как ока-

залось, это был многосерийный художественный фильм. Так я, будучи еще ребенком, впервые увлеклась сериалами. Каждый день, сидя у экрана телевизора, я вместе с обезьянкой Сун Укун и ее друзьями путешествовала по сказочно красивым местам и открывала для себя совершенно иной мир. Когда я поинтересовалась у родителей, есть ли на самом деле такие места и что это за персонажи, в ответ я услышала от отца: «Возможно, есть, в Китае все есть...».

Для меня в те годы слова «китайский» и «Китай» ассоциировались с дешевыми, некачественными товарами, которыми был заполнен наш рынок. Такое восприятие у меня, тогда еще ребенка, сформировалось в связи с тем, что часто слышала подобные комментарии от своих родителей. Я даже и представить не могла, что страна, которая называется Китай, может быть такой красивой и интересной. Лишь поступив в университет, я узнала, что тот сериал, который я смотрела в детстве с таким интересом, оказывается, был экранизацией знаменитого китайского классического романа «Путешествие на запад». Надо отметить, что в 90-е годы наши экраны были заполнены китайскими сериалами, экранизациями известных романов китайских писателей. Видимо, это было своего рода свидетельством установления дипломатических отношений между КНР и нашим, тогда уже суверенным, государством.

Второе мое соприкосновение с Китаем случилось уже намного позже. Когда я училась в 10 классе, в нашем селе появились «оралманы» (буквально «возвращенцы») из Китая, т. е. этнические казахи, переселяющиеся в Казахстан из других стран. Это была первая волна переселенцев из Китая на свою историческую родину, и село Капал оказалось одним из пунктов их размещения. Таким образом, в нашем классе появилось два новых ученика, которые приехали к нам из Китая. Они рассказывали нам про свою жизнь в другой, для нас незнакомой стране, показывали фотографии и учили китайскому. Все одноклассники, приветствуя друг друга, в шутку вместе с привычным «салам» говорили «ни хау», что на китайском означает «привет».

На меня их рассказы произвели огромное впечатление, и мне захотелось узнать эту страну еще ближе. Так, окончив школу, я поступила на Факультет востоковедения КазНУ имени аль-Фараби и начала изучать китайский язык. В процессе обучения я была поражена тем, как мало я знала о Китае, как СМИ искажают действительность, формируя ложные представления у людей о той или иной стране. На самом деле, Китай — это другой мир, другая цивилизация. Любому казахстанцу, приехавшему в Китай, следует помнить, это — великая страна, богатая

своей древней историей, культурой и традициями. За тысячи лет до н. э. в Китае расцветали города, письменность, наука, культура; китайские мастера поэзии и живописи достигали вершин утонченности и изысканности, какие не смогли превзойти даже гении эпохи Возрождения. За многовековую историю исчезли Вавилон, фараоны, античные греки-римляне, и лишь Китай сохранил свою государственность, свой язык, свою культуру.

Ученые — свет...

Впервые я побывала в Китае в 2006 году. Мне, студентке 2 курса, выпал уникальный шанс пройти годовую языковую практику в городе Ланьчжоу, в центральном городе провинции Ганьсу, на грантовой основе.

Полная энтузиазма и того багажа знаний, который я успела набрать за 2 года обучения в университете, я отправилась в страну, которая меня так давно к себе манила. До поездки Китай представлялся мне страной бескрайних рисовых полей, на которых, согнувшись, копошатся, как муравьи, китайцы в круглых соломенных шляпах. И уж никак не ожидала, что Китай развивается такими семимильными шагами. Так разрушился мой первый стереотип о Китае. А со сколькими мне еще предстояло расстаться...

Мой путь в «страну дракона» начался с отправления международного автобуса с автовокзала «Сайран» по маршруту Алматы — Урумчи. Помахав рукой родителям и родным, которые пришли меня проводить, я удобно расположившись, начала разглядывать своих попутчиков (как-никак ехать мне с ними предстояло целые сутки и нужно было найти хоть кого-то, с кем можно было побеседовать). В основном это были «челноки», которые направлялись в Урумчи за товаром. Рядом со мной сидела девушка, которая ехала туда к друзьям. Из ее рассказов было понятно, что она едет в Китай уже не первый раз и хорошо знакома с этой, для меня пока совсем чужой и непонятной, страной. Узнав, что я еду в Китай на учебу, да еще и впервые выбираюсь за рубеж, она взяла на себя роль старшей сестры и начала рассказывать мне про саму страну, про ее жителей. Ее рассказы для меня были очень увлекательны, и дорога показалась короче. Она помогала мне в дороге буквально во всем: в переходе границы на Хоргосе, в обмене денег, при заказе еды в кафе (хотя китайский я и знала, но уйгурского не понимала). Перейдя границу и пообедав в одной из приграничных столовых, мы продолжили свой путь.

Мне казалось, что после того, как мы переедем границу, перед моим взором откроется нечто необычное, но все, что я видела, было мне довольно хорошо знакомо: виноградники, бескрайние просторы, дома, ничуть не отличающиеся от наших. Дорога пролегла через горную местность и казалось, что я еду не по чужой стране, а по Казахстану. Лишь к вечеру, когда мы начали проезжать мимо ветряных электростанций и рисовых полей, я, наконец, убедилась в том, что мы в действительности едем по Китаю.

Рано утром автобус прибыл в город Урумчи. Первая остановка была у гостиницы «Бяньцзянь». Как оказалось, многие из тех, кто впервые приезжает в Урумчи, за товаром или просто путешествовать, останавливаются в этой гостинице. А все по причине того, что гостиница располагается в так называемом «русском» районе, где находятся базары, ради которых «челноки» и многие туристы и приезжали. Не успела выйти из автобуса, как сразу оказалась в окружении так называемых «помогаек», местных жителей, которые знают русский или же казахский языки, предоставляя услуги переводчика и гида. Видимо, у них заработок небольшой, и чтобы хоть как-то улучшить свое финансовое положение, они в свободное от работы время сопровождают иностранцев по городу. Есть такие, для кого это стало основной профессией.

Еле отбившись от назойливых «помогаек», соседка моя помогла мне устроиться в гостинице, и, сделав некоторые наказания, попрощалась со мной и уехала со своими друзьями. Оставив вещи в номере гостиницы, я спустилась на ресепшн, чтобы спросить, где находится ближайший обменный пункт, так как мне еще нужно было купить билет в Ланьчжоу, конечный пункт моей поездки, а денег, которые я разменяла на границе, не хватало. Каково же было мое изумление, когда я узнала, что в Китае нет обменных пунктов, и деньги у них меняют только в банках.

Но и не все банки в Китае уполномочены менять валюту — найти обменник в городе было непросто. Как правило, обменники есть в Bank of China, Bank of Beijing, иногда в Agricultural Bank. Нужно отметить, что обмен денег в банках — не такая уж быстрая процедура, сопровождаемая заполнением бланков. В китайских банках вам деньги не разменяют, если вы при себе не будете иметь документа, удостоверяющего личность.

Обменяв, наконец, нужную мне сумму денег в одном из банков и купив билет на ближайший рейс в Ланьчжоу, я вернулась в гостиницу, чтобы хоть немного отдохнуть от проделанного пути. Вечером, за 2

часа до рейса, я взяв свои чемоданы, отправилась в аэропорт. Стоя на обочине дороги с поднятой рукой, я никак не могла понять, почему все машины проезжают мимо. Неужели никому не нужны деньги? Лишь позже, пробыв в Китае некоторое время, я узнала, что здесь извозом занимаются только специальные такси, с которыми, в принципе, проблем не бывает: оплата производится по счетчику, посадка — за фиксированную сумму, но сумма в каждом городе разная, а остальное по километражу.

Итак, я наконец-то поймала желанное такси и с гордостью сказав таксисту «Во иаучюйцзичан», что означало «Мне нужно в аэропорт», и счастливая от того, что китаец меня понял, я удобно расположилась в такси. Это была моя первая поездка по китайским дорогам и первое знакомство с дорожным движением Китая (которое, если говорить честно, меня в начале несколько поразило). После недолгого наблюдения за движением на дороге, поняла, что наши водители, в отличие от китайских, ведут себя иначе. А дело вот в чем. Поведение китайцев на дороге, как водителей, так и пешеходов, поражает тем, что они массово игнорируют правила дорожного движения и ведут себя непредсказуемо. Удивительно то, что граждане, достигшие таких колоссальных успехов в деле модернизации страны, не приучены к порядку на дорогах. Но этому есть объяснение: даже в таком хаосе китайцы умудряются не причинять друг другу вреда. Нет аварий, хотя нарушают правила многие. Они уважают друг друга, уступают и не создают помех. При этом на дорогах редко увидишь представителей дорожной полиции.

Самые неорганизованные — это пешеходы. Они переходят улицу не в специально отведенных местах, а там, где им удобно, вообще не обращая внимания на движение машин. Китаец не боится быть сбитым, он может переходить дорогу по диагонали, разговаривая по мобильному телефону и даже не оглядываясь. Велосипедисты могут ехать по встречной полосе, совершенно не опасаясь встречных машин. Шофер всегда притормозит и никогда не станет кричать на этих людей. А сам водитель спокойно может ехать на красный свет или в тот момент, когда пешеход идет по «зебре», и последний также без всякого возмущения его пропустит. Спокойствие китайских водителей — вот чему нужно научиться нашим. Как бы ни нарушались правила дорожного движения, они всегда невозмутимы.

Изумленная от лихачества водителя и немного напуганная, я хотела побыстрее оказаться в аэропорту. И вот благополучно пройдя регистрацию, я оказалась в зале ожидания. Здесь-то я и ощутила себя

по-настоящему в Китае. Вокруг были только китайцы, которые громко разговаривали, будто о чем-то спорят, и была слышна только китайская речь. Ни одного европейского лица среди всей этой толпы я не заметила. Наконец объявили посадку на рейс. Через полтора часа полета мы приземлились в местном аэропорту. Каково же было мое изумление, когда в окне иллюминатора вместо города я увидела только пустые просторы. Первый вопрос, возникший в голове, был: «А где же город?». Оказалось, что аэропорт от города Ланьчжоу расположен довольно-таки далеко — в 70 км, так как вокруг города нет открытых площадок для приземления самолетов. Невозможно передать, как я обрадовалась, когда увидела огни города, подъезжая к нему. Таким образом, проведя в дороге около полутора суток, я, наконец, добралась до пункта своего назначения!

Ланьчжоуский университет, куда я и держала свой путь, был основан в 1909 году и в рейтинге вузов страны стоит на передовом месте. Я слышала от своих преподавателей, что образование в этом университете хорошее, но сам город взор туристов и иностранцев не ласкает. Преподаватели, которые были в этом городе, нам рассказывали о песчаных бурях и промышленном загрязнении города, рассказывали о низком уровне жизни населения. Хотя я и столкнулась с природными катаклизмами, о которых нам говорили преподаватели, развитие города меня приятно удивило. Вообще Ланьчжоу — это, по китайским меркам, небольшой промышленный город, расположенный на берегу р. Хуанхэ. И хотя для нас его население покажется очень большим, это примерно больше 3 млн. жителей, для Китая он — не густонаселенный город. Следуя плану общего развития страны, Ланьчжоу тоже стремительно шагает вперед. Несмотря на то, что прожила в этом городе всего лишь год, я стала свидетелем того, как город меняется на глазах. Но сейчас разговор не об этом.

После того, как я прошла регистрацию в отделе по международному обмену, прибыла в кампус Ланьчжоуского университета для заселения в общежитие. На фоне наших общежитий мне сложно называть китайское общежитие для иностранцев тем же словом. То место, куда меня поселили, является, скорее всего, комфортабельным отелем. Мне выделили двухместный номер со всеми удобствами.

Первое время было очень непросто — я переживала языковой шок. Я попала в совершенно чужой и незнакомый мир, где ощущала себя кем-то вроде инопланетянина, не понимающего ни единого слова в потоке многочисленных голосов. Через неделю-другую я успокоилась,

приняв как факт: то, чему нас учили в университете — это теория, а практику нужно нарабатывать здесь. Все преподаватели в Ланьчжоуском университете — само собой, китайцы. Многое из услышанного я поначалу даже не понимала. Но не стеснялась, переспрашивала, и мне терпеливо объясняли. Не только преподаватели, но и студенты-китайцы. В этом смысле они очень отзывчивые, и мы общались с обоюдным удовольствием.

Кстати, не одни мы — студенты из Казахстана — были в университете иностранными студентами. Учились там ребята из Кореи, Японии, Германии, Соединенных Штатов, Англии, Франции. Мне кажется, японцам и корейцам учеба давалась легче. Быть может, оттого, что они более дисциплинированные и нацеленные на результат. Студенты, которые обучались в этих странах китайскому языку, чтобы получить диплом, должны были сдать тест на знание китайского языка HSK. Не сдавшие, естественно, диплома не получали. Поэтому среди всех иностранцев студенты из Кореи и Японии были самыми усердными.

Организация учебного процесса в Китае для студентов-иностранцев очень простая. Студенты распределяются по группам, соответствующим их уровню знания китайского языка. В начале семестра предоставляется возможность посетить несколько групп, чтобы определить для себя наиболее удобный и подходящий уровень. Занятия проходят ежедневно с понедельника по пятницу с 8.30 до 12 часов. Как правило, до обеда студенты изучают основные обязательные предметы, а после обеда — предметы по выбору. В отличие от привычной нам системы преподавания, когда преподавание по учебнику считается дурным тоном, и учитель старается рассказать как можно больше по новой теме, китайцы не отступают ни на шаг от содержания учебника. Порой это скучновато, но, с другой стороны — удобно: если пропустишь занятие, то достаточно узнать у сокурсников номер урока по учебнику. Иностранные студенты в Китае окружены заботой и вниманием. Отношение профессорско-преподавательского состава к ученикам напоминает отношение к собственным детям.

Месяца через два-три я уже довольно сносно общалась на китайском, а к концу своей годовой практики чувствовала себя в Поднебесной как рыба в воде. Очень не хотелось уезжать. Как-то слишком быстро пробежал этот год. Это было хорошее, насыщенное событиями, пережитыми эмоциями, время.

Студенческая жизнь в Китае настолько разнообразна, что ее невозможно сравнить с чем-либо еще. Разные по возрасту студенты, различ-

ные города и, конечно, множество стран, которые даже самый хороший географ начинает узнавать снова! Вне учебного процесса любой студент старается по максимуму насытить свои будни, полностью отвлечься от учебы и отдохнуть. Мы жили счастливо и беззаботно, как, наверное, все студенты. Учеба была не единственным занятием. После занятий мы были свободны как птицы. Гуляли в парках, по вечерам ходили в клубы, общались и знакомились со студенческой жизнью китайцев.

Что такое студенческая жизнь китайцев? Китайские студенты стелы не расписывают, учатся усиленно, допоздна сидят в аудиториях, а с утра на пробежки — как-никак коммунистический строй. Так как у них самое большое население, то и конкуренция большая. Чтобы выбиться из такого огромного количества, студенту приходится много работать. Китайские студенты спиртного почти не пьют. Предпочитают играть в баскетбол и сидеть в интернете. Старшее поколение — непрекаемый авторитет, и против этого никто не бунтует. Ночная жизнь китайским студентам не положена, но ее не препятствуют вести иностранцам, которых в Китае хоть отбавляй. Многие китайские студенты стремятся общаться с иностранцами, чтобы иметь возможность практиковать английский язык, и охотно помогают им с освоением китайского.

За время учебы в Китае я узнала очень многое. Каждый раз, когда видела что-то для себя новое, то невольно сравнивала с нашей страной. Как я заметила, отличий между нами много: отличий больших и малых, шокирующих и забавных, бросающихся в глаза и тех, что не видны с первого взгляда. То, что я узнала за время пребывания в Китае, — это только вершина айсберга.

Я была несколько раз в Китае. Посещала страну после учебы — во время проведения конкурса «Мост китайского языка» и на исследовательской практике по программе магистратуры. Итак, давайте начнем знакомиться со «страной дракона», с многоликим Китаем и его необычными жителями.

Ужасно интересно все то, что неизвестно...

Иностранцу, не знающему китайский язык и оказавшемуся в провинциальных, маленьких городах, придется нелегко в общении с местным населением. Все это потому, что большая часть китайцев не говорит по-английски!! Язык жестов они также не понимают, он здесь другой. Друг друга они также не всегда понимают, так как в китайском

языке много диалектов. Китайские диалекты в целом обладают единым грамматическим построением и словарным составом, но вместе с тем есть существенные фонетические расхождения, касающиеся как звукового состава, так и системы тонов. В школах преподают путунхуа — государственный язык Китая, язык современной китайской общественно-политической, научной и художественной литературы. Иероглифическая письменность едина для всех диалектов. Поэтому, если устно понимания достичь никак не получается, пишут иероглифы. Хотя не все китайцы сами умеют писать и читать иероглифы, не знают многие иероглифы, в чем я наглядно убедилась. Как-то в Пекине мне нужно было доехать от гостиницы до офиса-представительства «Эйр Астаны», чтобы купить билет. Я поймала такси и таксисту показала визитку с адресом офиса продаж «Эйр Астаны». Таксист мне заявил, что он не умеет читать и попросил меня прочитать указанный на визитке адрес. Но что странно, не умея читать, тот таксист знал улицы города очень хорошо.

Хочу сказать пару слов о местных жителях. На вопрос “Что трудно?” древнегреческий мудрец Фалес ответил: “Знать себя”. Всегда проще в нескольких фразах охарактеризовать другого человека, чем верно описать себя. И проще составить поверхностное представление о чужом народе, чем сформулировать в нескольких словах собственное понимание своего народа. О людях и вещах проще судить со стороны. Все, что принадлежит нам, мы принимаем как само собой разумеющееся. Все, что находится за пределами нашей территории, мы оцениваем и судим. Но я не берусь оценивать китайцев, я лишь расскажу то, что видела за время учебы.

Китайцы иногда напоминают сущих детей, в чем-то наивных до глупости и добрых до глупости, иногда жестоких не со злобы, а от незнания. По уровню культуры китайцы встречаются совершенно разные. Меня удивляет, что местные жители, сидя в компании в ресторане, могут есть, беседовать и курить, сбрасывая пепел прямо на пол. Докурив, бычок тушат об стул и бросают на пол. Шелуху от семечек в кафе тоже всегда бросают на пол. Так как я побывала и в провинциальном городе и в столице страны, то убедилась, что люди в разных местах ведут себя по-разному.

Есть еще несколько причин, по которым мое представление о китайцах, как о больших детях, только укрепляется.

Начну с того, что любой, даже что ни на есть захудалый праздник превращается здесь в нечто шумное и порой даже страшное зрелище.

Положа руку на сердце, скажу, что такого количества разного рода хлопшек-погремушек и «взрывашек» я не видела нигде и никогда. Особенно Новогодняя ночь по восточному календарю, которую китайцы называют Праздником весны, становится похожей на «оборону Сталинграда» и «взятие Берлина» одновременно.

Одеваются китайцы ярко, броско, как дети, вешают на дома цветные фонарики, спорят громко и с чувством. И нет в Поднебесной ни чрезмерных условностей, ни чрезмерных формальностей. Так как в Китае одеваются довольно обычно, не стоит брать с собой нечто особенное и экстравагантное. То, что для нас норма, для китайца непонятно. То, что для них норма, нас шокирует. Например, у нас на улицах вы не увидите людей, одетых в пижамы. Для них главное — это чтобы одежда была удобная, а куплена она в модном бутике или же где-нибудь на рынке, значения не имеет. Даже в жаркую погоду женщины носят чулки, по этикету не принято показывать голые ноги. Что еще удивляет, так это то, что китайские детишки памперсы не носят. У них штанишки с прорезью. В том, насколько это удобно, есть сомнения, но опрелостей точно не будет.

Интересное наблюдение. Дело было в октябре, и температура воздуха опустилась до +15+20 градусов. Видимо, для китайцев наступила холодная осень, и они оделись, тепло оделись, — в пальто, куртки, шарфы и сапоги. Но детей как одевали в штанишки с прорезью, так они и продолжали ходить, несмотря на то, что себя родители уже осеннему укутали.

Китайцы рано встают и рано ложатся. В 6-6.30 утра в парках полно народу, в основном пенсионеры, которые делают зарядку под медитационное, умиротворяющее музыкальное сопровождение, занимаются на тренажерах, коих предостаточно в каждом парке, бегают, играют в настольный теннис, бадминтон. Танцуют группами под барабан и литавры, держа в руках веера, или носовые платочки. Рядом танцуют другие, имитируя бой на мечях. Молодежи утром практически не видно. Днем пенсионеры в тех же парках собираются в группы по интересам — кто играет в шахматы, шашки, карты, кто вяжет, кто поет, кто танцует. По вечерам любят танцевать — тут уже контингент всех возрастов. Собираются на площадях, в парках и танцуют — кто вальсирует в парах, кто ритмично, быстро и синхронно танцует свои традиционные общественные танцы. Видимо, популярные мелодии, популярные движения, так как все знают, как и в какой момент надо повернуться, закрутиться в танце. Есть даже специальные места для

танцев, где собираются одинокие и заводят знакомства друг с другом. Но самое яркое зрелище — это, конечно, удивительные традиционные китайские танцы — с веерами, в национальных костюмах, под живую национальную музыку.

Все китайцы с детства до глубокой старости занимаются физкультурой. Они делают это не из-под палки, а вдохновенно, испытывая какую-то огромную внутреннюю потребность в движении. Глядя на активных и подвижных китайских пенсионеров, я часто вспоминала наших пожилых людей и думала: почему для многих из них велосипед — детская забава, а выход на стадион приравнен к самоубийству? Неужели у нас и менталитет какой-то особый, и кровь как-то по-другому гуляет по организму, не так, как у китайцев? Почему не можем мы активно противостоять старости, а лишь жалуемся друг другу на болезни? Есть, конечно, исключения, но я говорю о большинстве. А может быть, стоит кое-чему у китайцев поучиться?

Что еще примечательно — независимо от возраста все мужчины отращивают длинные ногти на мизинцах. Зачем? Не понятно. Когда у них у самих спрашиваешь об этом, то у каждого свои объяснения: кто-то говорит, что это показатель того, что мужчина свободен и не женат, кто-то же объясняет это удобством поковыряться у себя в ушах.

Китайцы — трудолюбивый народ, который бережно относится к своей тысячелетней истории, традициям и культуре, чему не мешало бы и нам поучиться. Они добры и отзывчивы, готовы помочь тебе всегда. Что еще удивляет, я не встречала там зависти. На все новое реагируют как малые дети. Они не комплексуют из-за внешности, не стесняются каких-то естественных факторов. Китайцы умеют жить долго и счастливо. Они очень улыбчивы. Нахмуренных злых лиц там почти не увидишь. Ни в транспорте, ни на улице, ни в магазине. Они сказочно, фантастически приветливы — даже к незнакомым людям. Они терпимы и снисходительны к чужим недостаткам, умеют прощать слабости и ошибки. Видимо, стать добрыми и мудрыми китайцев заставила жизнь: они вынуждены были веками существовать «в тесноте». И для того чтобы выжить, им пришлось научиться не обижать друг друга. Что не помешало бы и нам.

Делать покупки в Китае не только выгодно, но и приятно: обходительное обслуживание, хорошее качество товаров. Вообще считается, что Китай — дешевая страна. Всем известно, что эта страна является мировой фабрикой товаров народного потребления. Но в ней все же есть три дорогих пункта — недвижимость, высшее образование (плат-

ное) и медицина (платная). Все остальное недорого и даже дешево. На технику не надо особо рассчитывать, цены — как у нас, как ни странно. А вот телефоны, всякого рода аксессуары и тому подобное — дешевые. Не стоит никогда забывать о том, что везде надо торговаться — нужно добиваться хоть небольшой скидки. Главное — производить впечатление уверенного и знающего человека. В магазине, где на товарах есть ценники, цена не может быть изменена по вашему желанию, но если вы покупаете вещи на рынке или в магазинчике, где цена на товар не указана, то можно торговаться. Обычно они сначала назначают двойную, а иногда даже тройную цену, как минимум. Называйте свою цену и уходите. Вас будут хватать за руки и уговаривать. Тут кто кого переупрямит. А для китайца нет ничего хуже, чем залежалый товар, поэтому они готовы продать все, если это у них купят. Как-то друг меня учил искусству торговаться с китайцами, он сообщил мне свою некую формулу удачного или же неудачного торга. А суть, по его мнению, заключалась вот в чем: если после торга китаец отдает тебе вещь с улыбкой на лице, значит, он все же свою выгоду имеет, ну а если же после торга он недовольно и раздраженно отдает тебе вещь, значит, ты ее приобрел за неплохую цену.

Особый интерес вызывают скидки в магазинах. Скидки в китайских магазинах представлены в непривычной для нас системе. Когда на ценнике стоит 10%, 15% и 20%, мы понимаем, что вещь стоит соответственно на 10, 15, 20% дешевле. В Китае скидку пишут так: 9 — это 10% скидки, 8 — это 20% скидки; 8,5 — это 15%. То есть пишут ту часть стоимости, которую вы должны оплатить.

Что касается продовольствия в китайских продуктовых магазинах, так это вообще отдельный разговор.

Поход в китайский продуктовый магазин — это целое путешествие. И что сразу бросается в глаза, так это огромный ассортимент и низкие цены. Многочисленные пакетики, баночки, коробочки, исписанные иероглифами и с совершенно загадочным содержанием. Рис, каких угодно сортов, мешками. Рис в Китае употребляется вместо хлеба. Хлеба как такового нет вообще. Булочки, пончики, пампушки выпекаются в основном не из пшеничной, а кукурузной и рисовой муки. Рис настолько прочно вошел в китайскую кулинарию, что из рисовой муки делают даже пирожные и конфеты. В нашей стране мне никогда не приходилось видеть ничего подобного.

Витрина с лапшой в китайском магазине, как маленькая Китайская стена, — почти бесконечная. Количество сортов на пальцах не сосчи-

тать, выбирай на любой вкус. Это у нас китайская лапша с говядиной, а в самом Китае она и с курицей, и с грибами, и со свиной, и с разнообразными вкусовыми добавками, да и сама лапша тоже делится на рисовую, пшеничную и т.д. Витрина с яйцами больше, чем просто большая. Тут около 20 разновидностей яиц от разных производителей. Поле яиц разных цветов и размеров. Мясо в Китае — это на 80% — свинина. И на 15% — курица. Другого не дано. Во всех китайских магазинах продается много продуктов, которые невозможно идентифицировать с нашими. Я не могу точно сказать, какие из них вкусные. Но я точно знаю, что покупать не стоит. Например, любимейшее китайское лакомство, такое как мясные конфеты. Они режут говядину мелкими кубиками, затем вялят ее и обмакивают в сахарную пудру! И заворачивают в красивые блестящие фантики с рисунком коровы на обертке. Или же мороженое со вкусом диковинных китайских фруктов и овощей. Я была несколько удивлена, когда увидела мороженое, сделанное из гороха. Также есть запаянные в полиэтилен куриные лапки. Они бывают солеными, перчеными, копчеными, жареными, вареными, тушеными и еще какими угодно.

Еда в Китае — на любителя, причем подготовленного любителя. Не каждый желудок выдержит испытание постоянной сменой или смесью соленого, сладкого, кисло-сладкого, острого и очень острого. В любом случае местная еда — интересна и разнообразна. Есть определенный график работы ресторанов для клиентов, как в некоторых европейских странах. Позавтракать можно до 9 часов утра, обед — с 12 до 14, ужин — с 18 до 21, в остальное время может оказаться проблематичным полноценно поесть, так как идет смена от завершения одного этапа еды до подготовки к другому. В ресторанах часто можно увидеть крутящиеся столы, чтобы каждый сидящий за столом мог отведать все блюда. Вилки и другие столовые приборы отсутствуют, если это действительно китайский ресторан, а не адаптированный, для европейцев. С палочками обращайтесь осторожно и никогда не оставляйте их в своей тарелке: китайцам это напоминает палочки для благовоний во время поминок. В ресторанах стол сервируют специальными керамическими подставками для палочек. Втыкать их в рис — дурной тон. Кроме этого, вместо глубоких тарелок для жидких блюд, подают пиалы и небольшие керамические ложечки к ним. Что касается кухни, то такого обилия растительной пищи, как в Китае, я не видела нигде. Вегетарианцем, наверное, здесь быть не трудно. Кроме белковой есть масса всевозможной, похожей и не похожей на нашу, раститель-

ной пищи. Но что интересно, китайцы совсем не пьют молока, кроме соевого, которое употребляют в больших количествах. Молочные продукты как таковые есть, но только в виде специально заквашенных йогуртов. А также китайцы не едят такие молочные продукты, как сливочное масло, сметану, плавленые и твердые сыры. Мало едят колбасы и всяких копченостей, консервы увидишь очень редко. Здесь не часто встретишь толстых людей, хотя едят достаточно много. Да и порции у китайцев не маленькие.

Правда, с появлением «Макдоналдсов» и «KFC» детей школьного возраста начали ставить на весы, и если вес ребенка больше допустимой нормы, его направляют в пионерский оздоровительный лагерь. Там детям с избыточным весом читают лекции о правильном питании, дают усиленные физические нагрузки и объясняют, что кушать хорошо, а что плохо. В гостинице, где я остановилась, когда была в Пекине, на одном этаже со мной жили ребята, приехавшие как раз в такой лагерь. Среди них не было ни одного ребенка, которого можно было бы назвать таковым, это были настоящие гиганты с большими массами тел. Каждое утро они собирались и ходили в тренажерный зал, а после обеда гуляли пешком по окрестностям. Учителя запрещали им кушать всякие снеки, и по лицам этих детей было видно, как они были бы рады даже маленькому кусочку какого-нибудь гамбургера или пиццы.

Если едете в Китай, то главное блюдо, которое вы должны непременно попробовать, — это, конечно же, «утка по-пекински». В наших местных китайских ресторанах тоже подают это блюдо, но утка, которая подается в самом Пекине — в знаменитом ресторане «Цюаньцзюйдэ», останется в вашей памяти надолго. Очень интересно подается к столу это блюдо. Это целая церемония. Утку к вашему столу на блюде и на небольшой тележке привозит повар. На его лице всегда будет марлевая повязка. Большим ножом он сначала вскрывает утке брюхо и выпускает из нее масло на блюдо. Потом начинает нарезать кусочками саму птицу. Нарезка помещается на два, в общем-то, небольших блюда. В ней нет никаких костей, одно мясо. После того как вы испробуете мясо, на блюде подаются кости, а в конце подают бульон, сваренный из тех костей, которые вам преподнесли на стол. Таким образом, из одной утки китайские повара умудряются приготовить несколько блюд.

Что для меня еще было примечательно, так это то, что в Китае отсутствуют специальные мастерские по ремонту обуви. Может где-то, в каких-то городах и есть специальные места-мастерские, но я их не видела. Все, что я видела, — это небольшие передвижные мастерские

на открытом воздухе. Каждое утро мастера расставляют свои зонтики и выгружают на асфальт несколько тумб с материалами и инструментами. Выложив из саквояжей все необходимое для работы, они обычно садятся на свои стульчики в ожидании клиентов. Зарабатывают мелким ремонтом велосипедов и одновременно ремонтом обуви. При этом заказчик не оставляет свою обувь для ремонта, а сидит тут же рядом на маленький низкий табурет, разговаривает с мастером и ждет завершения ремонта. Среди таких мастеров можно увидеть не только мужчин, но и женщин.

Страна невиданных красот

Все мы знаем, что Китай — уникальная страна, которая издавна славилась своими великими личностями и великими достижениями. Это цивилизация, породившая замечательных героев, оставившая большое количество памятников культуры, подарившая миру множество научных открытий и духовных основ. Великая Китайская стена, бывший Императорский дворец Гугун, гора Цзиншань, парк Ихэюань, долина Гробниц, храм Неба и еще сотни памятных мест — все это Китай, великая Поднебесная Империя, которая была колыбелью восточной культуры и искусства, научных мыслей и философии. Это — родина чая и шелка, пороха и рецептов долголетия. Многовековое наследие страны не оставит равнодушным любого, кто побывал в этой Великой державе!

В июне 2008 года я, как победитель республиканского конкурса по китайскому языку, проводимому среди студентов вузов Казахстана «Мост китайского языка», поехала в Китай, чтобы принять участие в международном конкурсе уже в самой стране-организаторе. Первым пунктом моей поездки был город-столица Пекин. Здесь организаторы устроили трехдневный тур для участников конкурса. Так как мы оказались в Пекине в преддверии Олимпийских игр, то главные игры четырехлетия определили содержание программы нашего пребывания в Пекине. Мы посетили Олимпийский центр, осмотрели новые стадионы и сооружения и, конечно же, побывали на известной всему миру Великой Китайской стене, протянувшейся через северный Китай на несколько тысяч километров.

Тогда-то и состоялось мое первое посещение Великой Китайской стены, где, преодолев огромное количество ступенек, я маркером на стене написала свое имя, обещая когда-нибудь вернуться. Ни одна кар-

тинка или видео не передадут ощущения грандиозности и древности, которые накрывают тебя волной при виде этого творения. Отреставрированы лишь несколько участков стены, куда каждый день в любую погоду стремятся тысячи туристов со всего мира. Ехать сюда от Пекина примерно 70 км, это полтора часа езды на автобусе. В городе очень много туров, которые предлагают посещение восьмого чуда света, и по цене они очень разнятся. Если вы предпочитаете тур со всеми удобствами, то и выложить вам придется побольше денег.

Протяженность Великой стены по разным оценкам от 6 до 8 тысяч километров. Строить Стену начала династия Цинь в 3 веке до н. э. для защиты от кочевников. Миллионы людей годами выкладывали камень за камнем, используя для скрепления блоков клейкую рисовую кашу с известью. Тех, кто умирал, замуровывали прямо в кладку. Стену, в прямом смысле слова, строили на костях. Для пущей неприступности ее возводили в основном по гребням хребтов. Даже сверху стена выглядит величественно. Говорят, ее видно даже из космоса.

Подниматься по стене не так уж просто: крутой подъем, высокие ступени, сужающиеся кверху. И все же... Пусть с тебя льется пот ручьем, но улыбка не сходит с твоего лица, потому что ощущение прикосновения к тайне веков, величие природы настолько вдохновляют, что ты не замечаешь усталости. У меня не было таких ощущений даже тогда, когда я посещала терракотовые войска императора Цинь Шихуана в провинции Шаньси во время языковой стажировки. Возможно, ждали чего-то слишком необычного, а может быть, закрытый павильон, в котором находится войско, и подиум, откуда идет осмотр, не дали почувствовать всей масштабности этого чуда. А вот со Стеной все по-другому.

На память о восхождении можно получить сертификат, свидетельствующий о том, что ты взшел на великое чудо света.

Стоит отдельно сказать про пекинский океанариум и зоопарк. Вернее, рассказать о них невозможно. Их нужно увидеть. Здесь я увидела настоящих панд! Это было одним из самых ярких впечатлений в моей жизни, ведь эти панды необычайно красивые и просто гигантских размеров. Да и зоопарк потрясает воображение своими размерами и тем, что животных можно кормить, ты их видишь не за решетками, а вот так, близко. Сравнивая с нашим зоопарком, хотела бы отметить принципиальную разницу. В Китае звери не кажутся несчастными, у них свои большие территории, есть даже сафари — правда, маленькое. В зоопарке работает фуникулер, который пере-

везет вас через сопку на другую сторону зоопарка, где расположен ботанический парк с водопадами. И там совсем не пахнет так, как пахнет в нашем зоопарке. Везде все ухожено, подстрижено и очень чисто. Есть и пруд, и детские аттракционы, и огромная территория просто для прогулок.

Пекин — это не только столица Китая, это еще и город, полный контрастов, город-музей, где сохранились памятники архитектуры и культуры. В Пекине мы посмотрели Площадь Небесного Спокойствия-Тяньаньмэн, Запретный город — дворец Гугун, Храм Неба Тяньтань. Очень понравился Летний императорский дворец — парк Ихэюань. В Пекине есть еще много удивительного, но, увы, познакомиться со всеми его достопримечательностями мне не удалось, ведь в столице зарегистрировано более 7300 памятников культуры. Однако мне выпал шанс почувствовать олимпийскую атмосферу в Пекине.

Люди, которые раньше бывали в этом городе, говорят, что произошедшие в последнее время изменения в Пекине — очень значительны. И хотя я оказалась в этом городе впервые, даже для меня контраст был очень заметен. Быстрыми темпами развивается экономика, появляется все больше и больше новых зданий с современным дизайном. Когда я в первый раз увидела терминал Т3 аэропорта «Шоуду», я была поражена этим современным и великолепным сооружением. Раньше я слышала об аэропортах-городках, где можно бродить часами, но не думала, что увижу такое в Пекине.

Степень интернационализации Пекина увеличивается с каждым днем, но в нем также бережно сохраняются древние исторические памятники. Сочетание исторических традиций и атмосферы многонационального города придает Пекину уникальный шарм и очарование, что мне очень понравилось. В Пекине можно воочию увидеть контрасты, свойственные, пожалуй, только Китаю, где сверкающие небоскребы мегаполисов соседствуют с хутунами, маленькими переулками с традиционными китайскими домами-сыхэюанями.

Следующим пунктом нашего турне был «город влюбленных» Ханьчжоу. Почему я называю этот город «городом влюбленных»? Потому что в городе сохранилось очень много мест, связанных с любовными историями. Самая знаменитая из них — это история, связанная с озером Сиху (Западное озеро), повествующая о любви китайского юноши и его возлюбленной Белой змеи, которая, приняв ради любимого человеческий облик, жила среди людей. Каждое место у озера Сиху связано с этой красивой историей любви.

Ханчжоу — очень зеленый город. Согласно китайской поговорке, «если хочешь быть счастливым, нужно родиться в Сучжоу, а жить в Ханчжоу». И это ничуть не преувеличение. Город на самом деле очень красив и полон живописных уголков природы. Даже на одной из китайских банкнот изображен пейзаж, срисованный с одного из этих мест. А если точнее — это «три лунные заводы», местечко, расположенное на крупнейшем из трех островов озера Сиху. Три каменных пагоды, имеющие форму тыкв-горлянок, высятся над водной гладью. Эти пагоды были установлены в минскую эпоху. Как нам рассказал гид, в стенках пагод просверлены пять круглых отверстий.

В праздник Середины осени внутри пагод зажигают светильники, свет от которых, пройдя сквозь отверстия и отражаясь в воде, создает впечатление многочисленных разбросанных по воде отражений луны. Наверное, это очень красивое зрелище. Но, увы, мы не смогли стать свидетелями этого, так как наша поездка была в середине лета, а до осени было еще далеко.

Мы побывали на множестве экскурсий. Особенно запомнился поход на «шелковую» фабрику и визит в деревню, где выращивают знаменитый сорт китайского чая «лунцзин». Я и подумать не могла, что из маленького кокона шелкопряда пряжи может хватить на целое одеяло, а сам натуральный шелк бывает настолько нежным. Сам шелк, в зависимости от плетения, может быть таким тонким, что платок, сотканный из него, можно протянуть через кольцо, а может быть и очень плотным, и из него можно даже теплую одежду сшить. Я собственными глазами увидела рукотворные красоты удивительных и необычных чайных плантаций. Оглядывая эти просторы, многоярусные чайные плантации, понимаешь, что выращивание чая — тяжелый труд.

На самом деле, чай — это отдельная культура со своими правилами и обычаями. В Китае выращивается огромное количество разных сортов. Чай можно хранить около двух лет, желательно в холодильнике, в первую очередь это относится к вскрытой упаковке. Сбор чая происходит весной — с марта по май. Мартовский чай считается самым лучшим, цена на него может достигать нескольких тысяч юаней. Следует иметь в виду, что цена обычно указывается за 500 грамм (это если в развес), для дорогих сортов чая цена указывается за 50 грамм.

Много удивительного и интересного можно еще увидеть и узнать в Китае, так как эта страна подобна сказочному сундуку, который в себе хранит много нам неизвестного. Каждый город, каждое место в Китае связаны с историей этой страны и имеют свое значение. Куда бы вы ни

поехали и что бы вы ни увидели, во всем можно открыть что-то новое и интересное для себя.

В заключение хочу сказать, пусть я несколько раз посещала Китай, но каждое посещение дало мне что-то новое, и каждый раз Китай для меня открывался с совершенно разных сторон. Каждая поездка была полна огоромных впечатлений, и каждый раз я все больше и больше убеждалась в том, насколько уникальна и прекрасна эта страна. Без сомнения, Китай — великая страна с огромной историей и культурой. Это страна, которую обязательно нужно посетить. Роль этого древнего государства в сегодняшнем мире становится все более значимой. Избегая судорожных рывков, сохраняя руководящую роль Коммунистической партии, страна демонстрирует миру впечатляющие достижения своей экономики. Сегодня Китай становится все более открытым миру, и тысячи туристов со всех уголков мира ежегодно знакомятся с его многочисленными достопримечательностями. Попробуйте познаться и вы!

ОБЛИК КИТАЯ И КИТАЙЦЕВ

АРЗЫКУЛОВ
Аманжан Азкенович

Старший преподаватель кафедры китаеведения факультета востоковедения КазНУ им. аль-Фараби, историк-востоковед.

От Востока к Западу

Объективный рассказ о современном китайском обществе необходим для казахстанцев, потому что наши газеты, журналы и телевидение сравнительно мало информируют о различных сторонах жизни соседней страны, к тому же эта информация имеет скорее нейтральный характер и лишена всякого рода субъективных оценок. Проведенный мини-опрос среди студентов показал, что они мало знают о Китае, как, впрочем, и остальная часть населения Казахстана.

Возвращаясь в страну, где когда-то, может быть даже совсем недавно, побывал, хочется еще раз увидеть то, что запечатлелось в памяти как свидетельство исторического прошлого, еще раз пройти по памятным местам. Однако невольно обращаешь внимание прежде всего на те перемены, которые произошли со времени твоего последнего пребывания в ней. Такие чувства я испытываю, оказываясь в Китае в очередной раз.

Серьезные изменения коснулись городов, больших и малых. Узкие переулочки, где порой было трудно проехать машине, уступили место широким проспектам, появились многоуровневые кольцевые автострады, опоясывающие города. Там, где когда-то стояли маленькие одноэтажные домики, поднялись громадины многоэтажек, высоко в небо взметнулись коробки торговых центров и ультрасовременных отелей, многие из которых построены с помощью западных и японских фирм.

В каждом крупном китайском городе за последние двадцать лет появились десятки пяти-, четырех- и трехзвездочных гостиниц, отвечающих самым высоким международным стандартам. (Иногда создается впечатление, что имеет место переизбыток отелей.) Номера в них удовлетворяют самые взыскательные вкусы. Непременная их принадлежность — холодильник, цветной телевизор.

Китайские города растут быстро, в основном вверх — ввиду дороговизны земли, ее нехватки и перенаселенности. Уже не редкость дома в 20-30 этажей. Города-миллионники, т.е. с населением около или немногим более миллиона человек, в Китае называют средними. В стране уже много городов, где проживает несколько миллионов человек. Наиболее крупными являются Чунцин (20 млн.), Шанхай (18 млн.), Пекин (свыше 15 млн.).

Все без исключения китайские города в различной степени переживают строительный бум. За двадцать, и особенно за последние десять, лет построено очень много.

Поскольку балконов в китайских домах, как правило, нет, то для того, чтобы сушить белье, используются специальные палки. Поэтому жилые дома многих китайских городов, например Шанхая или Ланчжоу, представляют собой живописное зрелище — почти все окна буквально облеплены разноцветными и разнообразными предметами верхней и нижней одежды, закрепленными на специально изготавливаемых прямо висящих или немного согнутых палках.

Следствием неизбежной реконструкции является постепенное исчезновение неповторимого национального колорита старых китайских городов. Так, например, происходит со знаменитой торговой улицей Ванфуцзин в Пекине. Теперь центры крупных китайских городов все больше напоминают по своему внешнему облику центры европейских, американских и японских городов. Об этом говорит и обилие рекламы на улицах.

Улицы китайских городов буквально заполнены разнообразной рекламой товаров многих известных японских корпораций. Также можно встретить рекламные щиты с названиями французских вин, продукции китайских компаний, например одного из лучших в стране циндаоского пива. Но все это соседствует с пропагандистскими лозунгами, типа “Поднимем выше знамя теории Дэн Сяопина”, “развитие — это непреложная истина” (последнее изречение принадлежит Дэн Сяопину).

Во всех городах, где мне довелось побывать, тем не менее сохранился неповторимый китайский колорит — узкие, зачастую кривые улочки

ки с традиционными приземистыми постройками, расположенными в маленьких двориках. В Китае на ремонт, приведение в надлежащий вид исторических памятников, храмов, имеющих культурную ценность, затрачиваются большие средства. Бережно сохраняются памятники традиционной архитектуры — императорские дворцы, буддийские храмы. Последние есть почти в каждом городе. Можно сказать, что весь Китай является страной исторических памятников. Местами встречаются вкрапления европейской культуры — в виде жилых, торговых и общественных зданий.

Улицы городов заполнены спешащими людьми, иногда их так много, особенно в больших городах в воскресные дни, что трудно пройти — на тебя движется сплошной людской поток. Вообще здесь на улицах сразу осознаешь, что в этой стране действительно живет больше миллиарда человек и что политика планового деторождения — «одна семья — один ребенок» имеет под собой серьезные основания. (В последнее время в беседах с китайцами рефреном звучит фраза «чжунго жэнь тайду» — «китайцев очень много».) Мимо пронесаются иностранные машины всевозможных марок. Если десять-пятнадцать лет назад чаще встречались «Волги» и «Жигули», то сейчас в изобилии всевозможные знаменитые марки. К тому же в последние годы автомобилестроение в Китае настолько шагнуло вперед, что сразу и не отличишь китайские автомобили от иностранных. В последнее время на улицах китайских городов появляется все больше автомашин, принадлежащих личным владельцам. Раньше в подавляющем большинстве легковые машины принадлежали государственным предприятиям, учреждениям, и на них ездили функционеры или, как принято говорить в Китае, «ганьбу» — кадровые работники. Примечательно, что в последние годы резко изменился их возрастной состав — произошло омоложение работников государственного и партийного аппарата. Среди функционеров низшего и среднего звена теперь много молодых людей в возрасте до сорока лет, что было невозможно еще несколько лет назад. В Китае придерживаются курса на сочетание «ганьбу» трех поколений — молодого, среднего и старшего, причем все больше возрастает роль первых двух поколений, подчеркивается необходимость сочетания молодости с опытом, причем этот процесс осуществляется постепенно.

Основным транспортом для населения больших городов (Пекин, Шанхай) является метро. Но все-таки основная нагрузка по перевозке населения ложится на автобусы и троллейбусы, которые, как правило, переполнены. Особенно трудно сесть в общественный транспорт зи-

мой, когда возрастает число пассажиров. Летом большинство людей предпочитает ездить на велосипедах, ими пользуются все — и седоволосые профессора и молоденькие студентки, работники государственных учреждений и торговцы. Во многих семьях имеется по два-три велосипеда. Есть, конечно, в китайских городах и такси, цены на него разнятся в зависимости от марки машины. Такси бывают трех видов — государственные, кооперативные и частных компаний. Многие таксисты работают на подряде. Конечно, с ростом благосостояния народа китайцы все чаще стали пользоваться этим видом транспорта.

Одно время практически исчезли велорикши, в основном остались те, кто занимался по преимуществу транспортными перевозками. Однако в последние годы велорикши, видимо, по причине избытка рабочих рук, вновь появились на улицах городов, хотя и не в прежнем количестве. На смену им во многих городах пришли моторикши. Китайцы часто прибегают к их услугам. Иностранцы в них садятся скорее из любопытства. Резкое увеличение машин на улицах городов привело к тому, что в часы пик поездки на любом виде транспорта занимают очень много времени, особенно в центре города, «пробки» («сайчэ» или «дучэ») стали частым явлением.

Сильно изменился внешний облик городов. Чинные деловые улицы, заполненные спешащим по своим делам рабочим и деловым людом, словно по мановению волшебной палочки, превратились в сплошные торговые ряды. Во многих районах городов тротуары заполнены торговцами, предлагающими вам купить овощи, фрукты, предметы одежды, обувь, галантерею и т.п. Многоцветие товаров широкого потребления буквально захлестнуло китайские города, розничная торговля практически перешла в руки частного сектора.

На торговых улицах к домам «прилипают» небольшие лавочки, зачастую напоминающие клетушки, торговцы здесь не только торгуют, но и живут. Между этими лавочками и мостовой располагают свой товар продавцы одежды, обуви, посуды, часов, женских украшений, косметики, видеокассет, домашних животных и птиц, фруктов и овощей, цветов, предметов домашнего обихода. Торговля идет прямо на тротуарах. Рядом с уличными торговцами работают мастерские люди — преимущественно сапожных дел мастера и слесари по ремонту велосипедов и т.д.

Почти все эти люди пришлые, из деревень или маленьких городов, волостных центров. Крестьяне в Китае имеют, как правило, небольшие участки земли. Урожай, собираемый с них недостаточен, чтобы про-

кормить семью. Поэтому они сдают их в аренду, а сами перебираются в города на заработки.

На улицах китайских городов много небольших ресторанов, закусочных, кафе, баров. Есть и небольшие “дастарханы”, расположенные на тротуарах, где прямо на твоих глазах совершается таинство приготовления пищи.

Получила широкое развитие сфера обслуживания. На улицах китайских городов можно встретить сапожников, парикмахеров, фотографов, портных, мастеров по ремонту велосипедов, кожгалантереи и т.п. Многие портные работают прямо на рынках. Они могут быстро и сравнительно недорого сшить вам брюки, платье, костюм или просто помочь в раскройке вашей ткани. Сфера индивидуального сектора деятельности распространилась на культуру, образование и здравоохранение; разрешено создание небольших частных библиотек, кинотеатров, школ, спортплощадок, пунктов неотложной медицинской помощи, курсов иностранных языков, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин и т.д. Страницы городских, прежде всего вечерних, газет пестрят объявлениями о курсах по ускоренному изучению английского, японского, в редких случаях — русского языков.

Как пишет китайская печать, допущение коллективного и индивидуального предпринимательства позволяет решить следующие задачи: “рассосать” избыточные трудовые ресурсы, резко сократить безработицу, повысить материальный уровень жизни пенсионеров с низкими доходами и одновременно улучшить обслуживание широких масс населения, сделать сферу услуг более доступной и разнообразной. Действительно, в китайских городах не составляет труда “перекусить на ходу”, выпить бутылку лимонада, съесть порцию мороженого. Уличные торговцы “ждут вас” буквально повсюду — не только на рынках, стихийно возникших на улицах, но и около магазинов, парков, на остановках автобусов и троллейбусов.

В этой стране практически нет рэкета на бытовом уровне, т.е. никто не облагает коммерсантов и предпринимателей специальной регулярной “данью”. Другое дело, что за получение лицензии на право торговли придется заплатить собственными нервами, общаясь с чиновниками.

Поражает изобилие товаров. По существу, в последние годы имеет место затоваривание. Изменилась и структура товаров: многие виды бытовой техники, например, созданы на совместных или китайских предприятиях, естественно, что цены на их продукцию ниже, чем на импортную.

Почти в каждом китайском крупном и среднем городе можно встретить закусочные “Макдональдс” и “Кентукки”. Многие супермаркеты созданы с участием японских, корейских, английских и французских фирм.

Изменения в облике китайских городов — прямой результат широкомасштабных реформ в деревне и городе, которые связаны с поисками китайского пути к социализму, или как говорят в Китае — к “социализму с китайской спецификой”. В КНР уже давно, с началом реформ, считали естественным допущение частной торговли и предпринимательства. В 1999 г. положение о признании частной собственности равноправной формой собственности наряду с общественной было внесено в Конституцию страны. Китайское руководство, в сущности, исходит из одного принципиального прагматического соображения — допустимо все, что способствует экономическому развитию страны, повышению благосостояния людей.

Материальный уровень жизни в Китае за последние тридцать лет значительно вырос, удалось в основном решить две главные проблемы — продовольствие и одежда. Купить сегодня можно практически все. Между ценами на продукты питания и на рынке, и в государственных магазинах нет существенной разницы. О повышении уровня жизни китайцев свидетельствует такой факт, как рост вкладов в сберегательные кассы. Иногда утром можно наблюдать очередь в них из желающих положить деньги.

Несмотря на продолжающийся рост материального благосостояния, большая часть населения Китая живет еще трудно. В последние годы наметился процесс расслоения общества, разрыв в доходах увеличивается. Есть люди, их называют “новыми богатыми” (“син фу”, “син гуй”), которые разбогатели, их успехи рекламируются, с ними устраиваются встречи на телевидении. В Китае также есть нищие и бездомные.

Деревня живет беднее города, причем средний доход крестьян на севере страны может быть ниже, чем на юге. В северных и центральных районах много глиняных построек с земляными полами, в южных — видишь каменные дома в два-три этажа. Первый этаж обычно отводится под небольшой магазин или закусочную. Крестьянские семьи имеют радиоприемники и швейные машины, во многих крестьянских домах есть цветные телевизоры и холодильники. В дореформенное время китайцы, как мужчины, так и женщины, одевались практически одинаково — в брюки и куртки синего или зеленого цвета. Сегодня

совсем другое положение — люди стали одеваться лучше, особенно женщины.

Приятно поражает отсутствие пьяных. Обычно же китайцы, если и употребляют спиртное, то 1-2-3 маленькие рюмки и, как правило, по особому поводу — празднику Весны, приему “важных гостей” и т.п. Водка, вино, пиво — в свободной продаже с самого утра. Хочу еще добавить, что бутылка водки стоит недорого.

Серьезная проблема китайских городов — загрязненность, наличие большого количества мусора, особенно на нецентральных улицах. Есть данные, что по уровню загрязнения в первую десятку самых грязных городов мира входят девять китайских городов. Поэтому власти китайских городов ведут постоянную борьбу за чистоту, гигиену, санитарию. На улицах, стенах общественных зданий, в самых неожиданных местах можно увидеть такие лозунги: “Не плевать, где попало, не сорить, где заблагорассудится”. Нарушителям грозит штраф.

Многолюдье китайских городов в значительной степени объясняется также быстрым развитием в последние годы туризма. До начала 80-х годов китайцы практически были лишены возможности свободного передвижения по стране. В настоящее время в городах, богатых достопримечательностями, можно увидеть группы людей от пяти и больше человек, осматривающих исторические памятники — буддийские храмы, древние пагоды, музеи, парки, фотографирующих эти памятники и снимающихся на их фоне. Рядом с ними — иностранные туристы, которых с каждым годом становится все больше и больше. Только Великую стену в разгар туристического сезона посещают тысячи иностранных групп.

К услугам туристов — широкая индустрия обслуживания, созданная буквально за несколько лет: рестораны, кафе, бистро, государственные и частные уличные фотографы, которые гарантируют качественное и быстрое исполнение снимков, прекрасно организованная реклама исторических достопримечательностей, музеев.

Современные драконы

Одно из самых ярких впечатлений, которое остается у человека, приезжающего в Китай, это молодежь. Особенно это касается студенческой и научной молодежи. Китайский студент, аспирант, молодой научный сотрудник — это особая, своеобразная социальная группа. Они трудолюбивы, проявляют большой интерес к знаниям, много читают,

изучают иностранные языки, преимущественно английский, независимо в суждениях. Широкое распространение в вузах получили общественно-политические чтения по “интересной”, “новой проблематике”, которые читаются вне учебного процесса и организуются обычно аспирантами или студентами. Темы обсуждения бывают разными — от “актуальных проблем политэкономии социализма” до “современного значения учения Макса Вебера”.

Конечно, как и студенты в любой другой стране, китайские студенты живут не только учебой. Их интересует спорт, они стараются следить за новыми произведениями литературы и искусства, а при наличии материальных возможностей — и за новинками моды. Вообще надписи на одежде на английском языке, причем самые неожиданные, можно встретить теперь часто в китайских городах. Мода в Китае претерпела невероятные изменения — теперь людей в синей униформе встретишь очень редко. Иногда промелькнет какой-нибудь человек пожилого возраста, одетый в традиционный для 50-х годов синий френч. В основном китайцы носят европейские пиджаки и брюки. Женщины ходят в миди, в макси и в мини, они носят юбки, платья, джинсы. Большинство девушек и молодых женщин, живущих в городах, пользуются косметикой. Многие из них красят волосы, носят украшения — серьги, кольца, браслеты из золота, серебра, жемчуга, что уже не считается проявлением буржуазной морали, как это было в 60-70-е гг. Законодателем моды обычно выступает Шанхай и отчасти Гуанчжоу.

Хотя официально брачный возраст определен в 18 лет, всячески поощряется вступление в брак для девушки не раньше 23 лет, а для молодого человека — не раньше 25 лет. В деревнях это правило соблюдается, что касается города, то за последнее время наметилась тенденция более позднего вступления в брак. Прежде всего это касается образованных людей. Но даже вступив в брак, молодые люди не спешат “завести ребенка”. Это объясняется желанием получить ученую степень или что-то подобное.

Согласно существующему законодательству, китайская семья имеет право иметь лишь одного ребенка (исключение допускается для национальных меньшинств). Как правило, так и происходит, поскольку нарушение законодательства в этом вопросе влечет за собой серьезные административные наказания, хотя в деревне в случае рождения дочери крестьянские семьи иногда стремятся иметь второго ребенка.

Единственный ребенок становится предметом всеобщего обожания родителей и родственников. Таких детей теперь называют в Китае “ма-

леньким императором” (“сяо хуанди”). Естественно, с воспитанием и здоровьем единственного ребенка возникает масса проблем. У него есть все шансы вырасти капризным и избалованным и приобрести излишний вес, поскольку “его закармливают”. В общественных местах можно нередко встретить перекормленных, толстых мальчиков и девочек.

Вечером на улицах китайских городов можно часто слышать эстрадную музыку — и западную, и китайскую. Звучит эстрадная музыка и во время вечеров “диско”, которые все более входят в повседневный быт китайской молодежи, в том числе студенческой. Китайская студенческая молодежь стремится наверстать упущенное — не только в овладении знаниями, но и в приобщении к новомодным веяниям молодежной культуры.

В китайских городах есть теперь танцевальные клубы, где молодые люди за небольшую плату могут принять участие в дискотеке. Когда молодежь собирается у кого-то дома, она обсуждает интересующие ее темы, занимается компьютерными играми, смотрит телевизор, организует караоке. Обычно эти встречи происходят без каких-либо спиртных напитков.

Концерты поп-музыкантов могут собирать до 10-20-ти тысяч зрителей. Например, в Китае сейчас огромная «витасомания» (Витас — российский поп-певец). Большой популярностью пользуются компакт-диски с записями популярных артистов. Поскольку цена на оригинальные диски может достигать 10 долларов, молодежь предпочитает покупать их на “горбушках”, там, где продаются диски, изготовленные пиратским способом.

И еще одно. Привлекает раскованность китайских студентов, молодых преподавателей и научных работников. Раскованность, открытость в суждениях, образе мыслей. Им чужд догматический стиль мышления, они стремятся до всего дойти сами. Беседы с ними доставляли большое удовольствие, даже в случае расхождения во мнениях. В этом и состоит преимущество молодости, что у нее есть возможность, в конце концов, понять, какие из ее мнений являются верными, а какие — ошибочными.

В Китае теперь можно встретить молодых людей, которые не верят в социалистические идеалы и считают ошибки и преступления, имевшие место в ходе социалистического строительства в Китае и Советском Союзе, имманентным признаком социализма. В этой связи кажется, что китайская молодежь идет теперь за Западом. Другими словами,

ей ближе капитализм, чем социализм. В любом случае очевидно одно — многие китайские молодые люди в значительной степени настроены аполитично. Их в меньшей степени волнуют общественные проблемы и в большей — те, с которыми связано их личное благополучие. Об их жизненных ориентациях лучше всего свидетельствует тот факт, что молодые люди не интересуются общественно-политическими журналами или партийными газетами. В их руках, как правило, видишь так называемое читиво — всякого рода детективы, любовные романы, спортивные газеты.

Многие молодые люди, окончившие высшие учебные заведения, мечтают продолжить образование за рубежом, прежде всего в США и Японии, или хотя бы уехать туда на заработки. Престижной — и в смысле общественного статуса, и в смысле заработка — считается работа в смешанных, с участием иностранного капитала, компаниях. Среди молодежи имеет место стремление подзаработать, погоня “за длинным рублем”, в условиях однопартийной системы это неизбежно рождает карьеризм.

У молодых китайцев, как, впрочем, и у всех китайцев, сильно развито чувство этнической общности, родства и, как следствие этого, патриотизм. Наглядное свидетельство тому — реакция многих молодых людей на бомбардировку китайского посольства в Белграде авиацией НАТО в мае 1995 г. Реакция эта была резко негативной, причем не заранее спрограммированной, а спонтанной.

В последние годы в Китае быстро развивается чувство гордости за свою страну. Его испытывают отнюдь не только коммунисты, но и те, кто не совсем одобряет политику руководства страны. Этому способствуют не только громадные достижения за последние двадцать лет. Этому способствует и пропаганда. Большой популярностью пользуются телесериалы на исторические темы, например о Линь Цзэсюе — герое сопротивления англичанам в период опиумных войн (30-40-е гг. XIX в.). Стали появляться и сериалы о периоде противоборства между КНР и ГМД, причем негативная оценка деятельности последнего все больше отходит от плакатности, назидательности, упрощенчества.

Будни и праздники китайцев

Рабочий день китайцев начинается рано. Уже в 6-7-8 часов утра улицы городов заполняются людьми, спешащими на работу. В министерствах, научных учреждениях, вузах, на заводах строго регламенти-

ровано время обеда и окончания работы. Обеденный перерыв начинается ровно в 12 часов дня, кое-где раньше, и продолжается до 14 часов. Это — святое для каждого китайца время. С 12 до 14 часов бесполезно звонить в любое присутствие, телефонная трубка «молчит». Обед, как правило, очень простой — пиала риса с капустой и небольшими кусочками мяса. После принятия пищи китайцы отдыхают на своих рабочих местах — они спят, положив голову на руки, покоящиеся на рабочем столе. Некоторые предаются послеобеденному сну на раскладушках или на чем-то наподобие лежанки. Подобный обычай послеобеденного отдыха можно объяснить жарким климатом.

Китайская пища отличается редким разнообразием, на официальных приемах в честь гостей обычно не бывает меньше двенадцати блюд. Многие из них на взгляд европейца являются экзотическими, к примеру так называемые “тухлые яйца” (сунхуадань), трепанг, мясо змеи или собаки, суп из черепахи и т.д. Это для всех, кроме мусульман — китайцы уважают чужие религиозные верования и никогда не предлагают еду, не соответствующую религиозным убеждениям. Некоторые традиционные виды блюд могут иметь чисто китайскую специфику, например помидоры, посыпанные сахаром, рыба в сладком соусе и т.п. Чтобы не обидеть хозяев, не следует отказываться от этих блюд, в крайнем случае, можно сослаться на болезни, не позволяющие вам употреблять то или иное блюдо.

Китайцы традиционно и на работе, и дома едят палочками, они предпочитают использовать их даже за границей. Палочки бывают разными — от очень простых, деревянных, одноразового употребления, до самых дорогих — из слоновой кости, серебра, используемых в торжественных случаях. Если вам предложат попробовать есть палочками, ни в коем случае не отказывайтесь: во-первых, научиться пользоваться ими нетрудно, а во-вторых, даже если ваши попытки окажутся неудачными, само ваше стремление явится свидетельством уважения к традициям хозяев.

Прием гостей обычно начинается с угощения чаем (на севере с фруктов). После обмена приветствиями хозяева предлагают чай в красивых чашках, часто украшенных разными рисунками, цветами, фигурками средневековых красавиц. Чай предлагают, как правило, жасминовый или зеленый. В особо торжественных случаях вас могут угостить чаем “лунцзин”. Он выращивается только в районе города Ханчжоу в восточном Китае. Вкус чая “лунцзин” соответствует красоте этого города. В Китае говорят — “На небе — Храм неба, на Земле — Ханчжоу и

Сучжоу” (соседний с Ханчжоу город, обладающий такой же дивной красотой). С ростом благосостояния чай “лунцзин” все больше входит в обиход простых китайцев. Теперь они предпочитают более дорогие сорта чая, обладающие более тонким ароматом.

Очень часто еду для гостей готовят мужчины, они считаются лучшими поварами, чем женщины. В последнее время в структуре пищи, предлагаемой для гостей, происходят определенные изменения. Сейчас уже не обязателен рис в конце застолья, его заменяет лапша, все большую роль во время трапезы играет рыба. Структура домашнего питания китайцев достаточно проста — утром рисовый отвар без соли, капуста, маньтоу — пампушки из теста, иногда с фруктовой начинкой, одно яйцо. Днем — скромный обед на работе (100-150 г. жареной свинины с овощами, например с фасолью или баклажанами, перцем); конечно, качество и разнообразие пищи зависит от материальных возможностей человека, в настоящее время обед может состоять и из большого количества блюд. Вечером — сравнительно плотный ужин, где в зависимости от доходов семьи может присутствовать мясо, рыба, креветки, омлет, овощной суп и просто овощи. Вообще даже обычная пища у китайцев более разнообразная, чем у нас.

Чай китайцы пьют не только до, но и после еды. В этом они похожи на нас, на казахов. В ежедневном рационе китайцев обязательно присутствуют овощи и фрукты, в последние годы все больше входит в употребление европейская еда — разного рода белый хлеб, булочки, колбаса, йогурт, молоко. Исключение составляет сыр.

Китайцы обычно мало употребляют спиртные напитки, хотя водку и вино производства различных заводов и в разной упаковке, как мы уже писали выше, можно купить на каждом углу. Однако на севере, по-видимому, в силу климатических условий, во время застолий часто употребляют спиртные напитки. Здесь даже говорят — если мужчина не пьет и не курит, то он не мужчина. Крепость водки колеблется от 38 до 60 градусов. Самый крепкий напиток — “маотай” — как говорят, любил употреблять Мао Цзэдун. Он разливается в белые глиняные пузатые бутылки, цена одной пол-литровой бутылки “маотая” может достигать 300 юаней (около 40\$). Почти столько же стоит бутылка водки “улянь”. Китайская водка обладает специфическим “самогонным” запахом, ее достоинство состоит в том, что она пьется хорошо, и после ее употребления нет головной боли. В среднем стоимость одной бутылки водки не превышает 20-30 юаней. В последние годы серьезной проблемой стало появление фальшивой водки и вина.

Спиртным напиткам китайцы предпочитают всевозможные виды соков и пива. В Китае существует множество сортов пива, многие из них на уровне мировых стандартов, например “циндаоское”, “пять звездочек”, “пекинское”. Искусство пивоварения было завезено в Китай еще в начале века немцами, именно в немецком сэттльменте Циндао, а также в Пекине были построены первые пивоваренные заводы. В Китае можно купить и импортное пиво Карлсберг и Радебергер например, но китайцы предпочитают отечественное пиво, ибо оно ничем не хуже. В последние годы в продаже, наряду с бутылочным и баночным пивом, появилось “чжапи” — пиво в кружках, обладающее особыми вкусовыми качествами и свежестью. Его обычно пьют летом.

В китайском обществе сложился стереотип о поголовном пьянстве на постсоветском пространстве, поэтому лучшим подарком нашему человеку они считают бутылку водки, обычно “эрготу”. Отказываться от нее не следует, однако на официальных мероприятиях не нужно злоупотреблять водкой и вообще спиртными напитками. Это создаст о вас неблагоприятное впечатление.

Правила “китайских церемоний” — сложного и многообразного этикета, что начал складываться еще до Конфуция, неисчерпаемы — мало кто из китайцев владеет ими сегодня во всей полноте. Пуд соли надо съесть с китайцами, чтобы научиться, к примеру, чокаться по ритуалу. Поначалу вы только дивитесь, почему ваш знакомый норовит опустить рюмку как можно ниже, соприкоснуться ею с доньшком (или с ножкой) вашего бокала. Оказывается, так выражают уважение (я, мол, “маленький человек”, вы — “выше”). И если не хотите “потерять лицо”, представ неотесанным невеждой — не принимайте этого демонстративного самоуничижения, гните руку с рюмкой хоть к самому столу, но не уступайте в “единоборстве вежливости”.

Конечно, в разных районах Китая существуют различия в местных обычаях, пище, одежде, быту. Есть даже такая поговорка: “кушать лучше в Гуанчжоу” (тамошняя пища считается наиболее изысканной), “одеваться лучше в Шанхае” (одежда здешних жителей традиционно считается самой красивой и модной), “жениться лучше в Яньчжоу” (город на востоке Китая, к северу от Шанхая, здесь по преданию самые красивые девушки), “умирать лучше в Вэньчжоу” (в этом городе, расположенном сравнительно недалеко от Шанхая, растет дерево, которое служит хорошим материалом для гробов).

Китайцы живут в домах, полученных с места работы — завода, института, вуза, министерства, партийного комитета. Только в последние

годы стало возможным покупать и продавать квартиры. Те, кто получил их раньше бесплатно, получили право “выкупить квартиры” у государства. “Выкупная цена” вполне приемлема. Становясь собственниками своих квартир, владельцы получают право на их свободную продажу.

Китайцы живут в 2-х, 3-х, 4-х и 6-ти-комнатных квартирах. Количество комнат в квартире зависит от социального статуса человека. Удобства в китайских квартирах обычные — газовые плиты, душ (чаще, чем ванна), туалет. Жители городов, как правило, имеют цветные телевизоры, холодильники. До настоящего времени оплата коммунальных услуг не требует больших денег. Зимой лестничные клетки во многих домах превращаются в хранилище овощей. Например, капуста — осенью она стоит намного дешевле, поэтому ее запасают впрок, а поскольку возможности квартиры ограничены, ее хранят на лестничной площадке, отчего здесь стоит специфический запах.

Сохранились в Китае и традиционные дворики, с улицы в них (в Пекине “сы-хэ-юань”) ведет дверь — она может быть и узкой и широкой, иногда ее заменяют красивые ворота. В центре двора — свободное пространство, постройки расположены по бокам — здесь кабинет, жилые комнаты, помещения под кухню, санузел и т.д.

В китайской семье всегда были сильны взаимоуважение и взаимоподдержка, культ родителей, уважение к старшим братьям и сестрам. Эти традиции в значительной степени сохранились до сих пор, несмотря на все удары по ним во времена “культурной революции”. Каждый член семьи в трудную минуту вправе рассчитывать на поддержку своих ближайших родственников. Поэтому проявленный в нужный момент интерес к членам семьи вашего китайского знакомого будет оценен по достоинству.

В Китае довольно сложная система обращений. Для каждого родственника есть свое обозначение, например “бяоцзе” — старшая двоюродная сестра, “бяомэй” — младшая двоюродная сестра и т.п. На работе своих коллег принято называть по должности, например “директор Ван”, “начальник управления Ли”, “инженер Чжан”, “профессор Чжоу” и т.п. При обращении к преподавателю, независимо от его звания, обычно употребляют обращение “лаоши” — учитель. По-прежнему в ходу обращение “тунчжи” (товарищ), хотя теперь вместо него используют и слова “сяньшэнь” (господин) или “ньюши”, “тайтай” (госпожа). Женщину часто называют “сяоцзе” — барышня, девушка (сестра, сестрица). Используются и традиционные для Китая обращения, связанные с

обозначением возраста “сяо” (маленький, маленькая) и “лао” (старина). Например, “сяо Ван” — маленький или маленькая Ван (в зависимости от пола) и “лао Чжан” (старина Чжан). “Сяо” обычно используют при обращении к человеку моложе пятидесяти лет. Когда человек старше, он уже “старина”. Обращение “лао” носит оттенок уважительности, вообще понятия “сяо” и “лао” употребляют по отношению к хорошо знакомым людям. Особо уважаемых людей, которым уже за семьдесят лет, также называют “старина”, но в этих случаях понятие “лао” ставится после упоминания фамилии. Например, “Ван Лао”, а не “Лао Ван”, как это принято обычно. Иностранцев китайцы сейчас называют “лаовой” — (буквально) “старина, пришедший извне”.

В настоящее время в Китае обмен визитными карточками стал традицией. При этом при вручении карточки ее не просто передают, а держат двумя руками и торжественно преподносят.

При встрече китайцы, как и представители других наций, говорят друг другу — “как дела?”. В просторечии принято отвечать — “хай кэи” или “хай син” — “ничего”, “нормально”. Китаец при встрече знакомого человека обычно спрашивает: “Ни чи фань ла ма?” — “Вы уже кушали?”. В этом приветствии отражается дружеская забота, сердечность и теплота. А у европейцев и у американцев такое обращение имеет другой смысл, а именно — что вы хотите пригласить его в гости покушать.

Для китайцев привычно спрашивать гостей: “Ни суйшу до да?” — “Сколько Вам лет?”. Тем самым они проявляют внимание к ним. У европейцев такой вопрос может вызвать недоумение. Более того, считается даже неприличным спрашивать возраст, особенно у женщин. Когда вспоминают китайские правила вежливости, то обычно говорят то, что мы называем “китайские церемонии”. Действительно, пожилые китайцы в общении друг с другом, с иностранцами ведут себя подчеркнуто вежливо. Однако не следует обольщаться этим. Вежливость на словах в действительности может скрывать совсем другое отношение. Например, когда говорят, что “Вы хорошо знаете что-то”, это не значит, что говорящий действительно думает так. Китайцы обычно сдержанны, скупы в проявлении своих чувств. Поэтому ни в коем случае не следует вести себя с ними за панибрата, необходимо всегда соблюдать определенную дистанцию, проявлять к собеседнику уважение. При встречах и провах родственников поцелуи отсутствуют.

По китайским традициям принятый подарок, естественно, если он упакован, не следует рассматривать в присутствии дарителя и незави-

симо от того, нравится он вам или нет, следует обязательно выразить свое восхищение, благодарность. Точно так же следует поступать при получении подарка от китайских гостей или хозяев.

Лучшим подарком китайцу может быть вещь или предмет, который не производят в Китае, т.е. изделия местных, национальных промыслов, например сувенирные войлочные юрты, куклы, камчи и т.п.

Китайцы любят шутку, юмор, анекдоты. Большой популярностью пользуются “сяншэнь” — выступающие, как правило, по двое артисты разговорного жанра. Они обыгрывают различные смешные случаи из жизни.

Общее улучшение материального положения, изменение мировоззренческих ориентаций привело к тому, что стало меньше проявлений зависти, или, как принято говорить в Китае, болезни “красных глаз” (“хун сэды яньцзинбин” или “хуняньбин”). Повышение жизненного уровня основной массы китайского населения сказалось на свободном времяпрепровождении. Китайцы не прочь теперь иногда всей семьей, с родственниками, хорошими знакомыми или гостями посетить вечером ресторан, отведать вкусной, разнообразной пищи. Они любят ходить на “самовар” “хуо-го”. Китайский самовар — это нечто среднее между кастрюлей и русским самоваром, он находится на подставке, раньше его топили углем или дровами, сейчас используется электричество или газ. Поверху “самовар” опоясывается своеобразным широким желобом. В нем находится вода, в которую, как только она закипит, бросают заранее приготовленные кусочки мяса, рыбы, капусту и вермишель (буквально нити) из крахмала. Несколько минут и пища готова. В последнее время популярно приготовление жаркого из мяса прямо на ваших глазах — на газовую горелку ставится сковорода, а на нее кладется мясо и специи.

Активную по-своему жизнь ведут пенсионеры. Теперь на одного внука или внучку может приходиться сразу две бабушки и два дедушки, поэтому у них много свободного времени. Уже в семь утра рядом с домами на свободных площадках, в садах, парках можно увидеть пожилых людей, которые вместе занимаются “тайцзицюань” — дыхательной гимнастикой. Иногда их занятия сопровождаются музыкой. Занимающиеся тайцзицюань в одном и том же месте составляют как бы “клуб по интересам”, ибо они хорошо знакомы друг с другом. Существуют и другие неформальные клубы. Подобное времяпрепровождение — инициатива женщин. Не раз вечером в пролетах под мостами автострад в том же Пекине мне приходилось видеть пары, танцующие

танго, “роль оркестра” выполнял магнитофон. Пожилых людей, танцующих вальс или танго, можно увидеть по утрам и в парках. Это является для них своего рода спортом, оздоровительной гимнастикой.

У пожилых мужчин другое любимое занятие. Как правило, в воскресенье в парках, или других местах, можно видеть своеобразное соревнование певчих или просто птиц, организуемое их владельцами. На скамьях или прямо на земле стоят клетки с птицами. Окружающие их люди оживленно обсуждают достоинства и недостатки птиц. Такое обсуждение может длиться несколько часов. Некоторые владельцы птиц, стоя рядом с клетками, исполняют арии из классических опер.

Собак в Китае мало. Это объясняется тем, что их просто негде выгуливать. Лишь некоторые люди могут позволить себе иметь маленьких собачек из породы пекинесов, зато в квартирах можно встретить кошек.

Развитие рыночной экономики вызвало к жизни новое увлечение пенсионеров — многие из них увлеклись игрой на бирже.

Определенную смысловую нагрузку в китайской культуре несут цветообозначения. В течение многих столетий любимым цветом китайцев был желтый, они предпочитали его другим цветам. Это было связано с тем, что они считаются представителями желтой расы, потомками Желтого императора (Хуанди). Императорские одежды — желтые, поэтому желтый цвет в Китае был символом всего драгоценного, благородного. Конечно, не следует думать, что привычки и традиции китайцев не меняются с течением времени, особенно в городах. Сегодня желтый цвет уже не считается таким торжественным и самым любимым, как раньше.

Китайцы издревле любили и красный цвет, потому что красный — это цвет солнца и огня, он приносит людям тепло и свет. Поэтому в китайской культуре, включая язык, красный цвет символизирует радостное и торжественное. Например, церемония открытия выставки начинается с разрезания ножницами красной ленточки у входа на выставку; на свадьбе и на встрече Нового года по лунному календарю (он обычно приходится на январь — февраль) женщины одеваются в красные одежды, несут красные цветы, зажигают красные свечи, расклеивают красные парные надписи с благопожеланиями. Иероглифы си и фу со значением “счастье” также, как правило, красного цвета. В качестве подарка на свадьбу преподносят деньги в красном конверте или красном мешочке. Свадьбу называют “красным/радостным событием”, празднование юбилеев долголетия также проходит часто с

применением красного цвета. “Красный” (хун) выступает как компонент сложных слов, имеющий значение “счастливым”, “выдающийся”, “пользующийся успехом”: хунъюнь “большое везение”, хунжэнь “фаворит”, “фаворитка”, “любимчик”, хунбан “красная доска, доска почета”. Красный цвет является символом древнего Китая, поэтому наличие его на многих надписях как бы символизирует связь с традицией.

В настоящее время в китайском языке красный цвет ассоциируется также с революционным, передовым, торжественным, почетным, праздничным: хунсэ чжэнцюань “власть красных”, “революционная власть”, хунлинцзинь “пионерский (красный) галстук”, хунцзюнь “Красная армия”, хунсин (красная пятиконечная) звезда, хунцзюй “красные районы”, хун шицзы хуэй “Общество красного креста”.

В старину визитные карточки были красного цвета, на провинциальных экзаменах список первых кандидатов назывался красным списком (хуншу), отходящим судам выдавались красные ярлыки — таможенные свидетельства (хунпай). При династии Цин была хунбочуань “красная баржа”, которая фрахтовалась казной для перевозки зерна по Великому каналу. При той же династии место проведения экзаменов в школах называлось “красный павильон” (хунпэн).

Поскольку “красный” в китайском языке всегда имел значение “лучший”, то “ходовой товар” назывался красным товаром (хунхо). Красное как “положительное”, “правое”, противопоставлялось черному как “отрицательному”, “виноватому”. Так, хэйхо “черный” + “товар” имеет значение “контрабандный товар”, “контрабанда”; хэйцзянь “черные деньги”, т.е. “темные деньги”, “взятка”; хэйбан “черная шайка”, “банда”, хэйдянь “черный притон”, хэйши “черный рынок”, хэйшоудан “мафия”, хэйминдань “черные списки”.

В Китае уже с давних времен — четыре тысячи лет назад — стали поклоняться дракону, ибо предки китайцев называли себя “потомками дракона”. Поэтому впоследствии все, связанное с императором, включало в себя определительный компонент “дракон”, “драконовый”. Например, лунпао “дракон” + “халат” ® “императорский халат”, лунчуань “дракон” + “ладья” ® “императорская ладья”. Дворец императора повсюду был украшен гравировкой дракона на камне, скульптурными изображениями дракона. Эта традиция использовать символ дракона в качестве украшений продолжается и в наши дни. Дракон повсюду: одежда, халаты, спортивные майки, кофты, скульптурные украшения в парках, стены с изображениями драконов. Китайцы поклоняются и другим мифическим животным — фениксу, а также цилинь (мифиче-

ское животное с одним рогом и чешуйчатым панцирем, символ благоденствия и счастья).

Кроме дракона, феникса и цилиня — трех вымышленных фантастических животных — китайцы поклоняются также реально существующим — льву, тигру.

Любопытны ассоциации, которые вызывают у китайцев некоторые животные. Например, у казахов собаке приписываются качества верности, их считают одной из семи сокровищ. А в китайской культуре все выражения, связанные со словом “собака”, имеют отрицательный смысл: цзоугоу “идти” + “собака” — “приспешник”, “прихвостень”, “цепной пес”, гоутуйцзы “собачья нога” — “прислужник, лакей”, каньцзягоу “сторожить” + “дом” + “собака” — “дворовая собака”, “цепной пес”, “приспешник”, “прихвостень”; лайпигоу “парша” + “кожа” + “собака” — “паршивая собака”; санцзягоу “собака в доме, где траур” — “приблудная собака”, “как неприкаянная душа”.

Из лексики языка, отражающей национальную идеологию, мы узнаем, что китайцы испытывают неприязнь, чувство отвращения не только к собакам, но и к таким животным, как волк, лиса, крыса, сова, филин, ворона, черепаха.

Китайцы с древности поклоняются некоторым растениям и используют их как символы, например “бамбук” в китайской культуре занимает особое место. Можно сказать, что в китайской культуре “воистину нет жизни без бамбука”. Из этого растения китайцы делают предметы домашнего обихода, мебель, посуду, используют как строительный материал. Духовые музыкальные инструменты также изготавливали из бамбука.

Бамбук быстро растет, он высокий, прямой, очень прочный, вечнозеленый. Поэтому китайцы с древних времен сравнивали с бамбуком людей “честных, прямых, искренних, высоких духовных качеств, скромных, высокой принципиальности”. В то же время для нас сравнение человека стойкого, прямого, принципиального с бамбуком будет непонятно. Это в известной степени подтверждает, что у любого народа существуют свои культурные модели.

В настоящее время уходит в прошлое скромная свадебная церемония, характерная для дореформенных лет. Свадьба в Китае сегодня требует больших расходов, ибо год от года она становится все пышнее и торжественнее. Однако затраты на нее обычно окупаются, ибо приглашенные, как правило, передают молодоженам деньги, опять-таки в красном конверте (от 300 до 500 юаней). Если кто-либо по каким-либо

причинам не может присутствовать на свадьбе, он находит возможность передать свой “красный конверт” через кого-либо.

Во время свадьбы жених летом надевает светлый костюм, зимой — черный. Сохранились некоторые старые традиции. Например, двери квартиры невесты не открываются до тех пор, пока жених не назовет ее родителей папа и мама. Обувь невесты обязательно должна быть чистой, поэтому жених вносит ее в свой дом на руках.

Во время свадьбы на невесте красивое праздничное платье — белого, желтого или красного цвета. Оно стоит дорого — от 700 до 5000 юаней, поэтому чаще его берут напрокат. В ходе свадебных торжеств невеста несколько раз — не меньше трех — меняет свои одежды.

С еще большей серьезностью, чем свадьба и рождение ребенка, китайцы всегда относились к заупокойным обрядам. С этого, по конфуцианской морали, начиналась всякая добродетель... Существовал свод правил погребального этикета, среди которых на первом месте стояла покупка гроба. Несмотря на печальные обстоятельства, гроб считался в народе счастливым предметом. И нам, наверное, не понять радость китайца, который в подарок от детей получил гроб.

Раньше во время траурных церемоний носили белые одежды, ибо белый цвет в Китае обычно ассоциируется со смертью. Именно поэтому существует традиция не давать людям пожилого возраста, которым уже за семьдесят лет, соевый творог “доуфу” — одно из традиционных и любимых китайцами блюд, поскольку это блюдо белого цвета.

В настоящее время во время траурных церемоний в городах уже не носят белые одежды (их носят по-прежнему только в деревнях), они заменяются белыми повязками на голове. В знак траура носят черные повязки на рукаве одежды: на левом — когда умер мужчина, на правом — когда умерла женщина, в случае одновременной смерти нескольких человек черную повязку носят на левом рукаве.

Во время поминок на похоронах обычно подают нечетное количество блюд. Через семь дней после похорон сжигают изображения одежды, различных предметов обихода. Существует поверье, что это необходимо для того, чтобы покойнику было хорошо после смерти. С конца 50-х годов вместо погребения тел умерших в землю вошла в практику кремация.

Особенности китайской культуры находят свое яркое проявление и в календарных праздниках. В жизни китайцев календарные праздники всегда играли значительную роль, поскольку для них цикл мирового времени исчерпывался естественной сменой сезонов, связанных с хозяйственным циклом.

Самым важным праздником в году был и остается Новый год по лунному календарю, который не совпадает в разные годы, но, как правило, бывает в январе-феврале. Для китайцев он имеет несравненно большее значение, чем, скажем, Новый год для русских. В парках устраиваются ярмарки, концерты артистов, праздничное шествие масок, запуск воздушных змей. Вечером устраиваются фейерверки с зажиганием хлопушек. “Праздник весны” сопровождается различными обрядами, отражающими национально-культурную специфику речевого и неречевого поведения. Перед началом празднования Нового года вывешиваются парные надписи с благопожеланиями и иероглифом: “счастье” (фу). Многие китайские семьи делают это и сейчас. Еще один счастливый новогодний символ — присутствие на праздничном столе рыбы. “Рыба” (юй) созвучна слову “остаток, излишек” (юй). Наличие рыбы в новогоднем меню означало стремление к достатку в течение всего года. Образ рыбы прочно связан в сознании китайцев с достатком, и в настоящее время рыба остается более дорогим для них кушаньем, чем мясо.

“Праздник весны” — самый большой праздник в Китае — начинают встречать застольем 29-го числа (по лунному календарю) и торжественно 30-го; продолжается он две недели и заканчивается 15-го числа Нового года “праздником фонарей”. По традиции к “празднику весны” готовятся самые дорогие и вкусные блюда, на которые малообеспеченные семьи тратятся раз в год. В прошлом кушанья готовились на много дней (даже на целый месяц), так как в праздничные дни не следовало что-нибудь делать. Например, в канун праздника не спали всю ночь: играли в “маджан”, в “кости”, в карты и другие игры, неизменно грызли арбузные семечки, жаренный в кожуре арахис и сорили на пол, но мусор не полагалось выметать, чтобы “не вымести из дома деньги этого года”. 30-го числа за столом должны присутствовать все члены семьи. Перед портретами предков тоже ставилось праздничное угощение. Во время новогоднего застолья количество блюд, подаваемых на стол, бывает обычно не меньше двенадцати. На столе обязательно должны быть курица, утка, овощи, мясо и рыба. Рыбу лучше не трогать, оставить на следующую трапезу; иногда ее подают вообще в сыром виде, для того, чтобы в Новом году в доме всегда были “ю-юй” — “излишки от достатка”. Теперь разбогатевшие китайцы предпочитают праздничные хлопоты на кухне предоставить ресторанам.

В 12 часов ночи происходит нечто невероятное, что пугает несведущих иностранцев: в городе начинается канонада, которую можно срав-

нить с артиллерийским штурмом города сотнями батарей. По улицам плывут тучи порохового дыма, а утром дворы и улицы покрыты красными бумажными коврами от разорвавшихся хлопушек. Есть традиционные большие хлопушки, которые взрываются 2 раза и по которым семья гадает, что несет ей Новый год: если хлопушка взорвется 2 раза, значит — все в порядке, а если только 1 раз (что нередко случается) — жди беды. В последние годы во избежание пожаров запуск хлопушек, особенно в крупных городах, ограничивается.

На 5-й день праздника опять оживление, опять пальба — приветствие бога богатства. И каждый дом старается побольше и погромче палить, чтобы заманить его к себе. И наконец, 15-го числа — “праздник фонарей”, когда едят рисовые фрикадельки со сладкой начинкой, устраивают в парках выставки фонарей, на которых любят бывать молодежь и дети. Этим заканчивается “праздник весны” с его долгими каникулами для учащихся и несколькими днями отдыха для служащих. Во время “праздника весны” существует обычай дарить подарки. В канун Нового года детям дарят деньги в красном конверте, так называемые поздравительные деньги.

После “праздника весны” родственники еще в течение двух недель ходят друг к другу в гости. Другим праздником, в котором проявляются элементы языкового символизма, является романтический “праздник середины осени”, праздник середины года по лунному календарю — чжунцюцзе, который приходится (15 число 8 месяца по лунному календарю) обычно на сентябрь, иногда на октябрь месяц. Этот праздник имеет также название “туань-юаньцзе (дословно “праздник встречи после разлуки”). К этому празднику готовят “юэбин” (или печенье “туань-юаньбин”) — “печенье с начинкой”, их принято дарить. Ритуал праздника раньше заключался в том, что все члены семьи собирались вместе и любовались полной луной, которая особенно ярко в ночь праздника светила на небосклоне. Во время этого праздника нельзя было “есть груши”. Это связано с тем, что слово “груша” (ли) созвучно слову “разлучиться, расстаться” (ли). В это табу вкладывался смысл встречи, во время которой никто не мог сделать намек на расставание. Этот обычай дошел до наших дней, и сегодня китайцы, угощая гостей, не разрезают грушу на две или более части, как это они делают с яблоками.

О Китае можно говорить бесконечно. Поэтому мы с замираньем сердца ждем каждой встречи с этой действительно великой страной.

Китаю есть чем гордиться. За тридцать с лишним лет политики реформ и открытости страна добилась поистине грандиозных — другое

слово будет неадекватно отражать смысл произошедшего — достижений во всех областях экономической, культурной и политической жизни. Конечно, существуют и многие серьезные проблемы. Достаточно назвать лишь наличие значительного количества безработных, убыточность многих предприятий государственного сектора, высокий уровень коррупции. Об этих проблемах любят говорить критики китайской модели развития. Однако никому не удастся оспорить того очевидного факта, что за тридцать с лишним последних лет китайская экономика развивается динамично, из года в год имеет место неуклонный рост промышленного и сельскохозяйственного производства, постоянно повышается жизненный уровень населения, была решена проблема, которую не могли решить на протяжении многих столетий — продовольственная. Как говорят в Китае, “мы смогли накормить людей”.

КИТАЙСКИЙ НОВЫЙ ГОД (ПРАЗДНИК ВЕСНЫ)

ЕРЕКЕШЕВА
Лаура Гибратовна

Заведующая отделом Центральной и Южной Азии Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, доктор исторических наук. Автор более 60 научных публикаций по истории стран Центральной и Южной Азии, религии, в области межкультурного диалога. Член Американской ассоциации социологов религии.

Несколько раз автор статьи имел возможность наблюдать в Китае празднование, пожалуй, основного и наиболее любимого китайцами праздника — восточного Нового года или праздника прихода весны (чуньцзие). Событие это, конечно же, незаурядное, насыщенное яркими красками и растянутое во времени. Официально празднества начинаются непосредственно перед Новым годом, дата которого устанавливается по лунному календарю и потому каждый раз является блуждающей, а заканчиваются после праздника фонарей, приходящегося на первое полнолуние нового года. Увиденное и услышанное во время «новогодних гуляний» не может оставить равнодушным заинтересованного зрителя и, кроме того, дает пищу для размышлений о богатстве и живучести традиций, роли религиозных представлений, о сакрализации времени и пространства в целом. Об этом и пойдет речь ниже.

Но для начала хотелось бы отметить, что практика празднования времен года или определенных календарных сезонных рубежей с соответствующими яркими представлениями вообще характерна для китайской (и не только) традиции, донесшей до нас древние ритуалы, связанные с культурами предков, плодородия, животных. Праздники наступления весны (или Нового года), начала лета, середины осени и др.

— все они в большей или меньшей степени носят древнее мифологическое измерение и сопровождаются соответствующими ритуалами, танцами, шествиями. Например, если танец львов является одним из ключевых символов праздника весны, то танец драконов — праздника наступления лета, приходящегося на 5 день 5 лунного месяца и т.д.

Китайский (восточный) Новый год или праздник весны, отмечаемый по лунному календарю, — это из года в год повторяемое действие, провозглашающее торжество цикличности, в котором особое сакральное состояние души находит такой же внешний отзвук: танцы львов, освящение рабочего и домашнего пространства, бой барабанов, благопожелательные символы, вкушение специальных новогодних блюд (не говоря уже о петардах, отпугивающих злых духов), и, конечно же, поминовение предков и посещение храмов, в которых воздается должное духам, предкам и божествам.

Этот широкий внешний атрибутивный ряд совершенно гармонично и естественно вплетается в особое состояние души, сакральное и одновременно архаичное по своей сути, когда происходит трансформация во всем — в человеке, природе, космосе; когда колесо цикличности перевоплощает будни жизни в праздник нового отсчета времени и внутренне переживаемое и даже порой не осознаваемое стремление человека к упорядоченности, гармонии, новому возрождению, единению с окружающей природой и миром находит свое внешнее воплощение, отмеченное буйством жизни во всех ее ярчайших красках и неистребимой надеждой на лучшее. На обыденном уровне человек выплескивает свои тревоги, накопленную усталость и груз забот, раскрепощается в водовороте праздничного настроения, одновременно проявляя высокую социальную солидарность и переживая чувство личной сопричастности.

Однако имеется и еще один аспект, позволяющий проводить аналогии с религиозными празднованиями, также цикличными по своей сути. Это внутреннее сакральное чувство, получающее практически беспрепятственно свое внешнее воплощение. Гармония между внутренней потребностью души и внешней реализацией этого состояния дает впечатляющий эффект, как индивидуально-психологический, так и социальный. Подобным образом индивид и социум поддерживаются в «тонусе», им не дается забыть свое изначальное «примордиальное» состояние, свои корни, свой момент равновесия. Традиция переживаемого торжества сакральности и включения в него индивидуума способствует в итоге витальности и жизнестойкости человека и самого

общества. Через внутренне ощущаемое возрождение и достижение своего первичного состояния обновленный человек и социум готовы к новому усвоению и новым задачам.

Механизмами поддержания данного равновесия служат отмеченные выше такие атрибуты праздника, как танец львов, зажигание петард и хлопушек, приготовление определенной пищи и т.д. Эти атрибуты, уходящие своими корнями в самую глубь «предыстории», фактически не изменили свой внутренний посыл, они так и остались «законсервированными» временем, привнося с собой сакральность действия и окрашивая ею все вокруг. Поэтому интуитивно воспринимаемое человеком и целым обществом внутреннее стремление к гармонии и равновесию беспрепятственно находит свой внешний аналог. Современное мышление эти механизмы представляет как имеющие преимущественно фольклорное и традиционное измерение, как фактор культуры и способ сохранения особой идентичности народа. Не оспаривая этого, хочется добавить, что данные механизмы также несут в себе важную смыслообразующую нагрузку — они не навязчиво, но устойчиво, через ежегодно повторяющиеся символы традиции, поддерживают состояние сакральности в человеке и социуме. И пусть порой это полностью так и не осознается людьми, тем не менее, сакральность бытия не перестает от этого существовать и каждый раз, вместе с очередным новогодним праздничным духом, переживаться заново.

Разлитие данной сакральности проявляется во всех атрибутах новогоднего празднества, которое автору удалось наблюдать в южнокитайской провинции Гуандун, отличающейся не только своим особым диалектом байхуа, понять который остальным китайцам без подготовки очень сложно, но и богатым проявлением религиозных чувств. Однако, несмотря на отличия между, условно говоря, севером и югом, алгоритм празднования Нового года в Китае, по сути, остается неизменным, вариации возможны в деталях, учитывающих местный географический контекст.

Танец львов, например, — это ярчайший пример древних религиозных верований, имевших отношение и к анимизму, и к тотемизму. Считается, что львы (как минимум их два) своим присутствием освящают дом, отпугивают все злое. Но для этого предварительно их необходимо умилостивить, необходимо сдерживать активные силы природы, воплощающиеся во льве, условно говоря, следует их «облагородить». Иными словами, в своем стремлении к гармоничному состоянию и равно-

весею с природой (а также с социумом и самим собой) человек должен преодолеть разрозненность, хаос, дискретность.

В танце львов это проявляется очень четко. Для умилоствления львов (а в их лице — всего внешнего мира, природы и космоса) хозяин дома должен пойти им навстречу — приветливо принять, преподнести дары и угощения. Здесь имплицитно заложена идея необходимости гармоничного сосуществования с природой — человек древности мыслил себя частью окружающего пространства, непосредственно оказывающего влияние на его жизнь. В виде даров львам предстают пучки зеленой молодой капусты*, листьев салата, перьев зеленого лука, т.е. продуктов, символизирующих в земледельчески-аграрных обществах древности урожай, а значит достаток, процветание. Пучки капусты подвешивают на верхушке шеста около дома или же высоко над дверью, перед входом в помещение. Львы должны суметь взобраться по шесту и дотянуться до зелени. Срывая ее с шеста, львы одновременно раскатывают длинный красный вертикальный свиток с благопожелательными символами. После того, как пучки зелени получены, они как бы усваиваются, а затем разбрасываются ими вокруг, словно возвращаются хозяину дома, что в целом показывает готовность львов к «сотрудничеству».

Было интересно наблюдать за данным эпизодом во время танца львов в одном административном корпусе, когда молодая сотрудница решила сразу же прибраться в помещении и собрать все разбросанные пучки зелени. На что она немедленно получила жесткий ответ со стороны более разбирающихся в деталях традиции сотрудников: пучки зелени — это сродни символу процветания, убирать их в ходе танца львов недопустимо.

Эпизод умилоствления львов, а вместе с ними — сил природы в целом — очень красив в исполнении, динамичен и составляет, пожалуй, одну из наиболее красочных частей общего действия. В своем танце перед домом до снятия пучков зелени львы изгибаются, делают вертикальные стойки, показывают грозный оскал, свою мощь, красоту, силу, превосходство; после снятия, когда они уже частично умилоствлены — львы поклоняются дому, показывают свою поддержку. После этого им уже можно войти в помещение и применить свои функции ограждения.

Защитные функции львов по отпугиванию злых сил и духов здесь уже проявляются в так называемом освящении пространства, роль ко-

торых в иных культурах выполняют благовония, действия шамана или же священника с кадилом и ладаном. В китайском мифологическом пространстве львы уже самим своим присутствием в доме способствуют его своеобразному очищению. Протанцовывая и поклоняясь во время «осмотра» помещения, они подходят прежде всего к месту расположения своеобразного алтаря с фигурками божеств, горячей лампадой, чаши с фруктами-дарами и дымящимися благовониями. После освящения центрального сакрального пространства, и получив за это дары — в виде бумажного «красного кошелька» с деньгами, львы продолжают свой плавный ход по остальным комнатам, где процедура повторяется вновь.

Современная практика коммерциализации традиции коснулась также и танца львов. Освящение львами внутреннего пространства, конечно, предусматривает определенное вознаграждение хозяином дома. Однако, и автор был тому свидетелем, общего освящения целого пространства порой бывает недостаточно. Иногда хозяин дома или помещения намеренно приглашает львов освятить то или иное конкретное место (например, стол, шкаф, оборудование), что у последних находит немедленный отклик. В этих случаях львы еще раз демонстрируют свой танец, извиваются, как бы борясь с нечистью, и освящают выбранный место, за что, как правило, бывают сразу же вознаграждены дополнительным «красным кошельком» с деньгами, исчезающим в пасти животного. Нет необходимости говорить о том, что празднование Нового года для исполнителей танца львов, а также их «администраторов» (которые, одетые в обычную одежду, постоянно находятся рядом и принимают у львов «красные бумажные кошельки») является, пожалуй, наиболее «урожайным» периодом в году.

При выходе из дома львы словно пятятся назад, неистово, но с достоинством поклоняясь ему, затем еще раз совершают перед входом свой яркий завораживающий танец и с достоинством уходят прочь.

Все действие от начала до конца сопровождается широким звуковым оформлением, что неудивительно. Процесс соединения воедино сакральных функций танца и музыки, столь естественного для древних верований, в танце львов (также как, например, и в камлании шаманов) получает свое яркое воплощение. Попутно замечу, что в группу участников танца львов входят также исполнители на жестяных тарелках и на огромном барабане на колесах — все они также являются профессиональными исполнителями, готовыми в любую минуту подменить уставших танцоров.

* В самом Китае ее иногда называют корейской капустой.

Непрекращающийся бой барабанов и звучание жестяных тарелок изначально усиливают функции львов (и природы) — вначале хаотичных и грозных, а впоследствии — умиротворенных, защищающих. Зрителю не дается ни секунды безмолвия, визуально и аудиально он вовлекается в процесс, словно пропитываясь мифологическим состоянием традиции. В довершение действия, после ухода львов, освящение пространства еще раз закрепляется интенсивной звуковой гаммой — запуском петард, которые, предварительно подвешенные на веревке в виде спускающихся вниз гроздьев-цилиндров красного цвета, начинают взрываться, извергая неимоверный шум и покрывая землю красными бумажными лепестками. После этого освящение пространства можно считать законченным.

Вообще стоит отметить, что звуковая канонада во время танца львов и в ходе всех новогодних праздников в целом — это совершенно неуправляемая какофония звуков, извергающаяся не только днем, но и ночью. Хотя, например, в Гуанчжоу, огромном многомиллионном мегаполисе, как говорят, взрывы салютов и петард частными лицами запрещены, тем не менее, традиционные верования показывают свою живучесть и витальность. Взрывы салютов, петард и хлопушек происходят по принципу «чем громче, тем лучше», поскольку именно таким образом, по поверьям, вся нечисть изгоняется прочь. Вполне допустимо, что именно это стремление могло когда-то двигать древними китайцами при изобретении пороха как наиболее мощного средства по отпугиванию злых сил.

Для мифологического сознания танец львов и взрывы петард таким образом отпугнули прочь нечистую силу и злых духов, создали для человека новые возможности, ситуацию, очистили от скверны, подготовили условия его новой жизни в наступившем году. Вместе с ними груз прошлогодних проблем уходит прочь, преодолен хаос, достигнуто необходимое с природой и самим собой равновесие, а потому разворачивается новая, будто с чистого листа, полоса деятельности, и впереди открываются манящие перспективы. Начинается отсчет нового года — нового времени, а вместе с ним и нового цикла жизни.

Однако танец львов можно считать важной, но не единственной составляющей торжества цикличности, которое проявляется буквально во всем — от ритуала приготовления традиционных новогодних пельменей до обязательного поминовения предков и посещения храмов в первый день нового лунного года. К слову сказать, данная традиция стала возрождаться в последние десятилетия, причем воедино смешиваются и даосские, и буддийские места поклонения.

В южном Китае, например, исключительной популярностью пользуется бодхисаттва Авалокитешвара, богиня милости и сострадания, которая в буддийско-китайской традиции персонифицирована в богиню Гуаньинь. Богиня Гуаньинь — это народная заступница, отпускающая грехи, спасающая людей от всех бедствий, покровительница женщин, детей, моряков, а также тех, чьи профессии связаны с опасностью. Изображения богини Гуаньинь в южном Китае можно увидеть повсюду — на традиционных изделиях — засушенных тыквах-горлянках у-лоу (которые сами по себе считаются оберегом), различных лубочных и просто картинах, в виде статуэток из нефрита, а также на многочисленных подвесках-амулетах из камней. Изображения Гуаньинь пытаются даже создать и при культивировании жемчуга, когда в створке моллюска формирующиеся жемчужины специально располагают в определенном порядке, имитирующем фигуру богини. Эти створки раковины с изображением Гуаньинь, сделанным из жемчуга, носят потом на шее в виде подвески или же просто держат дома в качестве своеобразного эстетического и ценного оберега. Автор был свидетелем исключительно огромного количества желающих поклониться богине Гуаньинь в провинции Гуандун в первый день нового года. Учитывая, что все большее число китайцев в последние годы пересаживается на автомобили и едет к местам поклонения на собственном транспорте, то «дорога к храму», даже в ранние часы, вызывает нагрузку на движение и отнимает немало времени.

Как известно, китайская культура отличается высоким символизмом, присутствующим во всех сферах жизни. Не стала исключением и такая важная для китайцев сфера, как приготовление пищи, которое в древнем мире, так же как и все остальные виды хозяйственной деятельности, несло важную сакральную нагрузку, особенно в период ритуальных торжеств, к которым можно отнести и праздник обновления природы, Нового года. Попутно стоит отметить, что в древности религиозные традиции охватывали все сферы жизни и деятельности, многие из которых со временем постепенно стали «отпочковываться» и освободиться от сакрального влияния. Однако и в настоящее время ни одна из религиозных традиций, существующих в мире, не предстает в отрыве от символики еды, а концепция сакральности пищи является неотъемлемой составной частью того или иного религиозного праздника или же будней. Достаточно вспомнить выпечку мацы и в целом концепцию кошерной пищи; вегетарианство в индуизме и буддизме и строгие запреты в отношении говядины в индуизме; накрытие празд-

ничного стола хав син в зороастризме; традицию поста в христианстве и исламе; пасхальные куличи и яйца, а также вино и хлеб как символы христианства в целом; жертвоприношение баранов в мусульманский праздник курбан-байрам, изготовление пятничных лепешек, а также кулинарных изделий в праздник разговения айт/ид и т.д.

В этом отношении в китайской традиции мифологически насыщенное ритуальное отношение к еде и другим атрибутам праздника не утратило своего первоначально заложенного важного смысла вплоть до настоящего времени. Для всего культурного пространства Китая жизненность и преемственность многочисленных традиций, изначально отражавших религиозные воззрения людей древности, стало неотъемлемой чертой.

Соответственно этому можно обнаружить особое трепетное отношение китайцев к многочисленным мифологическим составляющим своего прошлого. Процесс использования пищи в качестве даров духам предков и божествам, приготовление и концепция еды в целом не являются здесь исключением, при этом в Новый год он достигает своего апогея. Например, автору довелось увидеть, с каким усердием и мастерством в новогоднюю ночь хозяйка дома трудилась над благопожелательными символами при приготовлении, казалось бы, традиционных пельменей. Закодированный смысл благопожеланий здесь проявляется в том, что из теста лепятся маленькие круглые колечки, символизирующие древние деньги, которые подвешиваются на более крупное кольцо, также сделанное из теста. Эти крупные кольца с низанными на них колечками-деньгами опускают затем в общий котел, где варятся традиционные новогодние пельмени. Таким образом, и вкушение пищи представляет собой особый символ — пожелание здоровья и процветания, в большей степени выпадающее тому, кому удастся поймать эти кольца. На 7-8 лунный день наступившего нового года приходится также традиция изготовления особых пирожных-пряников, в которые добавляются специальные овощи — соевые бобы, шпинат, имбирь и т.д., что должно символизировать здоровье, удачу, процветание в новом году. В целом, исследование символического характера концепции еды в китайской культуре — поистине беспредельная тема, заслуживающая специального отдельного изучения.

В качестве примера сакральной символики необходимо отметить и традицию украшения внешнего пространства, рабочих и жилых помещений так называемыми мандариновыми деревьями — кустами мандаринов, высаженных в кадках и горшках. Эта традиция распростране-

на в южном Китае. Произношение иероглифа «мандарин» (цзюцзи) на южно-китайском диалекте созвучно иероглифу «благополучие», в силу чего это понятие и заключенный в нем особый благопожелательный смысл переносятся на схожий по звучанию другой предмет. Тем самым сакральные свойства одного предмета (причем на основании лишь одной звуковой аналогии!) передаются другим, что в целом также можно считать рудиментом мифологического мышления.

В китайской культуре наиболее наглядно этот момент прослеживается на примере сакрального статуса верховной власти, императора, наделенного особой жизненной силой «дэ», которую он затем уже распространяет на всех и все вокруг себя (с этим связаны, в частности, действия, ритуалы и запреты, строго регламентирующие поведение императора и его окружения). Другим ярким примером этого может служить понятие «манны» в полинезийских обществах, на основании чего М.Вебером в свое время было выведено определение харизмы. В целом же, древнее представление о возможности получения людьми какого-то определенного качества или состояния от того или иного человека или же предмета является довольно устойчивым, распространено порой в настоящее время и не может считаться спецификой лишь китайской культуры. Показательны в этом отношении воспоминания мастера кунг-фу, актера и режиссера Джеки Чана, который описал в своей автобиографии эпизод юности, имеющий отношение к данной теме. Как он отмечает, после периода неудач, последовавших на начальном этапе его кинокарьеры, некоторые особо суеверные коллеги даже стали обходить его стороной, поскольку боялись, что «плохая удача», которая в тот момент сопровождала его, могла перекинуться и на них. Аналогичным образом высокий статус, здоровье, долголетие или же процветание и достаток того или иного человека также, в свою очередь, создают вокруг него особое состояние, разделить которое желают многие. Особенно наглядно данные рудименты мифологического мышления неосознанно присутствуют сегодня в массовой культуре и даже политической сфере. Рукопожатие, стремление дотянуться до спортивной звезды, актера, певца, политика во время предвыборной кампании и т.д., а также переживаемое в ходе этого процесса состояние одержимости, экстаза и возбуждения, — все это является далекими отголосками неосознанного стремления получить толику благодати, которой обладает наделенный харизмой человек.

Особый благопожелательный смысл понятия «мандарин» влечет за собой его широкую символизацию. В данном конкретном случае сим-

воличность предмета в буквальном смысле переносится на социальное и индивидуальное пространство, заполняя его собой. Мандариновые кусты превращают абстрактную символику в визуально-материальную, начиная от отдельных горшков, которые покупают люди для украшения своих домов, и заканчивая так называемыми мандариновыми базарчиками, весело расцветивающими оранжево-зеленым цветом городские и сельские кварталы южного Китая. Особый колорит этому придают также и упоминавшиеся выше красные бумажные кошельки с благопожелательными иероглифами, которые подвешиваются к веткам мандаринов и в еще большей степени усиливают символичность действия, одновременно насыщая его более густыми пурпурными красками.

Необходимо отметить, что процесс сакрализации индивидуально- и социального пространства нового года растянут во времени — празднование продолжается две недели и завершается своеобразным гала-представлением — праздником фонарей, приходящимся на полнолуние или первую полную луну нового года. Полнолуние является своеобразным отсчетом, подводящим итоги веселью, и одновременно дающим сигнал к пробуждению природы и началу трудового цикла. В это время, как считается, можно начинать новые дела и посевные работы. Именно в этот период в древнем Китае император проводил так называемую ритуальную борозду, первую вспашку поля, давая отсчет посевным работам. Да и в современном Китае порой можно увидеть сюжеты по телевидению, как государственные лица приезжают в села и на месте знакомятся с особенностями посевных работ.

Именно новогодние празднества по лунному, а не солнечному календарю считаются «настоящим» Новым годом, на этот период приходятся официальные нерабочие дни для служащих, новогодние каникулы для школьников, причем в школах под конец старого года подводят своеобразные итоги и за прошлый учебный год, хотя официально он заканчивается летом. Раздача и получение похвальных грамот, традиция проведения итоговых общешкольных родительских собраний происходят именно в период перед новогодними праздниками по лунному календарю.

К наступлению праздника фонарей социальное пространство приобретает интенсивно красный оттенок, который, в соответствии с мифологическим измерением, отпугивает все плохое. Помимо мандариновых деревьев, «красных кошельков» и различных бумажных благопожелательных символов, выполненных, как правило, на красном

картоне, к этому прибавляются и фонарики, также преимущественно (хотя и не только) окрашенные в цвет кумача. Если же принять во внимание и вывешенные на центральных улицах национальные флаги Китая, тоже красного цвета, то получается удивительно яркая картина, действительно, словно пробуждающая все ото сна, призывающая к активной деятельности и четко отделяющая собой старое от нового, серость будней от наступившего веселья.

По окончании праздника фонарей, на 16-17 лунный день жизнь возвращается в рабочий ритм: школы заполняются учениками, фабрики — рабочими, энтузиасты утренней гимнастики «тайцзи цюань» вновь в полном составе дисциплинированно выходят на свои площадки. Уже с 6-7 часов утра шумные звуки города опять вступают в свои полные права, а страна, словно насытившись весельем, постепенно снимает с себя «красную вуаль». Новый год неумолимо раскручивает очередное колесо цикличности, предоставляя истории отмеривать свою неспешную поступь. Сакрализация внутреннего и внешнего пространства, как особое состояние человека и социума, снижает свою интенсивность, однако не исчезает прочь — притаившись в глубине души, она ждет нового воплощения и своего следующего часа тотального торжества.

КИТАЙСКИЕ ДЕТИ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

КАУКЕНОВА
Татьяна Владимировна

Независимый эксперт, кандидат философских наук. Ведущий эксперт Центра по изучению Китая при ИМЭП при Фонде Первого Президента РК (2008-2009). Проходила стажировку в Шаньдунском государственном педагогическом университете по специальности «Современный китайский язык» (2002-2003).

Понять национальный характер, не понимая истоков его складывания, очень сложно. Разумеется, мы можем читать красочные страницы в путеводителях, удивляться особенностям менталитета, узнавать интересные факты о жителях той или иной страны. Скажем, о Китае и китайцах написано бесчисленное множество книг и снято столько же фильмов. В итоге, из тех или иных источников мы приблизительно представляем себе, какие они. Но понять, почему они такие, можно, на мой взгляд, лишь проследив весь путь формирования личности жителей Поднебесной — с самого детства.

В моем восприятии китайские дети занимают очень важное место в жизни общества. Многие впечатления, полученные от пребывания в Китае, связаны у меня именно с детьми: от малышек до выпускников школ. Довольно бессмысленно задавать вопрос: «Какие они, китайские дети?». Конечно, чудесные. Как впрочем, любые дети в любой точке мира. Непосредственные, любознательные, трогательные, сосредоточенные и беззаботные...

Тогда в чем отличие детей одной страны от другой? Как их сравнивать и, тем более, делать на этом основании какие-то выводы? Как мне кажется, это вопрос формы и содержания. Все люди в своем развитии последовательно проходят определенные стадии. Выражаясь языком

психологической науки, сначала для ребенка самым важным является общение с матерью, потом с семьей, потом познание мира через игру, затем учеба, в подростковом возрасте общение со сверстниками и, наконец, самореализация. Такое развитие проходит практически у всех и ведет, в итоге, к формированию взрослой личности. Однако в разных обществах и культурах содержание этих этапов будет серьезно отличаться. С самого начала — до конца. Отношение к родителям в восточных обществах совсем не похоже на модели общения в западных семьях, в разных странах дети играют в разные игры, а уж организация учебного процесса, его цели и методы и вовсе разнятся.

То есть, возвращаясь к психологии, «ведущая деятельность» в развитии человека у всех стран и народов будет схожей, но вот ее видение, понимание и содержание — нет. Отношения между детьми и родителями в китайских семьях, где все еще очень сильны конфуцианские традиции, будет совсем не таким, как в Казахстане и, тем более, в странах Запада. Осуждать или оценивать такое положение вещей не имеет смысла. Вся система воспитания и обучения призвана готовить маленького человека к взрослой жизни в определенном обществе. И критиковать такую «подготовку» так же глупо, как критиковать само общество, ставшее таким, какое оно есть, в результате вековых исторических, культурных, экономических процессов.

Поэтому, чтобы раскрыть свой взгляд на китайских детей, я думаю, самым удобным будет показать, как именно мне видится содержание тех или иных стадий в их взрослении и развитии — от воспитания в семье до подготовки к поступлению в вузы.

Однако стоит оговориться, что, учитывая особенности современного Китая, невероятно сложно вообще рассуждать о каких-то общих чертах, характеризующих жизнь и характер детей этой огромной страны. Не секрет, что китайское общество сегодня очень неоднородно, социальное расслоение — как неизбежное сопровождение масштабных реформ — приводит к тому, что отношение к детям и их воспитанию у разных социальных групп очень и очень разное. Тем более в таких условиях проблематично сравнивать жизнь китайских детей с детьми Казахстана, внутри которого также немало совершенно несхожих социальных общностей. Ну, к примеру, можно искать отличия между воспитанием ребенка из небольшой деревни в Центральном Китае и воспитанием ребенка из русскоязычной алматинской семьи. С другой стороны, точно так же можно составить список отличий воспитания казахстанского малыша из многодетной

мусульманской семьи на юге страны и единственного ребенка в семье состоятельных шанхайцев...

Подобное утрирование имеет целью показать не столько разницу между теми или иными социальными группами в Китае и Казахстане, сколько невозможность выявления какой-то универсальной модели, описывающей отношение к детям в наших странах.

И здесь очень важно уточнить, что речь в дальнейшем будет идти в первую очередь о моем субъективном восприятии тех или иных особенностей жизни детей в Китае, а во-вторых, примеры будут основываться на личном опыте, и никаких претензий на универсальность за ними искать не стоит.

Китайские дети в семье

Вообще, рассуждая о том, чем же воспитание китайских детей отличается от воспитания казахстанских, невольно приходишь к мысли, что эти отличия, если и есть, не так велики, как разница между детьми из Китая и из так называемых стран Запада.

К слову, обсуждение этой разницы является в последнее время одной из актуальных проблем не только педагогики и детской психологии. В течение всего 2011 года в мировых СМИ шла дискуссия, вызванная книгой американки китайского происхождения Эми Чуа. Ее книга «Боевая песнь матери-тигрицы» повествует об особенностях воспитания детей в китайских семьях.

Многие цитаты, действительно, шокируют. Описывая свои отношения с двумя дочерьми, г-жа Чуа рассказывает о жесткости, которую она применяет для того, чтобы добиться главной цели в воспитании ребенка — блестящих результатов в учебе. Ради достижения этой цели автор книги без всякого сожаления приносит в жертву свободное время своих детей, их личные потребности, участие во внеклассных мероприятиях и вообще все, что не способствует, по ее мнению, достижению наивысших результатов: и с точки зрения потенциальных оценок, и с точки зрения качества выполняемой работы.

Оставив в стороне описание конкретных примеров воспитательной системы Эми Чуа, отмечу просто, что дело в данном случае не в этом. Главная мысль книги, как мне кажется, не в том, что «надо держать детей в жесткости и тогда они будут успешными», а в том, имеют ли право родители определять, что для их детей важно, а что нет. И эта мера детской самостоятельности и родительского контроля является сутью

отличий семейного воспитания в разных культурах. В Китае родители очень остро ощущают ответственность за судьбу детей. Это связано, с одной стороны, с конфуцианскими традициями, когда иерархия семейных отношений была базовой не только для «отцов и детей», но и для государства и подданных. В данном случае такие категории, как «самостоятельность», «гармоничное развитие», «опыт творческой деятельности» и прочая гуманистическая лексика особо востребованными не являются. Гораздо важнее такие категории, как «послушание», «старательность», «соответствие» и т.п.

С другой стороны, учитывая особенности системы пенсионного обеспечения в Китае, когда родители в старости очень долгое время практически полностью находились на содержании собственных детей, — контроль того, как ребенок устраивается в жизни, был залогом обеспеченной старости. Именно поэтому вложение средств, времени, внимания в обучение детей является гарантией того, что родители, во-первых, ведут себя так, как полагается добропорядочным родителям, а во-вторых, между детской самоактуализацией и куском хлеба в старости выбор делается однозначно в пользу последнего.

Кстати, именно такое положение вещей определяет предпочтительность рождения мальчика. Ведь девочка, уйдя после замужества жить в семью мужа, вряд ли сможет поддержать своих родителей, когда те перестанут сами зарабатывать себе на пропитание. Удивительно, но это проверенный факт — казахстанцев очень интересует политика ограничения рождаемости в Китае. Беседуя в Казахстане с учениками школ или студентами о жизни современного Китая, рано или поздно услышишь просьбу объяснить, что скрывается за лозунгом «одна семья — один ребенок» и как этого власти добиваются; почему китайский народ не протестует против такого вмешательства в свою личную жизнь; как быть, если родился незапланированный ребенок или появилась двойня и т.д. Надо отметить, что эти вопросы занимают в основном молодежь, а старшее поколение интересуется чаще всего пенсионной системой и социальным обеспечением.

Рассказывая о том, каким образом осуществляется контроль над рождаемостью, я практически всегда сталкиваюсь с тем, что ребята не сразу понимают, в чем суть таких социальных явлений, как «маленький император» или «маленькое солнышко». Речь идет о том, что в связи с политикой «одна семья — один ребенок» китайское общество все чаще сталкивается с новым для себя семейным сценарием. Единственного и долгожданного малыша в семье начинают баловать, исполнять

все его капризы, традиционного усердия и послушания от него уже не требуют — лишь бы был счастлив и получал все духовные и материальные блага. С ростом благосостояния китайского общества для многих слоев населения дети перестают быть потенциальным источником содержания и становятся просто объектом любви и нежности, иногда чересчур обильной. Вроде ничего неожиданного, но это действительно новое явление для КНР.

Здесь — в Казахстане — проблема такого рода вряд ли возможна. Несмотря на традиции многодетности, единственный ребенок в РК — явление привычное, да и баловать малышей тут принято. Местный менталитет эту проблему может оставить в разряде педагогических или семейно-бытовых, но для Китая, с его системой конфуцианской этики, это действительно нонсенс. «Император», понимаемый как главный «родитель» в государстве, вряд ли может сочетаться с прилагательным «маленький» и ассоциироваться с капризным ребенком. Но тенденция набирает силу. Экономический достаток и социальная стабильность, видимо, оставляют больше времени для любви и заботы — и чем успешнее и обеспеченнее семья, тем вероятнее появление в ней вот такого вот «солнышка».

Но главного это не меняет — родительская любовь измеряется степенью его участия в жизни ребенка. Методы воздействия могут быть различными: от сурового диктата, описываемого Эми Чуа, до нежной опеки, устойчиво осуществляемой нарождающимся китайским средним классом, для которого успехи ребенка если уже не гарантия безбедной старости, то вопрос статуса определенно.

Детский сад

Детский сад везде является одним из первых и самых важных институтов социализации. Здесь дети не просто «находятся под присмотром» пока их родители заняты на службе. В детском саду малыши учатся быть членами коллектива, общества и усваивают все те знания, которые потом будут нужны им всю жизнь. Китайские детские сады в этом смысле отнюдь не исключение. Малыши попадают сюда гораздо раньше, чем это принято в Казахстане и, соответственно, данный этап «вживания в общество» начинается в Китае тоже раньше. О том, насколько эффективным инструментом социализации являются китайские детские сады, я имела возможность убедиться лично.

В нашем общежитии проходила стажировку американская художница русского происхождения. Девушка приехала изучать китайскую акварельную живопись и, так как обучение предполагалось почти годовое, взяла с собой своего трехлетнего сына Остина. Малыш был очень живой, подвижный и жизнерадостный, однако в отношении социализации и определенных навыков довольно сильно отставал от своих сверстников. Остин практически не умел разговаривать и реагировать на речь взрослых, не умел и не хотел сам одеваться и кушать, не был приучен к горшку, а каждый поход в супермаркет заканчивался истерикой — сначала его, потом его творческой мамы.

В общежитии была очень дружелюбная атмосфера: и студенты, и девушки из обслуживающего персонала с удовольствием играли и гуляли с Остином. Как мне показалось, китайцы вообще очень дружелюбно относятся к европейским ребятишкам. Однако с нашим Остином сидеть было не особо легко, малыш часто бывал непредсказуем, а понять, что же именно его беспокоит или не устраивает, было без мамы практически невозможно. В итоге, учеба его мамы сильно страдала, сосредоточиться ей было сложно, да и население общежития никак не могло перестать вздрагивать от регулярных взрывов детского плача.

В один прекрасный день профессор, курировавший обучение молодой мамы, предложил устроить Остина в детский сад для детей сотрудников университета. Сомнения были серьезные, но в конце концов женщина решилась. И это оказалось решающим шагом в судьбе маленького дебошира. Через неделю наш малыш заговорил! Не по-английски, не по-русски, а по-китайски. Он сидел на лестнице и гордо говорил всем знакомым «нихао» (привет) и «во цзяо Осытин» (меня зовут Остин). Мы все очень за него радовались, особенно китайские горничные. У них быстро налаживалось общение с мальчиком, он помогал им разбирать белье и провожал, когда они уходили по каким-то делам. Забавно то, что речевое развитие у Остина базировалось именно на китайском языке, он стремительно пополнял словарный запас, и дошло до того, что его мама не всегда понимала, о чем он говорит.

В детском саду отказались надевать на него подгузники и буквально за пару дней приучили к горшку. Примерно в эти же сроки он стал самостоятельно есть ложкой. Как у него сложились отношения с палочками, я, к сожалению, не знаю, но в целом обслужить себя соответственно возрасту он научился довольно быстро.

Самым обсуждаемым событием в одно время стало у нас появление у Остина китайской подружки. Его мама рассказывала, что малышка

взяла над ним шефство. Они ходили, держась за ручки, вместе листали книжки и вообще — она стала для Остина главным стимулом посещения детского сада. Ну а его мама стала делать гораздо более осязаемые успехи в освоении китайской живописи. Картины действительно были очень красивыми...

Эта забавная история, конечно, не раскрывает сути и особенностей китайского дошкольного воспитания, но позволяет составить мнение о его эффективности и не поддаться каким-то навязываемым стереотипам.

Детский садик, в котором воспитывались дети сотрудников университета, находился практически вплотную к стене нашего общежития. Однако принятых на постсоветском пространстве «открытых заборов» там не было — ограда была каменной и очень высокой. Другим отличием от нашей системы является наличие специальной формы, детки из «нашего» университетского сада носили желтые костюмчики и красные панамки. Хотя, насколько я знаю, это требование не является обязательным для всех садиков в Китае.

Для меня в свое время было шоком узнать, что в ясли детей в Китае принимают, когда им всего несколько месяцев, и отпуск по уходу за ребенком, соответственно, тоже очень недолгий. Мне казалось очень странным, что, позволяя семье иметь всего одного ребенка, официально матерям дается так немного времени на то, чтобы полностью посвятить ему свое время и внимание... Разумеется, так рано отдают в ясли ребенка в основном те женщины, которые боятся лишиться своего места на службе — по финансовым или карьерным соображениям. В яслях, в среднем по Китаю, дети находятся от 3 месяцев до 3 лет, потом до 6 лет — в детском саду.

Основная часть малышей, мамы которых выходят на работу, сидят с бабушками и дедушками или с нянями. Поскольку система пенсионного обеспечения охватывает далеко не всех, то присмотр за внуком является основным и вполне оправданным занятием для многих пожилых людей в Китае. Это позволяет им жить вместе с детьми и иметь крышу и средства к существованию. В целом для Китая такое положение вещей вполне естественно, долгое время китайцы жили большими семьями, когда в одном доме объединялось несколько поколений. Сейчас идет тенденция к разбиванию патриархальных семей, и забота о внуках — фактор, цементирующий традиционные институты семьи. К слову, забота двух поколений семьи об одном единственном внуке нередко портит маленьким китайцам не только характер, но и фигуру.

Проблема лишнего веса у детей, прежде Китаю неведомая, сейчас становится все более отчетливой.

Другим источником информации о китайском детском саде была моя подруга из Франции Анн-Клер, которая преподавала английский язык в элитном садике. Необходимо особо отметить, что обеспеченные китайцы придают очень большое значение изучению английского языка в программе обучения своих детей, поэтому учить английские слова малыши начинают практически с первого года жизни. Не раз и не два я сталкивалась с тем, что китайские игрушки для внутреннего употребления нацелены на обучение английским словам и песенкам, дети слышат их в мультиках, от говорящих кукол, из игрушечных телефонов и компьютеров.

И на фоне того, что все китайское общество сейчас осознает значение английского и стремится приобрести к нему новое поколение своих граждан, наиболее состоятельные члены этого общества желают, чтобы языку их детей обучали его носители. И если для элиты подходят исключительно представители англоговорящих стран, то менее придирчивые граждане согласны просто на европейцев — лишь бы английская речь была чистой и свободной. Поэтому очень многие студенты неофициально «помогали» обучать китайских детей в школах и детских садах — работой в прямом смысле слова это назвать было нельзя, но в качестве подработки очень часто практиковалось.

Итак, моя подруга, обучавшая маленьких дошкольников английскому, не раз говорила, что такая работа особого напряжения от нее не требует. Система обучения языку была построена в основном на запоминании новых слов, что выглядело примерно следующим образом. «Я сижу на большом стуле в центре комнаты, а дети на маленьких стульчиках — вокруг меня. Я говорю с правильным произношением новые слова, китайская учительница переводит, а дети повторяют. В первой половине урока мы повторяем и проверяем то, что учили на прошлом уроке, а во второй половине — учим новое. Китайская воспитательница еще следит, чтобы дети не баловались. Они и сидят, как приклеенные. Только на переменках бегают и то как-то спокойно». На вопросы, а как дети учатся грамматике, проигрывают ли сценки, строят ли диалоги, описывают ли рисунки, Анн-Клер отвечала, что ничем подобным они там не занимаются. Ей просто дают программу, по которой она ставит малышам произношение. Применить свои знания на практике детишки пока не могут. Видимо, еще рано.

Вообще, стремление как можно раньше обучить детей английскому языку, даже если они к этому пока не готовы и, по большому счету, не особо в этом нуждаются, часто толкает китайских родителей на крайности. Так, много раз ко мне на улице или в магазине мамочки подталкивали своих детей «попрактиковать английский». Детки стеснялись, говорили несколько общих фраз и, оглядываясь на маму, пытались создать видимость беседы. Обижать таких полиглотов не хотелось, поэтому я со своей стороны тоже такую видимость поддерживала. Мои попытки перевести разговор на китайский, как правило, приводили к потере интереса и выводу о том, что тетя — какая-то «неправильная американка».

Школа

Одним из первых впечатлений от страны стали китайские пионеры. Красных галстуков к тому времени я не видела уже почти 10 лет и, если честно, не была готова увидеть аккуратный строй детей, невозмутимо шагающих в униформе и галстуках недалеко от вокзала в Пекине. Разумеется, к такой картине привыкаешь очень быстро, однако проведя первые годы после распада Советского Союза в атмосфере скрытого неприятия его школьной символики, видеть пионеров на фоне изобилия супермаркетов или в MacDonald's было все же странно.

Китайские школьники отличались от наших, конечно же, не только внешним видом. Общение с ними проявляло очень много неожиданных особенностей в отношении к учебе, в способах обучения. Опять же, как упоминалось выше, единого отношения к учебе в невероятно разнообразном Китае выявить при всем желании нельзя. Поэтому сразу оговорюсь, что пишу про то, что видела — городских школьников из центра провинции. Действительно, складывается впечатление, что учеба для них важнее, чем для наших ребят. Причем важность эта заключается не столько в получении удовольствия от процесса обучения, сколько в том, как дети себя видят и ведут в этом процессе.

Прилежание, усердие, терпение, стремление достичь идеального результата воспитываются в китайцах с детства и оттачиваются именно в процессе обучения. В то время как наши дети в начальной школе потихоньку рисуют палочки и заполняют прописи, что делается в первую очередь для того, чтобы «поставить руку», научить писать разборчиво, правильно соединять буквы в словах, не более. Красивое письмо ради просто красивого письма здесь невозможно. Даже пресловутые

советские оценки за поведение и прилежание становятся явным рудиментом, хотя надо признать, что прежде мне, например, именно эти две оценки портили четвертные и годовые показатели в начальной школе.

В то же время в китайской школе иероглифы пишутся сотни раз, предпочтение отдается туши и кисточке. Пропорции и стиль, легкость и гармоничность — все это очень и очень важно. Соответствие канонам оценивается по стобалльной системе. Именно про оценки и их роль в жизни китайских детей я хотела бы рассказать более подробно.

Сказать, что оценки для китайских детей важны — значит не сказать ничего. Весь мой опыт общения с китайскими школьниками, да и студентами, показывает, что если в процессе обучения их оставить без этих заветных ста баллов, они как будто лишатся перил на своей лестнице к вершине знаний.

Но если серьезно, эти же самые оценки важны не только детям, но и их родителям. Не зря все та же Эми Чуа говорит в своей книге, что для нее — как для олицетворения китайской «матери-тигрицы» — неприемлемы четверки. Она просто не будет хвалить ребенка, сколько бы сил он ни вложил в работу, если учитель не оценил эту работу по высшему разряду. «Например, если ребенок приносит из школы полученную на экзамене “пять с минусом”, западный родитель, скорее всего, похвалит ребенка. Китайская мать будет хватать воздух ртом от ужаса и спрашивать, что было не так», — пишет Эми Чуа. — «Если китайский ребенок получит “четверку” (а такого никогда не произойдет) — сначала будет взрыв, с криками и вырыванием волос. Потом несчастная китайская мать найдет десяток, а лучше сотню тестовых заданий по этому предмету и будет заниматься ими с ребенком до тех пор, пока не почувствует, что тот точно получит “пятерку”». Конечно, столь яростное отношение к баллам не является абсолютным для всех китайских родителей, но тенденция очень показательна.

Когда я, живя в Китае, обучала русскому языку старшеклассников, которые собирались поступать в вузы России и Украины, у нас в самом начале работы был случай, очень ярко иллюстрирующий важность оценок для китайских школьников. Как предполагалось, первый год получения своего высшего образования они должны будут изучать русский язык, потом выберут специальность и будут уже учиться наравне с другими студентами. Целью обучения было подготовить ребят к переезду в новую страну, чтобы к моменту обустройства на новом месте и началу занятий русским они уже имели определенный уровень знаний, и адаптация проходила бы максимально легко. Учитывая

эту цель, я строила учебный процесс, полагая, что главное для нас — познакомиться с азами русского языка и научиться объясняться с его носителями. Желаемый результат я видела во внутреннем прогрессе, а молодых людей считала более заинтересованными в его достижении, чем кого бы то ни было. Соответственно, какой-то методичный контроль «остаточных знаний», предполагающий систематическое оценивание, не велся. Упор я делала на смену заданий, диалоги, сценки, на мгновенное применение любых теоретических знаний — от счета до винительного падежа — в условиях, максимально «приближенных к реальным».

Вообще, ребята были большие молодцы, получалось у них очень здорово, и уже на третьем занятии мы проигрывали простые диалоги и коллективно сочиняли рассказы на базе уже приличного багажа лексики. Однако на том же третьем занятии ученики спросили меня про оценки. На мое жизнерадостное: «вы сегодня отлично поработали, все-все молодцы без исключения», они ответили смущенными взглядами и попросили «переконвертировать» радость в баллы. Не сбавляя градуса энтузиазма, я щедро поставила всем пятерки (мы же готовились жить и учиться в странах с пятибалльной системой, а практическое применение — на первом месте).

В конце следующего занятия ко мне подошла куратор этой группы и попросила на каждом уроке оценивать уровень успеваемости, причем по стобалльной системе. Как выяснилось, родители, оплачивающие обучение своих детей на этих курсах, звонят и интересуются успехами своих детей. К тому же «на носу» было первое родительское собрание, так что заполненный табель с оценками нужен будет и для детей, и для родителей, и для отчетности. В общем, с этого момента мы урок начинали с письменных тестов, которые с выставленными оценками отдавались потом в руки куратора. И мне иногда было очень странно смотреть, как почти уже взрослые люди после этих контрольных с большим азартом «меряются баллами», хотя, надо отдать им должное, работать с ними было очень интересно и приятно.

Это было поколение именно «маленьких императоров» — единственных детей относительно состоятельных горожан. Ребята были очень уверенными в себе, негативно реагировали на малейшее неуважение, не стеснялись задавать практически любые вопросы про жизнь в постсоветском мире и высказывать свое порой нелюбезное мнение по поводу ответов. Эти подростки прекрасно одевались, всерьез рассуждали о брендах, имели дорогие сотовые телефоны, некоторые

уже бывали за границей. Язык им давался легко во многом потому, что все они более или менее владели английским и демонстрировали эти знания к месту и не к месту. Ребята уже заканчивали школу, очень серьезно готовились к итоговым экзаменам, поэтому мы обходились практически без домашних заданий, но при этом сказать, что к русскому они относились безответственно, я не могу.

Продолжая тему оценок в китайской системе обучения, необходимо сказать, что даже для нас, иностранных студентов, это стало неотъемлемой частью учебного процесса. Мало того, что и у нас каждый урок начинался с диктанта, который оценивался с помощью все тех же заветных ста баллов, так еще в конце каждого семестра после экзаменов итоговые и промежуточные оценки всех студентов группы вывешивались на двери класса и висели там не день и не два. В итоге, и продвинутые европейцы, и беззаботные выходцы из СССР, и скрытные корейцы на этот табель смотрели, сравнивали и проникались потихоньку духом конкуренции. Той самой конкуренции, которая преследует китайских детей со школьной скамьи, когда родители, если не требуют, то с нетерпением ждут от них высоких баллов; когда после этого они упорно готовятся к поступлению в вузы с конкурсом от 10 до 200 человек на место; когда позже они не спят ночей и готовятся продолжить обучение в магистратуре и потом устраиваются на работу... Умение выживать, соперничать и побеждать воспитывается с детства, а оценки тут — главный инструмент мониторинга успешности.

Соответственно, знания в жизни школьника — основной, но не единственный путь к получению лучших результатов. Правила конкуренции предполагают применение и других методов: подчеркнутая лояльность к педагогам, отказ делиться знаниями (проще говоря, не давать списывать) и не покрывать шалости товарищей. В нашей школе считается стыдным пожаловаться учителю даже на реальные притеснения и обиды в своей адрес — сочтут хлюпиком и ябедой. Что уж говорить о «закладывании» одноклассников, которые тебе ничего плохого не сделали... В принципе, привыкнув жить с раннего детства в сознании того, что сотрудничество с учителем, да и вообще со «старшим по званию» — не нужно, стыдно и порицаемо, очень удивительно узнавать и лично наблюдать обратное.

Само собой, обучение в китайской школе не предполагает обязательного и стопроцентного ябедничества на одноклассников. Те ученики, с которыми состоишь в дружеских отношениях, так называемых «микрoгруппах» (проще говоря, «свои»), будут прикрываться и защи-

щаться. Для китайцев, в целом, свойственно, как мне кажется, очень четко ассоциировать себя с какими-то группами или сетями — от землячеств до трудовых коллективов — и игнорировать навязываемые извне широкие кооперирующие инициативы. Но категория «свои» может быть узкой и гибкой, она меняется в зависимости от условий и среды, и четкой системы неформальных обязательств в среде школьников поэтому быть не может. В целом же, нет ничего предосудительного в том, чтобы пожаловаться, рассказать о беспорядке в классе.

Давать списывать просто потому, что попросили, — вообще непонятная благотворительность. В этом отношении китайские дети умеют ценить свой труд и понимать четкую разницу между вложенными усилиями и продуктом на выходе. В стране, где от этих результатов, в итоге, зависит твоё будущее, вряд ли возможно распространённое в нашей культуре несколько пренебрежительное и насмешливое отношение к отличникам и «заучкам». Особенно ярко этот контраст виден в средних и старших классах. Школьник, обучающийся в постсоветской образовательной системе, между «классом», как коллективом, и «учебой», как основной деятельностью, никогда открыто не выберет последнюю. «Класс» может не понять и не простить. В китайской школе более развит индивидуализм и лозунг «каждый сам за себя». Разумеется, это не отменяет всего комплекса неформальных отношений внутри коллектива, но наличие каких-то безусловных обязательств перед этим коллективом, которым ребенок обязан следовать в ущерб собственным предпочтениям, здесь вряд ли возможно.

Умение выкладываться на 100% и определенная безжалостность к «себе» у китайских школьников берут свои корни и в культурной традиции народа в целом и в воспитании старшим поколением, как ретранслятором этих ценностей. Отношение к детям, конечно, меняется, но практика «выжимать» из детей по максимуму до сих пор очень сильна и обществом отнюдь не порицается. В советской и постсоветской педагогике в этом смысле к детям относятся бережнее, а уж на Западе — тем более.

Спорт

На личном опыте я убедилась, насколько китайские дети отличаются от других своим отношением к спорту и его восприятием. Как-то моя подруга из Дании Карин сказала, что ее и еще двоих студентов из Европы — датчанина и австрийца — пригласили присутствовать на

спортивном мероприятии: турнире по кун-фу. Для полного комплекта «иностранных гостей» не хватало еще одной девушки европейской внешности, и она позвала меня. Вообще, все мы не раз в кино наблюдали чудеса китайских единоборств (только-только на экраны вышел оскароносный «Крадущийся тигр, затаившийся дракон»), и увидеть все это вживую хотелось очень. Уже в автобусе нам сообщили, что, во-первых, соревнование будет проходить в деревне, на родине одного из местных выдающихся преподавателей единоборств, а во-вторых, соревноваться будут дети. Первоначальный образ разлетелся вдребезги, но менее интересно от этого не стало. Просто в этих обстоятельствах предстояло увидеть другой пласт национальной экзотики.

Национальная экзотика потрясла европейцев до глубины души. Местом проведения соревнований была «площадь» перед деревенской школой, представлявшая из себя просто утоптанную площадку, на которой, помимо толпы деревенских жителей, гостей и судей, выстроились в несколько шеренг дети в разноцветных шелковых кимоно. А был ноябрь. Ледяной ветер пробирал до костей, и было отчаянно жаль, что про условия проведения соревнований мы узнали только в автобусе, потому что одного свитера под курткой было явно недостаточно. Как объяснил сопровождающий нас молодой спортсмен, дети еще слишком малы, чтобы участвовать в спаррингах, поэтому соревноваться будут в одиночном и групповом демонстрировании техники и приемов. Нет смысла дословно пересказывать все то, что шипела мне на ухо Карин, когда мы смотрели на то, как дети приблизительно от 8 до 12 лет в тонких, повторюсь, шелковых костюмах со всего размаха падали на продольные и поперечные шпагаты на мерзлый глинозем. В то время как изнеженные и избалованные мы перетаптывались на месте, потому что мерзли ноги, и беспрерывно шмыгали красными носами, остальные ребята стояли аккуратными рядами и ждали своей очереди на выступление. Они показывали действительно очень красивые номера, демонстрировали чудеса скорости и гибкости, виртуозно обращались с палками и гибкими мечами. Будь все это в закрытом помещении, ничто не помешало бы мне искренне восхищаться их мастерством. Но их было жалко. Правда, похоже, что только нам. Ни зрители, ни тренеры, ни они сами трагизма ситуации не чувствовали. Более того, когда соревнования закончились, юные кунфуисты надели — кто поверх, а кто под свои кимоно — теплые куртки и штаны и стали разносить нам желтоватый кипяток из большого котла. Как оказалось, практически все они представляли спортивные школы из деревень и уездных горо-

дов нашей провинции, тренировались обычно и в залах, и на открытом воздухе. Так что, видимо, закалывание входило в комплекс по укреплению тела и духа.

Я практически уверена, что речь здесь идет не о каких-то издевательствах или жестокости по отношению к детям. Боюсь, что их тренеры в свое время оттачивали мастерство в еще более экстремальных условиях. И еще, как мне кажется, для возрождающихся в период реформ деревень и уездных городков наличие и развитие спортивных школ имеет очень большое значение. А для деревенских жителей очень важно, что их сыновья занимаются еще чем-то помимо школы и работы по дому и в поле. Так что их гордость и стойкость может рассматриваться как гордость людей, уже чего-то добившихся в жизни. И отвлекаться на ледяную землю под ногами в такой момент как-то глупо.

С другой стороны, я уверена, что городские жители уже не согласятся на то, чтобы их дети тренировались и выступали в таких условиях. Хотя и доверятся тренерам и будут допускать нагрузки, которые покажутся чрезмерными и нам и европейцам. В отношении спорта китайцы вообще очень упорны, для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить их спортивные достижения за последние лет десять. И мне думается, что вот эта национальная спортивная целеустремленность имеет корни именно в формировании такой нацеленности на успех любой ценой с детского возраста...

Однако спорт как хобби, тем более в ущерб учебе, приветствоваться будет вряд ли. Одно дело зарядка, которую делают все: от мала до велика, другое — спорт просто ради удовольствия. Как мне кажется, между участием в школьной команде по футболу или посещением бассейна, с одной стороны, и занятиями с репетитором по английскому выбор будет однозначно в пользу второго. Нет, разумеется, спорт как хобби, являющийся скорее западной традицией, уже приживается в среде нарождающегося среднего класса, но говорить о массовости такой тенденции не приходится. Спорт, нужный «для себя», для поддержания формы — не рентабелен. То, чем занимаешься не ради выдающихся результатов и не ради прибыли, пока могут позволить себе очень немногие китайцы.

Вообще, вопрос «рентабельности» и оправданности вложений в детское образование и, соответственно, в направления его развития в будущем стоит очень остро. Как указывалось выше, обеспечивать родительскую старость, как правило, приходится детям. К тому же, образование в Китае практически всегда платное. Откладывать день-

ги на университет родители начинают задолго до окончания школы. Вообще, по некоторым подсчетам, на детское образование средняя китайская семья тратит от 25% до 70% своего бюджета. И именно от качественного вложения этих средств зависят будущие дивиденды. Культура взаимоотношений родителей и детей в Китае такова, что родители, как инвесторы, в этих вопросах с детьми консультируются еще крайне редко. Старшее поколение определяет, где, когда и чему будут учиться их дети (как они будут учиться, даже не обсуждается). Если вдруг сюда целесообразно включить спорт не для завоевания наград, а для развития ребенка — скажем, для борьбы с лишним весом или для приобретения каких-то ценных навыков, то его включают. Платить за то, что не принесет ребенку ничего, кроме положительных эмоций, — глупое расточительство.

Стоит отметить, что вложения в детей сегодня в Китае отнюдь не ограничиваются оплатой обязательного и дополнительного обучения. Дети становятся все более значимым направлением развития внутреннего спроса. Детям покупают компьютеры и сотовые телефоны, все больше детей имеют iPad или iPhone, им дают все большие суммы на карманные расходы, оплачивают походы в центры развлечений и т.п. Я говорю об этом не только потому, что подобная тенденция способна очень сильно изменить китайское общество или структуру внутреннего потребления. Новые поколения китайцев, привыкших получать товары и услуги определенного уровня, тот самый «средний класс», учитывая их численность, способны изменить всю мировую экономику, а значит весь мир в целом.

В целом, я уверена, что понимание того, как растут, воспитываются, учатся китайские дети, очень важно для всех, кто хоть как-то имеет дело с представителями этой страны. Главная проблема для казахстанцев в их восприятии Китая кроется, на мой взгляд, как раз в том, что знают об этой стране очень мало. И даже несмотря на то, что с каждым годом растет товарооборот, что все больше казахстанцев ездят в КНР для отдыха или ведения бизнеса, несмотря на все это, сами китайцы остаются для нас загадкой или воспринимаются через призму каких-то навязанных стереотипов. И очень хочется, чтобы не только простые казахстанцы, но и люди, формирующие интеллектуальную элиту страны, могли иногда взглянуть чуть глубже. Стинг поет в одной из своих песен, посвященных борьбе с ксенофобией «Russians love their

children too» — «Русские тоже любят своих детей». То же можно сказать о китайцах. То, как они строят отношения с детьми, сколько сил и души вкладывают в их воспитание, чему и как их учат, уже только это способно победить предвзятость и вызвать неподдельный интерес к Китаю.

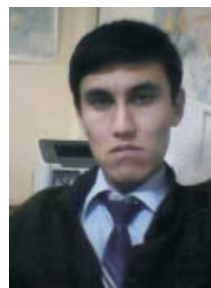
То, о чем было написано выше, помимо просто повествовательной функции, может помочь понять и объяснить многое в поведении взрослых китайцев и объяснить их успехи в современном мире. Их с детства учат не бояться тяжелой и кропотливой работы, они не пасуют перед трудностями и не отступают, если знают, что в их силах рано или поздно решить проблему. Количество этих сил не так важно. Китайцы с малых лет знают цену своим усилиям и очень ясно понимают зависимость между вложенным трудом и результатом на выходе.

Воспитание в семье и последующее обучение в школе очень четко формируют систему ценностей. Китайцы уважают и чаще всего подчиняются родителям, учителям, старшим по положению. И вправе точно того же требовать от своих детей и подчиненных. Современное общество смягчает абсолютность такой субординации, но размыть ее полностью никак не способно.

С самого детства китайские дети умеют видеть и достигать поставленных целей. Долгое время эти цели ставятся родителями, после дети ставят их сами. Конкуренция на пути к этим целям не пугает, для китайцев это привычная среда. Думаю, без нее им будет скучнее. В этом отношении нам есть чему у них поучиться.

Различие в системах воспитания и обучения детей между нашими странами, я думаю, объясняет различие в поведении, в восприятии мира, в выстраивании отношений. На современном этапе наши общества переживают период определенных изменений в этой сфере. Китай на фоне реформ и политики ограничения рождаемости меняет отношение к детям: в неизменное воспитание целеустремленности и дисциплинированности в отношении к детям все чаще вплетаются нежность, любовь и душевность. Не знаю, как это повлияет на скорость развития Китая, но лично меня это очень радует.

ТРАДИЦИИ КИТАЙСКОЙ КУХНИ

ИЗИМОВ
Руслан Юсупжанович

С сентября 2008 г. научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК. В 2009, 2010 и 2011 гг. проходил стажировку в Китайской академии современных международных отношений (г. Пекин), в Центре развития при Госсовете КНР (г. Пекин) и в Шанхайской академии международных исследований (г. Шанхай). Имеет более 20 опубликованных работ, в том числе научные статьи и сборники.

Китайская кухня, зародившись вместе с возникновением китайской цивилизации, в ходе длительного исторического процесса претерпела естественные изменения, которые, тем не менее, не затронули самих ее основ. Образ жизни китайского народа, правила, принципы, культура, еда и прочее — результат многотысячелетней истории, подчиняющейся строгой логике, поэтому сложно увидеть четкие границы между той или иной деятельностью китайского общества.

С появлением и распространением в Поднебесной таких философских учений, как конфуцианство, даосизм, менялись представления людей о правилах приготовления и принятия пищи. Конфуций в своих размышлениях о «благородном муже» писал, что последний должен придерживаться принципов «золотой середины», умеренности во всем. Так, мыслителем отмечено, что «благородный муж ест, не домогаясь насыщения, живет, не ища спокойствия». О самом Конфуции сказано: «рыбу ловил удочкой, а не сетью», «не вовремя не ел, во время еды не разговаривал».

Основатель даосизма Лао-Цзы в своем трактате «Дао Дэ Цзин» («Канон пути и благодати») разработал метод «девяти форм пищевого

поста». Согласно девяти этапам соединения с высшей силой, Дао — человек поэтапно совершает некий «апгрейд», постепенно отказываясь от пищи и, тем самым, возвышая свое духовное «Я».

Китайский народ мыслит лаконично и глубоко, и потому в гастрономических пословицах и поговорках есть богатый затаенный смысл. Распространены афоризмы о физическом и духовном воздержании: «Много ешь — не будешь чувствовать вкуса, много говоришь — слова немного стоят», «Когда говоришь, хорошенько думай, когда ешь, хорошенько жуй», о внутреннем состоянии — «Лучше есть кашницу с улыбкой, чем есть рис, хмуря брови», и даже о политике — «Управляй государством, как готовишь мелкую рыбу, — очень нежно».

Как видно, традиционная китайская кухня вобрала в себя предписания даосизма, конфуцианства и буддизма. С одной стороны, кухня китайцев проста. Так, согласно китайской пословице, «для жизни необходимо всего семь вещей: дрова, рис, масло, соль, соя, уксус и чай». Однако, с другой стороны, в приготовлении пищи китайцами используются самые разнообразные продукты, включая экзотические. Кроме круп, овощей, мяса, птицы, рыбы, китайские мастера готовят блюда из морепродуктов, водорослей, побегов бамбука. А вот молоко и молочные продукты традиционно не входят в состав национальной кухни. Их обычно заменяют соевыми аналогами, из которых готовят соевое молоко, соевый соус, соевый сыр дофу, родиной которого является именно Китай.

Бытует мнение, что каждая китайская провинция имеет свои оригинальные правила в приготовлении блюд. Но поскольку провинций в Китае довольно много, то принято выделять основные кулинарные зоны Китая, имеющие собственные уникальные яства и отличающиеся друг от друга не только особенностью готовки, но и содержанием блюд. Зон этих насчитывается четыре — столько же, сколько частей света, и представляют они собой север, юг, запад и восток Китая. Но сразу оговорюсь, что помимо выделенных мной, также существуют известные во всем Китае кулинарные школы, такие как юньнанская, хунанская, хайнанская и т.д.

Так, пекинская кухня олицетворяет собой север и предлагает попробовать баранину, кунжут, который заимствован у монголов, лапшу и булочки, приготовленные на пару (пампушки). Самым распространенным овощем в этой части страны считается китайская капуста. В Пекине еда готовится с острым рисовым соусом, овощами, а также в ходу кисло-сладкие блюда. Ну и, конечно же, весь мир наслышан о вершине кулинарного искусства китайцев — «Утке по-пекински».

Город Шанхай — это не только крупнейший город Китая, финансовый и культурный центр страны, но и самый большой морской порт в мире. Шанхайская кухня (или чжецзианская, от названия провинции) отличается своим многообразием, для которой характерны, пожалуй, единственные в мире пельмени со всевозможными начинками из морепродуктов и зелени.

Сычуаньская кухня отличается острейшими блюдами. Отличительным вкусом сычуаньской кухни является малавэй (麻辣味), имеющий остро-вяжущий вкус. Острый перец любят в Сычуани из-за повышенной влажности в регионе, где зимой от влаги одеяла в доме становятся мокрыми. А острый перец выгоняет влагу из организма, поэтому в тех районах перец обязательно используют в пищу даже маленькие дети. Да, еще перец является антибактериальным средством, которое необходимо в регионах с повышенной влажностью, так как такие условия являются наиболее благоприятными для размножения микробов. Благодаря перу английской писательницы Фуксии Данлоп, жгучий сычуаньский перчик стал известен во всем мире.

Кухня кантонского региона знаменита сочетанием простых специй. В отличие от сычуаньской кухни, чилийский перец мало используется в приготовлении блюд. Наиболее пресные по сравнению с кушаньями других кулинарных зон, блюда кантонской кухни широко распространены за пределами Китая. В столице Поднебесной — Пекине — кантонские рестораны считаются самыми дорогими, а искусство приготовления кантонской пищи — самым сложным, из-за чего повара кантонских ресторанов считаются самыми высокооплачиваемыми.

Ну и, пожалуй, несколько слов о юньнанской и хунаньской кухнях. Юньнанская кухня отличается использованием преимущественно вяленого, копченого и сушеного мяса. Географически провинция Юньнань находится на Юго-западе Китая, в теплых краях простым людям сложно хранить мясо, и поэтому издревле они его сушат на ветру в подвешенном состоянии или на крышах домов.

Хунаньская кухня заслуженно называется самой острой в Китае. Многие китайцы из провинции Хунань, отведав сычуаньскую кухню, жалуются на то, что она для них недостаточно острая. В отличие от остро-вяжущего вкуса сычуаньской кухни, острота хунаньской кухни является жгучей. Такая острота и в самом деле пронизывающая, ни с чем несравнимая, однако одинаково горячо любимая, как китайцами, так и иностранцами.

Нельзя не отметить, что, несмотря на вышеперечисленные особенности в кухнях в той или иной части Поднебесной, безусловно, существуют и общие черты китайской кухни, характерные для всего Китая. Так, главными продуктами китайской кухни являются рис и лапша (рис едят на юге, так как выращивание риса требует много воды и теплого климата, а лапшу на севере, так как можно сделать много лапши из муки одного урожая и хранить всю зиму). При приготовлении блюда используется множество пряностей, без которых нельзя добиться вкуса. В основном блюда состоят из мелконарезанных кусочков, для того, чтобы было удобно использовать палочки. Кроме того, определить, из каких продуктов сделано блюдо, очень непросто, так как продукты теряют свой первоначальный вкус. И, наконец, еще одна немаловажная особенность состоит в том, что прием пищи, как правило, начинается с зеленого чая без сахара и молока, а заканчивается супом.

Исходя из того, что пища дарована человеку «небом, природой», стоит рассказать немного о связи между природными стихиями и пищей. Древние китайские традиции гласят, что пища просто обязана быть максимально сбалансированной и содержать в составе элементы от каждой стихии — огня, воды, земли, дерева и металла. Добиться такого баланса совсем не сложно. Просто нужно иметь представление о том, к какому виду стихий относятся различные продукты. Еда, кроме того, имеет такие свойства, как воздействие на организм горячим, теплым, нейтральным, холодным, освежающим фактором. Согласно китайским традициям, питание будет правильным, если в блюде содержатся элементы от всех пяти стихий. Для того чтобы приготовить подобное блюдо, нужно будет соблюсти порядок добавления продуктов на сковороду или в кастрюлю. Питательная ценность еды является очень важной не только в кулинарии, но и в китайской медицине. Например, простуду, вызванную холодом, надо лечить так называемыми горячими продуктами: супом из курицы, колой, вареной с имбирем, острой едой. А к примеру, в жаркое время, для того чтобы не заболеть от жары, надо есть много арбузов. Именно поэтому «горячие» мясные продукты принято есть с «холодными» растительными продуктами.

Кроме того, питание в Китае основано на общепринятых и «неписанных» принципах. Первое — это то, что нет необходимости постоянно считать калории, однако при этом нужно стараться не употреблять в пищу очищенные продукты с повышенным содержанием сахара. Второе — это то, что овощи следует употреблять как самостоятельное блюдо, они не могут быть гарниром к мясным продуктам. Третье —

китайцы, как известно, кушают довольно много риса. И четвертое — не следует голодать, кушать нужно до момента возникновения чувства насыщения. Удивительно, что китайцы всей страной кушают как по расписанию, в рестораны и столовые не пробиться в часы обеда — с 11:30 до 13:30, и в часы ужина — с 17:00 до 19:00. В остальное время рестораны в основном пустуют, поэтому многие из них работают только в эти часы, в обед и до десяти часов вечера.

Начнем же наш кулинарный обзор со столицы Китайской Народной Республики — Пекина. Бытующее в народе шуточное высказывание о том, что «если Китай — это срединное государство, то Пекин — это центр Вселенной», на мой непредвзятый взгляд туриста, оказалось совсем недалеким от истины. Площадь Тяньаньмэнь, мавзолей Мао, Запретный город Гугун, множество цветущих парков... кажется, не хватит и года, чтобы обойти все достопримечательности «северной столицы»! Город-многомиллионник — сплав тысячелетней культуры и современных технологий, покрывает с головой своей кипучей энергией, заразительной атмосферой, всюду мимо проходят и проносятся потоки людей, откуда слышен говор, как мне показалось, на всех языках мира, это, как я видел, были люди самых разных социальных слоев, этнических принадлежностей и религиозных мировоззрений. Ошеломленный, я весь свой первый день в Пекине провел с камерой, стремясь запечатлеть все, что видел, пока банальный голод не дал о себе знать.

Знакомство с пекинской кухней началось на улице Gujiie. В переводе Gujiie означает «чертова улица», свое название она получила еще в древности, тогда это было единственным местом с множеством ресторанов в придворцовом городе. Второе кольцо входило в придворцовую территорию вокруг «запретного города». Назвали эту улицу чертовой, потому что, оказавшись на ней, человек предавался наслаждениям, объедался, напивался. Это самое «пищевое» место в Пекине: здесь можно найти огромное количество маленьких древних забегаловок и ресторанчиков, а также еду продают прямо на улице. Еда в Китае, как я многократно убеждался, действительно оригинальна. Китайцы могут приготовить все что угодно, и, как показали мои кулинарные пробы, это на редкость вкусно и полезно для организма. Здесь в первый же день я попробовал вареники с фруктами и кисло-сладким соусом, а также знаменитую «сладкую картошку». Цена на них оказалась дешевой, как в принципе и на все предлагаемые блюда, поэтому уличные торговцы не имеют отбоя от покупателей. Кроме вареников под разными соусами и специями, здесь продают шашлыки-кебабы из мяса,

птицы, включая перепелок и перепелиные яйца, а также рыбу и различные морепродукты: крабов, креветок; разнообразных моллюсков: кальмаров, осьминогов, каракатиц. Уходил я сытый, довольный, и с деньгами в кармане — что ни говори, а уличная кухня в Китае — самая дешевая. С тех пор, каждый раз приезжая в Пекин, я всегда посещаю улицу Guijie, а вечерами иду на рынок экзотической еды Donghuanmen (东华门). Дунхаумэн дословно означает — восточные ворота Китая. Он находится внутри второго кольца на выходе из древнего придворцового города, в котором в основном жили министры, их семьи и другие приближенные императора. Также мне нравилось посещать знаменитую улицу Wangfujing (переводится как императорский колодец, в древности здесь добывали воду жители города, из-за большого скопления народа начала развиваться торговля и ресторанный бизнес). На этих улицах вас накормят традиционными китайскими блюдами: лапшой, морепродуктами, жареными цыплятами, куропатками и другой птицей, десятками видов шашлыков и сочными фруктами в карамели. Рынок этот хоть и ночной, но основное действие начинается вечером и продолжается до 3-4 часов утра, и выбор блюд здесь гораздо разнообразнее, чем днем. При этом с полной уверенностью можно сказать, что вам никогда не предложат вчерашние деликатесы ни в самых дорогих ресторанах, ни на уличных лотках. Зато предложат все самое экзотическое, удивительное и шокирующее, к примеру сороконожек жареных на палочках, шелкопрядных гусеничек, богатых белком и заменяющих 10 яиц по пищевой ценности, кузнечиков, змей, морских червей, морских звезд и коньков и все самое необычное, что едят в Поднебесной. Иногда даже сами китайцы «охают» от неоднозначных ощущений при виде «кулинарных особенностей».

Прогуливаясь по старинным хутунам или фешенебельным районам Пекина, я старался узнать о кулинарных особенностях китайского народа как можно больше. Так, в процессе изучения традиций китайской кухни я узнал, что вся еда в Китае делится на «фань» и «цай». «Фань» в переводе означает рис, который в Китае всему голова, поэтому данным термином обозначается вся базовая пища китайцев. Это крупы, зерновые и изделия из них. К «фань», следовательно, можно смело отнести каши и мучные блюда: лапшу, всевозможные лепешки, печенье, излюбленные иностранными студентами, да и самими китайцами блинчики, пампушки и многие другие, так сказать, хлебобулочные изделия. «Цай» же — это все, кроме «фань»: мясо, птица, морепродукты, овощи, фрукты, орехи.

Здоровый человек в понимании китайцев — это тот, в организме которого уравновешены энергии Инь и Янь, чему немало служит правильное соотношение «фань» и «цай» в рационе. Инь — это холодное, а янь — это горячее, имеется в виду разделение видов продуктов выше. В том же «цай» должны быть и инь (овощи) и янь (мясо). «Фань», к примеру, — пельмени с начинкой из джусая (инь), и мяса (янь). Поразмыслив, я пришел к выводу, что это мнение схоже с высказываниями наших и западных диетологов о необходимости балансировать количество продуктов животного и растительного происхождения в меню для здоровья тела и духа.

Большой интерес представляет то, что компанейский дух стоит во главе угла, а точнее стола, в Китае. Китайцы очень любят устраивать корпоративы и дружеские вечеринки в ресторанах и, кстати, приглашая на обед, зовут не к себе домой, а тоже в ресторан. В ресторанах, равно как и в забегаловках, не принято есть одному, ведь «одной чашкой не чокнешься», гласит старинная китайская поговорка. Зато очень удобно пробовать китайские блюда, приходя в ресторан большой компанией: каждое поданное блюдо предназначено всем, кто сидит за столом, и никто не заказывает себе отдельно. Делая заказ, вы получаете обед, число основных блюд которого (не включая супы и холодные закуски) будет равняться количеству человек плюс 1 (от хозяина). Поскольку застольный этикет имеет очень большое значение в Китае, заказ блюд начинает самый почетный гость. Заказав одно блюдо, он передает эстафетную палочку следующему. Так, чаще всего первые 3-4 человека заказывают основные блюда (мясо, птицу, рыбу), а остальные добавляют заказ на блюда из овощей, морепродукты, фрукты в карамели и т.д. Блюда расставляются официантом на специальную крутящуюся пластину в центре стола, что очень удобно: каждый может взять с помощью куайцзы (палочек) кусочек с блюда и переложить себе на тарелку. Маленькие же чашечки с пресным вареным рисом подаются каждому по отдельности.

Удивительно, как серьезно относятся китайцы к питанию и пище в целом. С пищей даже связано некое приветствие. Ni chi fanle ma? (Вы кушали?) — спрашивают они, даже не вместо приветствия, а вроде вопроса «Как дела?», такой формой необременительной заботы показывая свою вежливость. Как мне поведали жители северной столицы, у китайцев издревле нет традиционного «привет», а нихао это своеобразное нововведение по образу английского хэллоу. Редко можно увидеть друзей, которые говорят друг другу нихао, самое лучшее приветствие

это «вы кушали?». Отвечая на такой вопрос, совсем не обязательно уточнять, когда вы в последний раз ели или не ели вообще. И уж тем более не надо говорить «нихао!». А отвечая «Нет, не ел», вы обрекаете себя на дальнейшие вежливые расспросы.

С рисом и палочками также связано немало суеверий. Так, говоря о человеке, потерявшем работу, китайцы иносказательно, но весьма символично скажут: «Он разбил свою чашку с рисом». И наоборот, стабильная работа — это железная чашка с рисом Tie fanwan (铁饭碗), а очень хорошо оплачиваемая, перспективная работа — это золотая чашка с рисом Jin fanwan (金饭碗).

Важно и то, что нельзя ронять палочки, сидя за столом. Уронить тарелку — меньший грех. Однако суеверные жители Поднебесной считают, что уронить палочки, значит, накликают несчастье на хозяина дома. Кстати, следует подробнее рассказать о палочках, заменяющих в Китае вилку и, по сути, нож. Первые палочки для еды делали из бамбука, о чем свидетельствует перевод названия палочек для еды с китайского на русский «куайцзы» — «бамбук». Бамбуковый ствол для этих целей расщеплялся надвое, потом его половинки складывались вместе, в результате этот прибор напоминал чем-то щипчики. Раздельную форму палочки — куайцзы — обрели немного позже и именно в таком виде дошли до наших дней.

Сегодня палочки для еды делают из самых разных материалов: это кость, пластмасса, металл (включая серебро и золото). Однако чаще всего для их изготовления берут древесину различных пород дерева. Например, иногда используют сосну, сливу, кипарис, кедр, клен, иву, фиолетовое или черное сандаловое дерево. Как известно, такие палочки могут быть одноразовыми, а также многоразовыми. Куайцзы могут быть самыми настоящим произведениями искусства: их инкрустируют перламутром и металлом, лакируют и красят, украшают различным орнаментом и т.д. Палочки могут быть пирамидальной формы, плоские, с тонкими или толстыми концами. Сечение приспособлений может быть квадратным, овальным, круглым или с закругленными углами. Сегодня можно частенько наблюдать, как состоятельные китайцы носят в рестораны свои палочки — в специальных красивых чехлах. Как правило, они очень дорогие, нередко сделанные из серебра и золота.

Не менее приятно меня удивила серьезность, с которой китайцы относятся к сервировке стола, к подготовке продуктов перед приготовлением и оформлению блюд. В сервировке здесь принято выдерживать

спокойные, ровные тона, чаще всего глаз радует сине-белая цветовая гамма, избегаются резкие цветовые контрасты. Все это делается для того, чтобы человек расслаблялся во время еды, а не отвлекался на резкие цветовые сочетания и рисунки.

Как уже говорилось, поражает и то, что китайцы начинают прием пищи с чая, а заканчивают супом. Современные диетологи считают данную последовательность в трапезе наиболее правильной для здоровья. Чай китайцы заваривают всегда свежий, зеленый, с листьями, и чайничек обязательно глиняный. Зеленый чай, как мне сказали знакомые из Поднебесной, способствует лучшему усвоению пищи и выводит из организма все шлаки. Кроме зеленого чая, в Китае предпочитают пить чай с ягодами и травами. Привычный же нам черный чай, содержащий гораздо меньше полезных свойств, пьют редко и называют его «красным» (hongcha). Среди жителей южных регионов Китая популярен послеобеденный чай Xiawu cha (下午茶) с кантонскими сладостями, который пьют примерно с 14:00 до 16:00.

Ну и, наконец, никак нельзя было не попробовать знаменитый «Beijing kaoya» — «Утку по-пекински». Это блюдо китайских императоров стало народным после Синьхайской революции. История «Пекинской утки» начинается при династии Сун (960-1279), когда утку запекали в глиняной корочке. Позднее, под властью монголов — во времена династии Юань (1271-1368), птицу фаршировали бараниной, чтобы приспособить блюдо к вкусовым привычкам северных завоевателей. Династия Мин (1368-1644) ввела традицию на особую белую утку с тонкой кожей и нежным мясом.

Сам процесс приготовления очень сложный и занимает немало времени. Для получения ярко-красного цвета и хрустящей корочки тушку утки смазывают солодовым сахаром, вдувают воздух между кожей и мясом, чтобы разгладить морщинки. Для сушки утку подвешивают на специальный крюк. Затем внутрь тушки вливают горячую воду, чтобы утка получилась мягкой и сочной. Пекут утку в круглой печи на открытом огне, либо кладут на особо изогнутые дрова, чтобы поместить ее в самый центр для равномерного обжаривания со всех сторон. Древесина при этом тоже берется особая: персикового, грушевого или финикового дерева. Готовую, еще не разделанную утку показывают посетителям ресторана, после чего повар уносит ее на кухню, где она разрезается на одинаковые мелкие ломтики, которые принято есть, заворачивая с перьями лука, огурчиками, редькой в тоненькие блинчики (рисовые или кукурузные) и обмакивая в специальный сладкий ко-

ричевый соус. Приготовленная в результате такого сложного технологического процесса утка получается нежной, необычайно вкусной и ароматной.

В Пекине я также попробовал Doujiang (豆浆) — этот бобовый напиток считается истинно пекинским лакомством. Считается, что «доу цзян» обладает множеством замечательных свойств, полезных для организма: приводит в порядок работу селезенки, выводит шлаки и токсины, улучшает цвет лица, питает кожу.

На самом деле необходимо отметить, что по сей день в Китае бытует мнение, что в древности профессии аптекаря, повара и лекаря были объединены в одну, а потому и сегодня блюда китайской кухни обладают лечебными, тонизирующими или успокаивающими свойствами. Мнение о такой особенности китайской кухни также распространяется повсеместно за пределами Китая благодаря большим потокам туристов, ежегодно посещающих Поднебесную.

Я был приятно удивлен, узнав, что среди простого пекинского народа есть целые семейства, в которых от отца к сыну передаются рецепты приготовления тех или иных блюд. К примеру, в старом торговом районе Пекина Тяньцзяо есть старинная лавка, которая называется «Тяньцзяо чаган Ли», что в буквальном переводе означает «кисель Ли из Тяньцзяо». В приготовлении данного блюда здесь строго придерживаются фамильных традиций так же, как и семейного рецепта, поэтому о «Тяньцао чаган Ли» знает весь Пекин.

В целом, пекинская еда, как мне показалось, это результат смешения двух разных направлений: скажем так, дворцовой кухни, в состав которой входят блюда китайских императоров и которая подается сегодня в лучших пекиньских ресторанах, и народной кухни — простой, но при этом, безусловно, оригинальной, которую я имел честь попробовать на улицах Пекина.

Описать пекинскую кухню во всей ее борьбе противоположностей — дело далеко не из легких, однако, думаю, не менее многогранной является и кухня западного Китая, достойным представителем которой может быть сычуаньская кухня. Кроме важных промышленных объектов, Сычуань знаменита своей кухней и чаем, выращиваемым в сычуаньской котловине. Зная об этом, я особенно предвкушал свое прибытие в этот город в верховьях Янцзы. Провинция Сычуань оказалась невероятно пленительна: здесь удивительно гармонично сложилось соседство человека с природой. В административном центре г. Чэнду можно посмотреть на больших бамбуковых панд в местном исследо-

вательском центре по содержанию панд в неволе, однако лучше всего выехать из Чэнду на исследование провинции.

В Поднебесной существует примечательная поговорка: «Китай — место для еды, а Сычуань — место для вкуса». Ингредиенты, используемые здесь в приготовлении блюд, настолько разнообразны, что не хватит и вечности описать их. Благоприятные климатические условия в Сычуани позволяют получать свежие овощи и фрукты практически круглый год. Рынки изобилуют мясом, птицей, рыбой (преимущественно речная рыба, поскольку Сычуань не выходит к морю). Но главное, что отличает сычуаньскую кухню от остальных, — это острейший перец и специи, местные жители искусные мастера по «миксу» специй и созданию манящих острых ароматов.

Воздух в административном центре провинции городе Чэнду весь пропитан запахом острого перца, на улицах можно увидеть людей, которые этот перец чистят. Первое время от остроты режет глаза и нос. На каждом углу — пленительный аромат сычуаньского хого, который хоть и жутко острый, но манит необычайно сильно. После одного похода хочется попробовать хого снова и снова. Кстати, в Сычуани очень популярны перцовые конфетки, которые делают из больших перчиков чили, нарезанных ломтиками. Вовнутрь засовывают кусочки арахиса, потом жарят в большом количестве масла, а сверху посыпают кунжутными семенами. Вкус очень необычный, сладкий и терпимо острый, благодаря обжарке.

Провинция Сычуань по праву гордится своими кулинарными традициями, поскольку блюда сычуаньской кухни являются самыми ароматными, острыми и душистыми. Это объясняется широким употреблением стручкового перца, который добавляется в блюда во всевозможных видах: высушенным, прожаренным ломтиками со специями; мелкоизмельченным и превращенным в пасту (с добавлением масла), а также в виде перцового масла или порошка.

Еще одна особенность сычуаньской кухни — это использование очень жгучей острой приправы: сушеных ягод и семян местного перечно-растения. А кроме них в пищу традиционно добавляется еще целый букет приправ и специй: баонинский уксус, лучжоуское вино, нэйцзяньский сахар, кунжутная паста, высушенная апельсиновая кожура, маринованный острый перец, грибы с причудливым названием «древесные уши», сухие ароматные специи (корица, звездчатый анис, семена фенхеля, гвоздика, маринованные листья горчицы, сушеный имбирь), масло из чили, ферментированные грибы. И это далеко не полный перечень всех ингредиентов сычуаньской кухни.

В неопикуемый восторг меня привело блюдо «мапо доуфу» — «соевый творог по рецепту рябой тетушки». Доуфу, он же тофу — это соевый творог, который очень любим в Китае, в особенности в западном. Считается, что на окраине Чэнду, где проходил путь торговцев маслом, семья Чэнь содержала маленькую гостиницу. Хозяйку гостиницы звали «Чэнь-мапо», поскольку лицо ее было покрыто рубцами от оспы, а «мапо» в переводе означает «рябая тетушка». Однажды Чэнь-мапо вместо обычных блюд приготовила соевый творог с мясным фаршем под огненным соусом, которое так понравилось посетителям гостиницы, что дела семьи тут же пошли в гору, а блюдо стало известно во всей провинции.

Однако есть и более прозаичная версия, заключающаяся в том, что первый иероглиф ма (麻), всего лишь означает эффект покаяния/онемения неба при употреблении сычуаньского перца. Так вот, «мапо доуфу» — это нарезанный кубиками соевый творог, смешанный с мелко нарубленным свиным фаршем, под подливой из острого бобового соуса, чеснока, имбиря и других специй. При подаче на стол блюдо посыпают перемолотым сычуаньским перцем, предварительно обжаренным. На вкус — очень остро,пряно, необычно. Однако побывать в Сычуани и не попробовать «мапо доуфу» — это примерно то же, что побывав в Париже, не увидеть Эйфелевой башни.

Другое очень распространенное в Сычуани блюдо, еще одна его «изюминка» — это копченая утка в чайных листьях. Это блюдо понравится также тем, кто не любит очень острую пищу. Утка получается очень сочной, в меру острой и невероятно приятной на вкус. Особенностью аромата данного блюда обязано копчению утки над смесью камфарных и чайных листьев.

Ну и как же обойти вниманием знаменитое в Китае и за его пределами блюдо под названием «хого». Считается, что хого впервые появилось именно в провинции Сычуань. Есть мнение, что хого появилось на войне, во времена враждующих царств. Воины использовали каски в качестве кастрюли. А у археологов есть доказательства, что еще в 4 веке нашей эры китайцы уже готовили с помощью хого. Как бы там ни было, сегодня хого имеет бешеную популярность во всех провинциях Поднебесной.

Хого дословно означает «огненный котел» или, как называют его туристы, «китайский самовар». На самом деле, в таком самоваре готовят не напитки, а блюда. И с самоваром схожесть лишь одна — эта посуда имеет два дна и встроенную печь для разогрева, которая управляется через трубу.

Тот «огненный котел», что я видел в Чэнду, располагался в центре стола, и подача огня шла снизу. В хого кипел душистый бульон. Официант предложил выбрать продукты из длинного перечня меню, и я выбрал баранину, курицу, трепангов, креветки, морской гребешок и перепелиные яйца. Выбранные яства я затем сам опустил в кипящий бульон.

Делая заказ, я несколько сомневался, как такие разные продукты могут быть приготовлены одновременно (ведь мясо обычно готовится не менее часа), однако тут же успокоился, увидев, что мясо было нарезано тонкими прозрачными ломтиками. Невероятно ароматный и притягательный пар почти мгновенно поднялся над хого. Отличительным фактором хорошего хого является соус мацзян (麻将), изготовленный из арахисового масла с добавлением разнообразных растительных ингредиентов. Рецепт этого соуса держится в большом секрете, у каждого ресторана свой секретный рецепт.

Теперь я могу с точностью сказать, что хого пользуется большой популярностью в Китае и за рубежом, потому что это, как и футбол в спорте, не просто блюдо, а именно зрелище. Здесь задействованы все ваши пять чувств: вы вдыхаете аромат готовящегося блюда, наблюдаете за процессом, смотрите, как пузырится кипящий бульон, при этом вы слышите, как потрескивает уголь под котелком, с помощью палочек вы опускаете и вынимаете продукты из хого. Вкушаете, наконец, и в целом, испытывая этот опыт, чувствуете себя настоящим поваром-профессионалом из «Поднебесной». Ведь вы сами готовите свое китайское блюдо! Еще хого популярно потому, что ингредиенты все свежие и подвергаются минимальной необходимой термальной обработке, благодаря этому в них сохраняется большое количество витаминов.

Здесь, в Сычуани, есть целые улицы, заполненные миниатюрными рестораничками с двумя-тремя столами, где специально готовят пищу в таких «самоварах». В отличие от других, местный «огненный котел» разделен на две половины: в одной находится бульон средней остроты, а во второй — настолько острый, что можно обжечь губы и язык. Из продуктов, кроме мяса и овощей, вам предложат рыбу, творог из соевых бобов и многое-многое другое. Процесс приготовления не отличается от других кулинарных школ, но, вынув кусочки пищи из хого, их предполагается обмакнуть не в соус, а в пиалку с кунжутным маслом или взбитым яйцом. Поскольку в Сычуани население абсолютно привычно к острой пище, я отметил для себя, что даже якобы «неострый»

бульон чунцинского хого все же в разы острее того бульона в «огненном котле» пекинского ресторана.

Поразило меня яство с совершенно оригинальным названием «свинина с рыбным ароматом» (鱼香肉丝). Это одно из самых «домашних» блюд (家常菜), которое готовят почти в каждой семье. Как я узнал впоследствии, никакой рыбы в составе этого блюда нет. Однако приятный рыбный аромат присутствовал.

Как китайцы сумели создать такое блюдо, я не знаю, однако уточнил, каков же все-таки состав этого кушанья. Позже, как мне показалось, я узнал секрет этого блюда. Мне рассказали, что «творческие» сычуаньцы создали приправу, которая называется «перец с рыбой», в состав которой рыба-то и входит. Повар добавляет ее к луку, имбирю, чесноку, соевому соусу, соли, сахару, уксусу. По всей видимости, в процессе готовки рыба разваривается, приправа тщательно перемешивается, и полученным соусом блюдо заливается. Окрыленный разгадкой всей этой кулинарной истории, я рассказал это знакомому китайцу. Но он посмеялся и ответил, что это лишь байка для малосведущих туристов. Как оказалось, никакого секретного ингредиента (как и в фильме «Кунфу панда») в этом конкретном блюде и целой серии блюд с «рыбным ароматом» не существует. Вся хитрость лишь в применении тех же приправ, что обычно используются в рыбных блюдах, и восприятие которых у сычуаньца мгновенно вызывает в его мозгу сигнал: «О, рыба!». На удивление просто, не правда ли?

В целом в сычуаньской кухне насчитывается более 20 способов приготовления пищи. Под одними и теми же приправами могут подаваться совершенно разные блюда. Таким образом, один и тот же способ готовки позволяет создать широчайший набор блюд. Взять, к примеру, блюдо «поджаристый рис с ломтиками мяса». Сначала водружают на тарелку рис, поджаренный до хрусткости. Добавляют специальную «вяжущую» приправу. А затем — тоненькие ломтики мяса. Вкусно необыкновенно! Вместо мяса можно использовать креветки, и получится тогда другое блюдо — «поджаристый рис с креветками».

Всеобщее пристрастие к перченым блюдам породило различные направления сычуаньской кухни со своими гастрономическими оттенками. Тут все зависит от того, с чем повар сочетает перец. В результате получаются разные приправы — с кислинкой, солоноватые и т.д. Местное правительство принимает меры, чтобы сохранить самые известные рестораны, популяризировать опыт лучших кулинаров. Благодаря туристам слава о сычуаньской кухне разлетелась по всем пяти континентам.

Большим количеством разнообразно приготовленных морепродуктов завоевала мое сердце кантонская кухня. В Гуанчжоу, находящемся на юге Китая, я имел возможность попробовать и оценить самые популярные кантонские блюда. Кухня данного региона сложилась под влиянием лучших императорских поваров, которые в 1644 г. вместе с правителями династии Мин вынуждены были бежать из столицы в Кантон.

Развитое рыболовство предопределило основу местной кухни. В отличие от сычуаньской кухни, в кантонских яствах редко используется соус чили. В целом кантонская кухня имеет гармоничный легкий свежий вкус. Также считается, что кантонская кухня предлагает самые экзотичные блюда по сравнению с другими кулинарными зонами Китая.

На мой взгляд, одним из наиболее запоминающихся блюд, характеризующих кантонскую кухню, является блюдо «рыба-хризантема в апельсиновом соусе». Рыба является символом богатства у китайцев, поэтому такое блюдо можно встретить на новогоднем праздничном столе. Очень искусно используя метод «расческа», повар надрезает пластинки рыбного филе так, чтобы получить лепестки будущего «цветка». Затем лепестки посыпаются солью, равномерно обваливаются в крахмале. Хорошо нагревается сковорода «вок» и полученная заготовка, скрученная в колечко, опускается в кипящее масло. На сильном огне рыба постоянно переворачивается поваром с помощью пластиковых палочек. Обжаренная рыба выглядит как цветок с множеством лепестков, которые удобно брать палочками, а апельсиновый соус добавляет блюду не только аромат, но и яркий красивый золотистый цвет и кисло-сладкий вкус.

Самое излюбленное блюдо данного региона — это, безусловно, Дим сум: этикие небольшие закуски, поэтично названные как «сердечное прикосновение» (Dianxin 点心 на кантонском звучит как дим сум, а вообще это своеобразное пирожное). Пряная начинка окружена тонким слоем теста, и закуски эти бывают самых разных цветов и форм. В период правления династии Сунь (960-1279 гг.) по всем основным дорогам были расставлены лотки с освежающими напитками и легкими закусками для усталых путников. Тогда и появились дим сум. Процесс употребления дим сумов стал называться «he cha», что означает «пить чай» (потому что их едят во время послеобеденного чаепития). В Китае традиционно подают дим сум с вереницы дымящихся тележек, в круглых корзиночках с крышечкой, сделанных из бамбука, где они готовятся на пару.

У каждого народа существует свой вариант отварных или жареных пельменей. Это и итальянские равиоли, и армянские бораки, и узбекские чучвара, кавказские хинкали и так далее. Дим сум являются дальними китайскими родственниками пельменей. Дим сум варят, жарят, но чаще всего готовят на пару. Для этого в Кантоне изобрели специальные формочки из бамбука, похожие на маленькое сито. Пропариваясь, формочки придают готовым «пельмешкам» дополнительный аромат древесины. Нередко дим сум и подают в таких ситечках. В отличие от традиционных пельменей, начинкой дим сума может быть не только мясо, но и различные растения и морепродукты, в большинстве случаев креветки. Здесь простор фантазии безграничен, тем более что все китайцы любят сочетать один и тот же продукт с разными — получается целый ассортимент дим сум. Так, например, кантонцы любят готовить свинину — с зеленым луком, с креветками, с рисом. Однако бывают и сладкие, не мясные дим сум, отдаленно напоминающие мучные изделия наших кулинарий. Еще их лепят как мешочки или кувшинчики, слегка открытые сверху, так они особенно декоративны.

Дим сум бесконечно красочны, разнообразны, каждый из них — своеобразное произведение искусства. Лакомиться ими на юге Китая предпочитают ежедневно (на завтрак и во время послеобеденного чая). Легкоусвояемые, дим сумы закономерно считаются той самой легкой пищей, которая так подходит для завтрака.

И действительно, придя ранним утром в любую забегаловку или ресторан, можно увидеть, как стар и млад заказывают дим сум и задумчиво, не торопясь, завтракают. Это характерно только для южан, а на севере традиционно завтракают баоцзы (包子) — пирожками со свиной или Ча цидань (茶鸡蛋) яйцом, сваренным в чае. Главное в этом повседневном ритуале, пожалуй, разнообразие изысканных шариков и мешочков из теста. Разного цвета — чаще всего лимонно-желтого, розового, зеленого, разных размеров и форм, украшенные икрой или овощами, — их принято подавать к чаю, зеленому или красному пу-эр. Иногда их подают в бульоне или сопровождают соусом — соевым или имбирным. Разнообразие дим сумов так велико, что хотя бы несколько из них обязательно найдут отклик в вашем сердце.

В Кантоне главные требования к пище — свежие продукты и минимум приправ. В ресторанах подают рис по-кантонски, суп из акульих плавников, а также экзотические блюда из мяса змей и черепах.

Не менее распространены цзяоцзы — так называют пельмени треугольной формы с начинкой из свиного фарша и капусты. Приготовлен-

ные на пару цзяоцзы также часто едят на завтрак. Отведать их можно и в любое другое время дня, причем необязательно паровые. Цзяоцзы варят и подают вместе с бульоном как суп, а также обжаривают или даже тушат в соусе.

Еще одно излюбленное блюдо кантонцев — свинина барбекю. Нарезанная тонкими ломтиками свинина, розовая на срезе, с коричнево-золотистой корочкой, на вкус впечатляет не менее, чем на вид: оказалось, это нежнейшее мясо с легким ароматом барбекю в сладковато-пряной оболочке.

В целом, кантонская кухня полезна именно большим содержанием морепродуктов, дарит свои «сердечные прикосновения» с помощью закусок дим сум и огромным разнообразием ингредиентов и вкусовых сочетаний.

Вот мы и подошли к описанию кухни Шанхая. В Китае существует поговорка: «Благословенен тот, кто родился в Шанхае, потому что у него есть прекрасные шансы попробовать вкуснейшую еду». Всем известно, что шанхайская кухня сегодня наиболее европеизирована, потому как Шанхай был и является самым излюбленным городом европейцев. Однако нужно знать, что, на самом деле, она включает в себя две основные кулинарные школы — бэньбан и хайпай.

Бэньбан (本帮菜) буквально означает «местная кухня». Эта традиционная кухня, которая сформировалась в Шанхае около 100 лет назад. Главными ингредиентами кухни бэньбань считаются рыба, свинина, курица и всевозможные овощи, обязательно приготовленные с соевым соусом или пастой. Кухня бэньбан отличается свежим, мягким и сладковатым вкусом.

Другая же шанхайская кухня хайпай (海派菜) сформировалась благодаря космополитической культуре города в конце правления династии Цин (1644 — 1911 гг.). Хайпай — это уже адаптированная под вкусы местных жителей кухня соседних провинций и западных стран. Основными ингредиентами для кухни служат свежая рыба, креветки, крабы и другие морепродукты, а способы приготовления блюд хайпай исчисляются сотнями.

Кухни бэньбан и хайпай имеют между собой много общего. Во-первых, в блюдах обеих кухонь часто используются морепродукты и рыба. Во-вторых, в местных ресторанах ассортимент меняется вместе со сменой времен года, так как сотни рецептов включают в себя сезонные ингредиенты. В-третьих, как и в других регионах страны, в Шанхае существуют десятки вариаций приготовления пищи: туше-

ние, жарка, быстрая обжарка, глубокая обжарка, варка, маринование, «обжигание», готовка на пару и т.д. В-четвертых, блюдам бэньбан и хайпай не свойственна острая приправа, большинство кушаний получаются легкими, свежими и сочными. Многие блюда готовятся с добавлением столового вина, поэтому в меню часто можно увидеть названия «пьяный краб», «пьяная утка» или «нетрезвая креветка».

В последние годы шанхайская кухня также подверглась огромному влиянию со стороны кантонской кулинарной школы. В Шанхае стали уделять больше внимания свежести и качеству ингредиентов, блюда стали более здоровыми и менее жирными.

Бесспорное первенство среди мясных блюд местного населения занимают кушанья со свининой. Удивительно, на самом деле, если кто-то в Шанхае говорит «мясо», нет никаких сомнений в том, что он имеет в виду именно свинину. Свиной фарш используется для приготовления тефтелей и в качестве начинки для всевозможных булочек, а свиную нарезку добавляют в супы и жаркое. Одним из лучших блюд Шанхая считается свинина в красно-коричневом соусе хуншао жоу (红烧肉). Его подают в лучших ресторанах Шанхая.

Кроме того, шанхайцы очень любят мясные пельмени, традиционные шанхайские Сяо лун бао (小笼包). Это маленькие паровые пельмени со свининой, многие знатоки считают это блюдо самым популярным в Шанхае. Порой сяо лун бао путают с клецками. Специалисты в поедании этого блюда предпочитают приправлять его рисовым уксусом (醋), что придает мясу неповторимый вкус и аромат.

Другой, не менее интересный вид таких пельменей — это Шэн цзян бао (生煎包), жареные пельмени. Их готовят из дрожжевого теста, а затем жарят до появления хрустящей золотистой корочки. Шанхайцы часто едят шэн цзян бао на завтрак, а лучшим дополнением к пельменям также служит рисовый уксус.

Важное место в категории мясного ассорти занимает курица. Кроме жареных, маринованных, копченых под специфическими соусами цыплят, шанхайцы очень любят добавлять курицу в сложные блюда, количество ингредиентов которых, не считая специй и приправ, может достигать двух десятков. Одним из таких роскошных яств является острый соус «Восьми драгоценностей» Бабао Лацзян (八宝辣酱) — традиционно одно из самых острых блюд в Шанхае. «Восемь драгоценностей», из которых готовится соус, включают в себя очищенные креветки, курицу, свинину, свиные почки, ростки бамбука, зимние опята, сушеные креветки и еще различные специи. Такое большое количе-

ство ингредиентов дает некоторое представление о том, какой тонкой, изысканной и богатой может быть шанхайская кухня.

Что касается закусок, в Шанхае они встречаются на каждом шагу: это и знаменитые паровые булочки наньсян, и выпечка «желтый краб», и рубленый рисовый пирог, и шанхайские вонтоны. Необычайно вкусно блюдо ю тiao (油条) — печенье-хворост, жареное во фритюре.

Многие закусочные расположены в районах улицы Вуцзян (吴江路), южной юньнаньской улицы (南云南路), улицы Сянься (仙霞路) и в старом городе в районе Юйюань.

Кроме вышеперечисленного, Шанхай может предложить разнообразные супы, жареные пельмени, морепродукты, знаменитого «волосатого» краба, живущего в пресной воде. Речной «волосатый» краб, который необычайно ценится в Китае не только за вкусное нежное мясо, но и за необычайно вкусную и питательную крабью икру. Кроме того, здесь готовят большое количество блюд из утки. В Шанхае своя кулинарная технология — продукты долго тушат в соевом соусе с добавлением рисовой водки.

Популярны также так называемые вегетарианские утка, курица и гусь, хотя, на самом деле, эти блюда не имеют ничего общего с вышеперечисленными птицами — это лишь соевый заменитель, который по структуре якобы напоминает мясо.

Кроме вышеупомянутой Вуцзян, известной своими закусочными, кафе и небольшими рестораничками, а также продажей с уличных лотков, где покупаемая еда поглощается сразу, есть еще немало мест в Шанхае, где можно вкусно поесть, при этом не сильно опустошая кошелек. В районе Nanjing Lu много специализированных ресторанов. На Shashi Xiaochi Shijie располагаются самые дешевые заведения, специализирующиеся на супе-лапше и хого.

Улица Zhapu Lu находится с северной стороны притока Сучжоу, ее легко узнать по неоновым вывескам. Также одна из самых популярных ресторанных улиц называется Yunnan Lu: разнообразная кухня и многочисленные прилавки с едой. Что касается Zhejiang Zhong Lu, здесь подают мусульманские блюда и суп-лапшу. Многие рестораны на Huanghe Lu работают круглосуточно, а самые лучшие кондитерские изделия — пирожные, торты и булочки продаются в кафе на Nanjing Dong Lu.

Рестораны французского квартала популярны у иностранцев, а потому цены здесь уже почти достигли международного уровня. Меню — на английском, большинство официантов тоже говорят по-английски.

Рестораны с европейской кухней находятся на Huaihai Lu (здесь же — фаст-фуд) и Maoming Lu с шанхайской и сычуаньской — сконцентрированы в маленьких улочках вокруг Huaihai Lu. Старый город знаменит качественной китайской едой по доступным ценам. Главный недостаток — очереди, особенно в обеденное время.

Таким образом, я попытался как можно подробнее рассказать о традиционной китайской кухне. Только сейчас, в процессе написания данной статьи я понял, что мне посчастливилось побывать в самых красивых городах большого континентального Китая. Я имел возможность подняться на Великую Китайскую стену, любоваться безграничной красотой Императорского дворца в Закрытом городе и побывать в знаменитом храме Тяньтан в столице Поднебесной — Пекине. Также по счастливой случайности я посетил невероятную провинцию Сычуань, где ходил по улицам просто грандиозного и самого большого по количеству населения в Китае города Чунцина. Удалось любоваться знаменитыми на весь мир пандами в Чэнду и побывать в таинственных пещерах Дацзу. Шанхай, естественно, удивил своими «каменными джунглями» в районе Пудун, а в провинции Гуандун можно отметить большое количество иностранцев, преимущественно африканцев, ну и, конечно, прекрасный город Гуанчжоу.

Все эти города поражали разнообразностью предлагаемых блюд и кулинарных яств. Попробовав многочисленные блюда традиционной китайской кухни, я ощутил богатство китайской истории, традиции и обычаев. И я пришел к выводу, что китайская традиционная кухня — это результат влияния философских подходов, конфессиональных мнений и богатой на события многотысячной истории.

Поскольку Китай имеет огромную территорию, его кухня богата, разнообразна и имеет естественные региональные различия, обусловленные разными климатическими условиями. Имея изолированный характер, тем не менее, кухня Поднебесной может занять почетное место в мировой кулинарии. Философский подход практически ко всему, даже к пище, в тысячный раз изумляет и заставляет задуматься о том, что среди проблем и невзгод нельзя забывать, что людям для начала нужно научиться жить в гармонии с собой и окружающим миром, находя золотую середину во всем.

Сведения об авторах

Алдабергенова Д.Н. — докторант PhD Пекинского Университета (КНР)

Арзыкулов А.А. — старший преподаватель кафедры китаеведения КазНУ им. аль-Фараби

Асыл М.Б. — преподаватель кафедры китаеведения КазНУ им. аль-Фараби

Байназарова Э.Е. — руководитель Центра международных исследований ИМЭП

Бурханов К.Н. — депутат Мажилиса Парламента РК

Дауен Д.Б. — докторант PhD кафедры китаеведения КазНУ им. аль-Фараби

Ерекешева Л.Г. — ведущий научный сотрудник Института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова

Изимов Р.Ю. — научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Каукенова Т.В. — независимый эксперт

Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Мансуров З.А. — директор Института по проблемам горения при КазНУ им. аль-Фараби

Нурша А.К. — ученый секретарь КИСИ при Президенте РК

Султанов Б.К. — директор КИСИ при Президенте РК

Султанов К.С. — депутат Мажилиса Парламента РК

Сыроежкин К.Л. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Хафизова К.Ш. — независимый эксперт

Шулембаева Р.Д. — корреспондент республиканской общенациональной газеты «Казахстанская правда»

Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают девять докторов наук, тринадцать кандидатов наук, специалистов в области политологии, истории, экономики, социологии.

За время существования КИСИ экспертами института издано более 200 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. Институтом издаются четыре журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр», «Analytic» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). КИСИ располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов. Особый интерес у зарубежных экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 года и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из России, Китая, Германии, Франции, США, Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Японии и других стран.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,
пр. Достык, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

Information about the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes nine doctors and thirteen candidates of sciences, who specialize in political science, history, economics and sociology.

The KazISS have published more than 200 books on international relations, global and regional security, economics and politics. The Institute is publishing four journals: the *Kogam jane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum*, and the *Analytic* in Russian, the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) on the issues of security and cooperation in Central Asia participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Japan and USA and other countries.

The KazISS is the basis for both professional practice work of students from the leading Kazakhstan universities and fellowship of the experts representing foreign research institutions.

Contact us for any further information:

The Dostyk Avenue, 87 ^{'b'}
050010, Almaty
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (727) 264-34-04
Fax.: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

Информация о Китайском Фонде международных исследований

Основанный в Пекине в мае 1999 года Фонд международных исследований КНР (CFIS) является государственным учреждением, имеющим статус юридического лица, осуществляющим свою деятельность под патронажем Министерства иностранных дел КНР. Членами фонда являются высокопоставленные дипломаты, знаменитые ученые и эксперты в области международных исследований, а также видные предприниматели КНР.

В качестве одного из наиболее влиятельных неправительственных аналитических центров в Китае CFIS служит важной платформой для проведения исследований по вопросам международных отношений и внешней политики. Исследовательская работа, проводимая Фондом, должна способствовать лучшему пониманию основных вопросов международной политики и внешнеполитического курса КНР среди представителей академического и бизнес сообществ путем проведения исследований перспективного и стратегического характера. Фонд поддерживает практику академических обменов с другими китайскими и зарубежными научно-исследовательскими институтами, а также при наличии соответствующих поручений участвует в продвижении публичной дипломатии, международного экономического и культурного сотрудничества, проведении обмена между гражданами. Фонд также предоставляет необходимую информацию по политической и экономической тематике и осуществляет политические консультации для китайских компаний, заинтересованных в ведении бизнеса за рубежом.

Основным источником финансирования Фонда являются безвозмездные взносы от китайских компаний, государственных учреждений, общественных организаций, предпринимателей и друзей Фонда.

Средства, поступающие в Фонд, используются для проведения исследований по важнейшим вопросам международных отношений и внешней политики Китая, публикации материалов исследований, проведения семинаров и другой научно-исследовательской деятельности Фонда и его научно-исследовательских центров, а также для продвижения двусторонних и многосторонних обменов и сотрудничества между китайскими и зарубежными научно-исследовательскими институтами, занимающимися международными исследованиями.

Расположенный в Пекине, Фонд управляется Исполнительным советом в составе председателя, исполнительного председателя, нескольких заместителей председателя, а также членов совета. В структуру Фонда входят комитет по академическим вопросам, комитет по связям с общественностью, секретариат и финансовый отдел.

Пятое заседание Исполнительного совета Фонда состоялось в Пекине 1 июля 2011 г., где был избран новый глава Фонда — Г-н Чжан Дэгуан (Zhang Deguang), бывший заместитель министра иностранных дел, бывший посол КНР в Российской Федерации и первый генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества. Г-н Лю Гучан (Liu Guchang), бывший заместитель министра иностранных дел, член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, бывший посол КНР в Российской Федерации, был избран исполнительным председателем Фонда. Г-н Ван Чжэнь (Wang Zhen) — бывший посол Китая в Уругвае и Венесуэле, бывший вице-президент Китайского народного института иностранных дел, был избран генеральным секретарем Фонда.

Адрес: 12 этаж, дом № 6, Синьдунлу, Дунчжимэньвай, Пекин, КНР.
Почтовый индекс: 100600
Сайт: www.cfis.cn
Телефон: 86-10-85119643
Факс: 86-10-65598128
E-mail: 85119643@163.com

Information about China foundation for international studies

Established in Beijing in May, 1999, the China Foundation for International Studies(CFIS) is a national organization with legal person status under the patronage of the Chinese Foreign Ministry. Its members are mainly senior diplomats, renowned researchers and scholars on international studies as well as entrepreneurs in China.

As one of the most influential non-governmental think tanks in China, CFIS serves as an important platform for conducting studies on international issues and foreign policy research. It seeks to enhance the Chinese academic and business communities' understanding of major international issues and China's foreign relations by carrying out forward looking and strategic studies. CFIS promotes academic exchanges with other Chinese and foreign research institutes and as called for, participates in public diplomacy as well as foreign economic and cultural cooperation and people-to-people exchanges. It also provides necessary political and economic information and policy consultation to Chinese companies interested in doing business overseas.

CFIS's funding comes mainly from donations made by Chinese companies, public institutions, social organizations, entrepreneurs and friends.

CFIS's fund is used to sponsor research on major issues on international developments and China's foreign relations conducted by China's academic community and related publications, support seminars and other research activities organized by CFIS research centers, bilateral and multilateral exchanges and cooperation between Chinese and foreign research institutes on international studies and sponsor other activities to promote international studies.

Located in Beijing, CFIS is governed by an Executive Council consisting of a chairman, an executive chairman, several vice chairmen and a number of council members. The Foundation has an academic committee, a committee on public relations, a secretariat and a financial office.

The Fifth Meeting of CFIS Executive Council was held in Beijing on July 1, 2011 which elected new heads of the Foundation. Mr. Zhang De-guang, former vice foreign minister, former Chinese ambassador to Russia and the first secretary general of the Shanghai Cooperation Organization, was reelected CFIS Chairman. Mr. Liu Guchang, former vice foreign minister, executive member of the National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference and former Chinese ambassador to Rus-

sia, was elected executive chairman of the Foundation. Mr. Wang Zhen, former Chinese ambassador to Uruguay and Venezuela and former vice president of the Chinese People's Institute of Foreign Affairs, was elected CFIS secretary general.

Address: 12th floor, Building No. 6; 1 Xindonglu, Dongzhimenwai, Beijing, China.

Postal Code: 100600

Website: www.cfis.cn

Tel: 86-10-85119643

Fax: 86-10-65598128

Email: 85119643@163.com

КИТАЙ ГЛАЗАМИ КАЗАХСТАНЦЕВ

Редактор: **Ж.Р. Нуралиева**
Дизайн обложки: **Е.В. Игнатенко**
Верстка **Е.В. Игнатенко**

Подписано в печать 19.06.2012. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 17,5.
Тираж 2000 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, Алматы, пр. Достык, 87 «б»

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы